

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 9

Москва 2019

УДК 902/903

ББК 63.4

А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:

Н. А. Макаров (ответственный редактор)

С. В. Шполянский (составитель), *И. Е. Зайцева*, *С. И. Милованов*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2019. – 176 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 9-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 18–20 октября 2018 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников Верхнего Поволжья и новгородских земель. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials of the 9th scientific-practical seminar «Archaeology of Vladimir-Suzdal land», which was held on the 18th–20th October, 2018 in the city of Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of Upper Volga area and Novgorod lands are presented in the publications.

The researches of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, as well as a number of general issues studying the material and spiritual culture of the Vladimir-Suzdal land historical core population are covered in the materials of the seminar.

ISSN 2686-6919

ISBN 978-5-94375-304-6

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-304-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019

© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2019

© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Угулава Н. Д. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг.....	7
Зайцева И. Е., Угулава Н. Д. Селище Клецино: начало нового этапа исследований.....	30
Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Которское селище – рядовой погост, нерядовой памятник.....	51
Исланова И. В., Смирнова С. М., Дементьев Е. А. Исследования в селе Нерль.....	69
Соболев В. Ю. Н. А. Ушаков и его раскопки 1844 г.	78

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Очеретина С. В. К вопросу об оборонительных сооружениях древнего Владимира: исследование рва «Нового города» в 2017 году.....	90
Малыгин П. Д., Богданов С. В. Этапы окняжения Верхневолжья в XII – начале XIII в.	97

Данилов О. В., Абрамов Д. В.	
Археологические исследования на Богатыревой горе в Муроме в 2017 году.....	107
Томсинский С. В.	
Исследования в Угличском кремле в 2018 г.....	118
Турова Е. А.	
Результаты археологических работ Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа сезона 2018 года в контексте исследований комплекса дворца удельных князей в Угличском кремле	129

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Вахтанов С. Н.	
Резные лики Суздальского Рождественского собора XIII века в контексте развития Владимиро-Суздальского белокаменного зодчества и системы фасадного декора	141
Тимофеева Т. П.	
Гробница из Рождественского монастыря в собрании ГВСМЗ.....	153
Бейлекчи Вал. В., Данилов О. В.	
Редкие изделия с эмалью из Мурома (по материалам раскопок 2017–2018 гг.).....	169
Список сокращений	175

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS, BURIAL SITES AND CULTURAL LANDSCAPES

Makarov N.A., Shpolyansky S.V., Fedorina A.N., Ugulava N.D. To the study of the nearest district of medieval Suzdal: researches in the headwaters of the Kamenka river in 2018–2019.....	9
Zaytseva I.E., Ugulava N.D. Kleshino: the beginning of a new phase of research.....	30
Mikhailova E.R., Sobolev V.Yu. Kotorosk settlement – an ordinary “pogost”, an outstanding site	51
Islanova I.V., Smirnova S.M., Dementyev E.A. Researches in Nerl village	69
Sobolev V.Yu. N.A. Ushakov and his excavations of 1844.....	78

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

Ocheretina S.V. On the issue of the defensive installations of ancient Vladimir: the study of the Noviy town moat in 2017	90
Malygin P.D., Bogdanov S.V. Stages of distribution of the princely power in the upper Volga region in the XII – early XIII centuries	97

Danilov O. V., Abramov D. V.	
Archaeological research on Bogatryyova mountain in Murom in 2017	107
Tomsinskiy S. V.	
Research in the Uglich Kremlin in 2018.....	118
Turova E. A.	
The results of the archaeological work of the Old Russian expedition of the State Hermitage Museum of the 2018 season in the context of studies of the Palace of princes in the Uglich Kremlin.....	129

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Vakhtanov S. N.	
Carved faces of the Suzdal Nativity Cathedral of the XIII century in the context of the development of Vladimir-Susdal white stone architecture and fasade decoration system	141
Timofeeva T. P.	
The tomb of the Nativity monastery in the collection of GSMZ	153
Beilekchi Val. V., Danilov O. V.	
Rare Wares with Enamel from Murom (according to the materials of excavations 2017–2018).....	169
List of abbreviations.....	175

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н. А. Макаров, С. В. Шполянский, А. Н. Федорина, Н. Д. Угулава

К ИЗУЧЕНИЮ БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СУЗДАЛЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. КАМЕНКИ В 2018–2019 гг.

Резюме. В статье рассматриваются результаты разведочных работ, проведенных Суздальской экспедицией ИА РАН в 2018–2019 гг. в ближней округе Суздаля, в районе села Вышеславского, в верхнем течении р. Каменки. Здесь на площади в 15 кв. км было открыто 21 средневековое селище, на которых собрана представительная коллекция вещей и керамики. Установлено, что освоение древнерусским населением региона начинается на рубеже XI–XII вв.

К середине – второй половине XII в. сеть расселения в микрорегионе достигает наибольшей плотности. В это время на одном из селищ (Вышеславское 3) функционирует двор или усадьба представителей социальной элиты княжества, что выразилось в яркой серии находок на памятнике: свинцовой подвесной печати с изображением св. Козьмы и Дамиана, позолоченного колта, змеевика в форме киотца и других вещей.

Основные трансформации структуры расселения в регионе во второй половине XIII – XIV в. проявились в уменьшении количества небольших (площадью до 1,5 га) поселений, концентрации населения на относительно крупных памятниках. Материалы позднего Средневековья и раннего Нового времени (вторая половина XV – XVI в.) были обнаружены только при обследовании села Вышеславского. Таким образом, можно говорить о глубоких изменениях структуры расселения во второй половине – конце XV столетия.

Ключевые слова: Суздальское Ополе, средневековое сельское расселение, селище, древнерусская элита, свинцовая печать, археологические разведки.

Одной из основных задач Суздальской экспедиции ИА РАН в течение последних двух десятилетий остается системный сбор материалов о формировании средневековых структур расселения в Суздальском Ополе. В последние годы основные усилия были направлены на проведение разведочных работ в непосредственной близости от Суздаля, в южном и юго-западном направлениях от города, ранее не затронутых подобными исследованиями (Макаров и др., 2004. С. 19–34; 2013.

С. 64–80). В 2018–2019 гг. работы были сосредоточены преимущественно в верховьях р. Каменки (правый приток р. Нерль Клязминская), к юго-западу от Суздаля, в районе села Вышеславского, расположенного на водоразделе Каменки и ее левого притока р. Уршмы.

Обследованный микрорегион располагается на расстоянии 10–15 км от окраины города (рис. 1), его территория представляет собой слабо наклонную в северо-восточном направлении равнину (в диапазоне высот 127–171 м в Балтий-

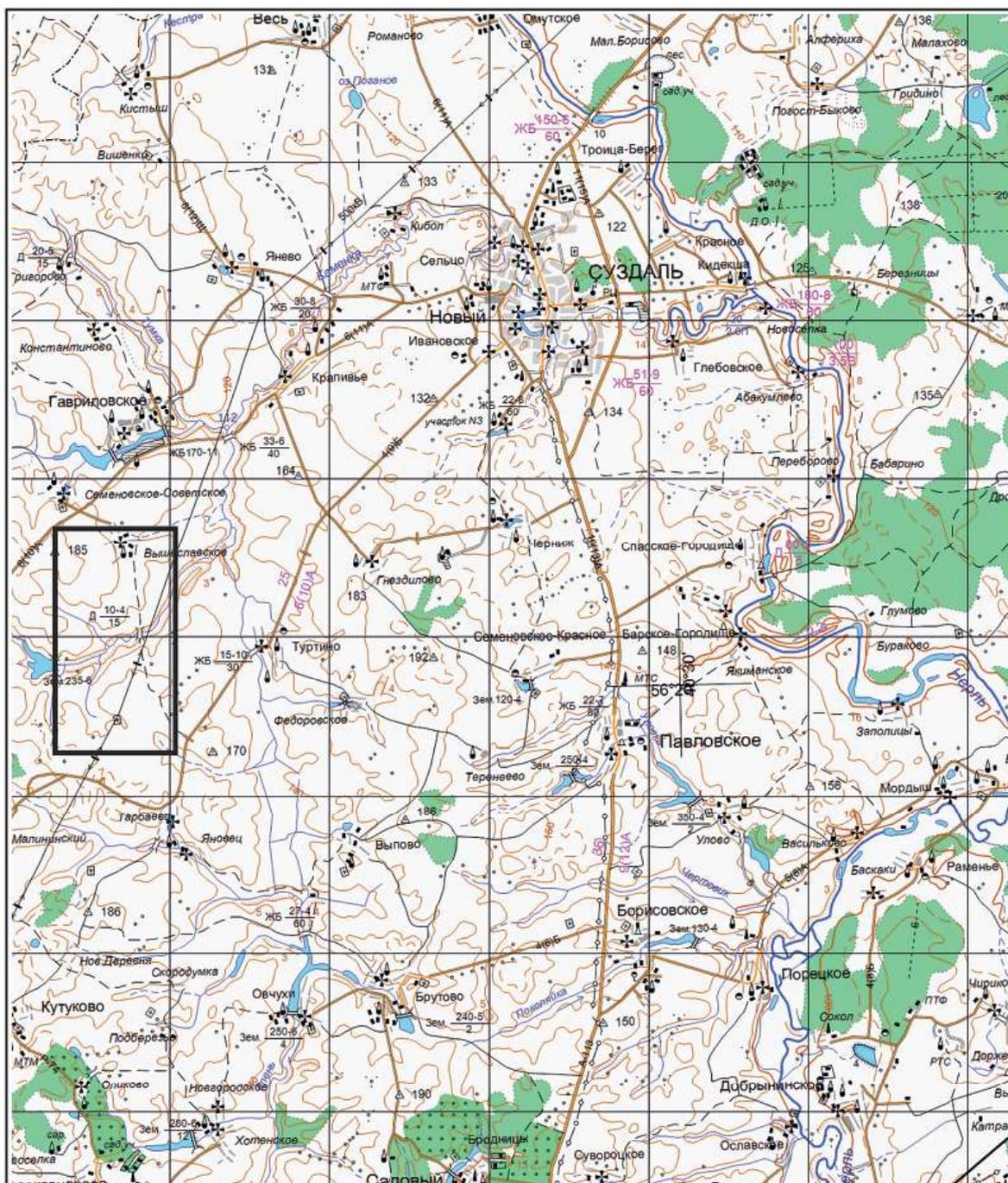

Рис. 1. Расположение территории обследования на карте восточной части Суздальского Ополя

ской системе), расчлененную разветвленными овражными системами бассейна р. Каменки. Обследование этого участка замыкает в зону проведения «сплошных» разведок (т. е. не только берегов основных водотоков, но и всех овражных систем и водоразделов) территорию сравнительно близкой (10–15-километровый радиус) округи Суздаля. Внутри этой зоны еще, конечно, остаются недообследованные участки, однако общее представление о развитии и функционировании средневековых поселенческих структур вокруг одного из столичных центров Владимиро-Суздальской Руси теперь имеет достаточно фундаментальную основу.

За два полевых сезона здесь, на площади около 15 кв. км (6 × 2,5 км), вытянутой от села к югу и охватившей долину р. Каменки с ее притоками, было найдено 21 средневековое селище (в том числе 3 – на территории и в непосредственной близости от самого села Вышеславского), датировка которых может быть в целом определена в диапазоне от конца XI до середины XV столетия (рис. 2). Собранный на памятниках материал, полученный в процессе проведения сборов и шурфовки (см. табл. 1), позволяет в первом приближении представить динамику заселения и функционирования средневековой системы расселения. Материалы раннего Нового времени (XVI – первая половина XVII в.) были обнаружены только при обследовании села, что позволяет говорить о глубоких изменениях структуры сельского расселения после образования единого Русского государства в конце XV столетия.

Характер размещения памятников в пределах обследованной зоны в целом повторяет ранее прослеженную для смежных территорий картину (Макаров, 2012. С. 65–86).

Поселения располагаются преимущественно на берегах оврагов с сезонными или постоянными водотоками, приурочены к среднему их течению или верховьям разветвленных овражных систем. Непосредственно на берегу реки размещаются только одно сравнительно небольшое (1,02 га) селище и одно местонахождение. Наибольшая протяженность оврагов, на которых располагаются поселения, составляет 2–2,5 км.

Плотность расположения селищ в пределах обследованной территории довольно высокая, расстояния между группами памятников, представляющих собой, по-видимому, остатки средневековых сел с хозяйственной периферией, составляет 0,7–1,3 км. Можно говорить о 3–4 подобных скоплениях селищ, найденных в ходе работ в верховьях Каменки.

Внутри скоплений поселения находятся часто на минимальном удалении друг от друга (от нескольких десятков метров), наиболее отдаленные памятники, входящие в одну группу, разделяет чуть более полукилометра.

Основу открытой системы расселения составляют крупные селища площадью от 4 до 12 га (а с учетом близко расположенных селищ-спутников – до 16 га), длительность существования которых, исходя из собранных на них материалов, составляет не менее двух столетий. Всего было найдено 4 таких памятника (Вышеславские 1–2, 3, 5, 22–23). Три из них распаиваются и находятся за пределами территорий современных сел, что позволило получить представительные коллекции керамики и вещей, достоверно определить время их существования и представить характер материальной культуры населения средневековых сел ближней суздальской округи.

Таблица 1. Средневековые селища в верхнем течении р. Каменки в окрестностях с. Вышеславское

№ п/п	Название памятника	Кол-во керамики (п. м.)	Кол-во находок (п. м.)	Площадь селища	Датировка
1	Вышеславское 1	167	26	1,47	н. XII – XIII в.
2	Вышеславское 2	407	59	7,15	н. XII – п.п. XV вв.
3	Вышеславское 3	465	140	3,99	вт.п. 1 тыс.(?), XII–XIII вв.
4	Вышеславское 4	25	1	0,79	вт.п. XI – п.п. XIII в.
5	Вышеславское 5	504	100	3,97	вт.п. XI – п.п. XV в.
6	Вышеславское 6	19	–	0,43	вт.п. XII – XIV в.
7	Вышеславское 7	27	18	1,47	вт.п. XI – XIII в.
8	Вышеславское 8	32	10	1,76	вт.п. XI – XIII в.
9	Вышеславское 9	26	–	–	вт.п. XII – п.п. XV в.
10	Вышеславское 10	38	–	0,38	вт.п. XII – п.п. XV в.
11	Вышеславское 11	32	14	1,02	вт.п. XII – XIII в.
12	Вышеславское 12	139	14	0,24	вт.п. XI – XII в.
13	Вышеславское 13	20	1	0,26	вт.п. XII – XIII в.
14	Вышеславское 14	11	2	0,08	вт.п. XII – п.п. XV в.
15	Вышеславское 15	9	–	0,18	вт.п. XII – п.п. XV в.
16	Вышеславское 16	16	–	0,60	вт.п. XII – п.п. XV в.
17	Вышеславское 17	66	–	0,41	вт.п. XII – п.п. XV в.
18	Вышеславское 18	454	83	1,72	вт.п. XII – п.п. XV в.
19	Вышеславское 21	25	1	0,58	XIII–XVII вв.
20	Вышеславское 22	184	–	11,93	вт.п. XII – XVII в.
21	Вышеславское 23	215	23	4,88	вт.п. XII – XVII в.

Что касается крупнейшего из открытых селищ – **Вышеславского 22**, занимающего центр современного села, – то его территория оказалась в зоне плотной сельской застройки XVIII–XX вв., что не позволило получить сопоставимый с другими памятниками объем информации о характере материальной культуры и микротопографии поселения.

Тем не менее при его обследовании получена достаточно представительная серия керамики, которая может быть основой для определения границ средневекового поселения и его хронологии.

Своими размерами из всех открытых в верховьях р. Каменки селищ выделяется комплекс из двух памятников – **Вышеславских 1–2**, расположенных на левом берегу крупного проточного оврага на расстоянии 3,2–4 км к юго-западу от села. Распаханный слой обоих селищ протянулся широкой (до 170 метров) полосой вдоль берега оврага на расстояние до 0,7 км, представляя собой, по-видимому, остатки одного поселения общей площадью чуть менее 9 га. Памятник разделен

К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля:
исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг.

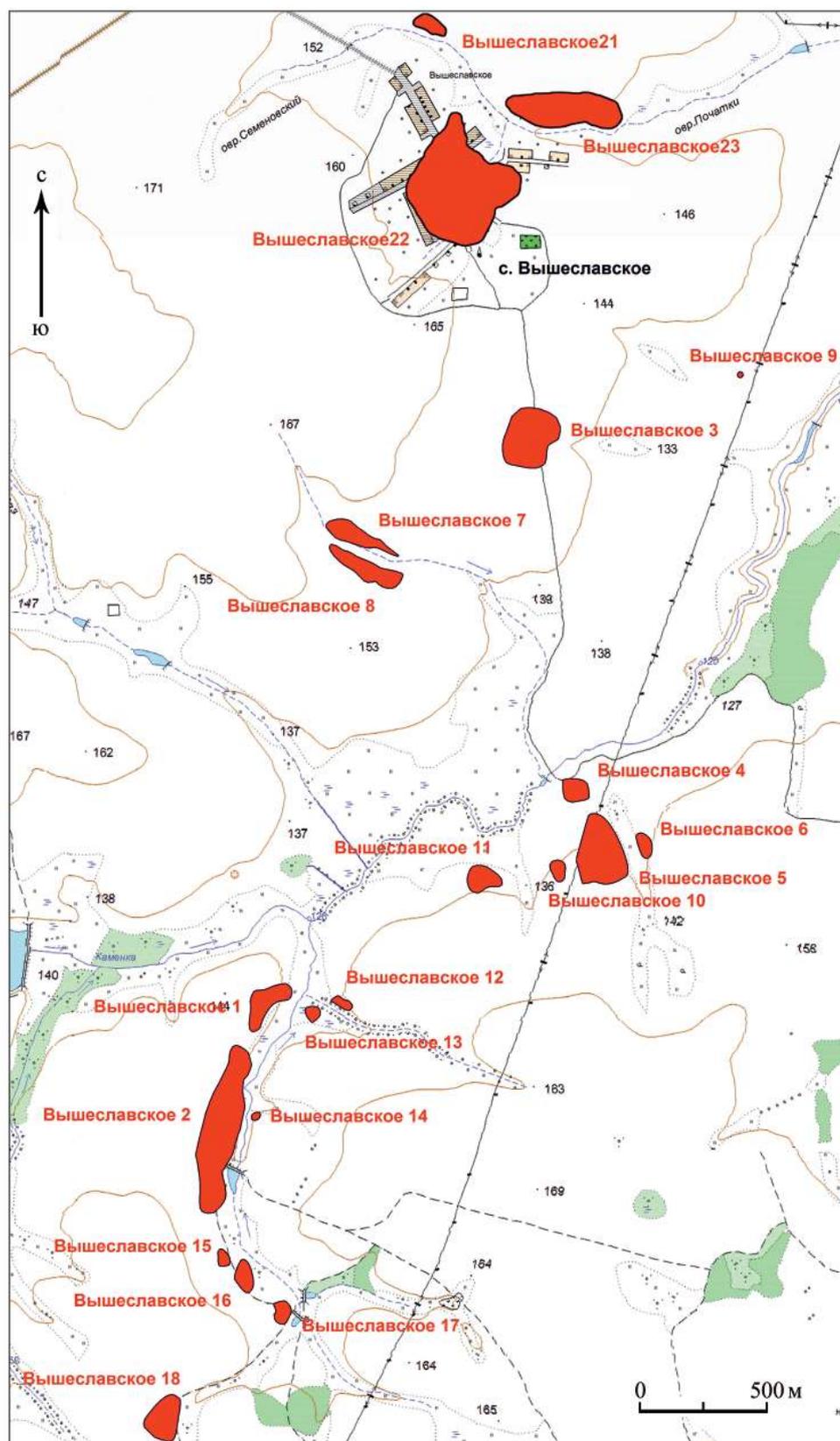

Рис. 2. Бассейн верхнего течения р. Каменки с расположением средневековых селищ, открытых в 2018–2019 гг.

небольшим береговым возвышением на северную (Вышеславское 1) и, большую по размерам, южную (Вышеславское 2) части, отстоящие друг от друга менее чем на 100 м.

Селища Вышеславские 1–2 представляют собой центральное поселение группы («куста») памятников, в состав которой входит, по меньшей мере, еще 3 небольших поселения, располагавшихся на противоположном, правом, берегу оврага (**Вышеславские 12, 13, 14**), в 80–300 м к востоку от него. Размеры этих селищ (менее 0,3 га) и сравнительно небольшое количество происходящего с них материала позволяют предполагать кратковременность их существования и определять как небольшие поселки, маркирующие ближайшую зону хозяйственного освоения крупного средневекового села.

На центральном поселении скопления было собрано в общей сложности более 550 фрагментов керамики (рис. 3) и 85 находок (рис. 4). Анализ материала позволяет говорить о его возникновении не ранее конца XI в. Такое заключение можно сделать исходя из полного отсутствия в сборах древнерусской лепной керамики и вместе с тем находки на селище Вышеславское 2 трех обломков раннекруговых сосудов и обломка рамки лировидной пряжки (рис. 4: 2).

Вопрос о времени возникновения всего «куста» памятников может быть прояснен при рассмотрении материалов одного из селищ – спутников основного поселения – **Вышеславского 12**. В составе керамической коллекции, представленной 139 обломками, присутствуют 2 фрагмента стенок лепных сосудов и 6 фрагментов раннекруговой керамики (рис. 5). Среди находок, происходящих с селища: бронзовая пряжка с прямоугольным приемником, украшенным литым орнаментом в виде мелкой крестовой решетки, амулет-топорик и ромбовидный плоский наконечник стрелы без упора (рис. 6: 5–7) т. н. «новгородского типа» (тип 46) (*Медведев, 1966. С. 68*). Таким образом, появление селища Вышеславское 12 может быть отнесено к рубежу XI–XII вв. или, может быть, чуть более раннему времени.

Вероятно, небольшое поселение, расположившееся в 300 м к востоку от крупного села, существовало сравнительно недолго, и материалы начального этапа формирования «куста» памятников здесь фиксируются более отчетливо.

Основной массив материала, происходящий с селищ Вышеславских 1–2, документирует их развитие в XII–XIII столетиях (рис. 4). Среди вещей, относящихся к этому времени: четыре шиферных пряслица, створка энколпиона, маленькая лунница с геометрическим декором, бубенчик с щелевидной прорезью и тройным рельефным пояском, массивная бронзовая накладка с литым геометрическим орнаментом. К этому же времени относится и большинство находок из черного металла, среди которых ключи от замков, в том числе нутряных, черешковые ножи с широким лезвием, вертлюг, грызло удил прямоугольного сечения. Отдельно стоит отметить находку кубической 12-гранной булавы («куб со срезанными углами»).

Все эти материалы свидетельствуют о стабильном существовании поселения в течение XII–XIII вв. Материалы более позднего времени представлены преимущественно в керамической коллекции, происходящей с селищ, выразительных вещей находок, датируемых концом XIII – XIV в., здесь не найдено. Единственная находка, которая может быть датирована поздним Средневековьем, – литой крестельник с килевидным завершением нижней лопасти (рис 4: 7) – относится ко вре-

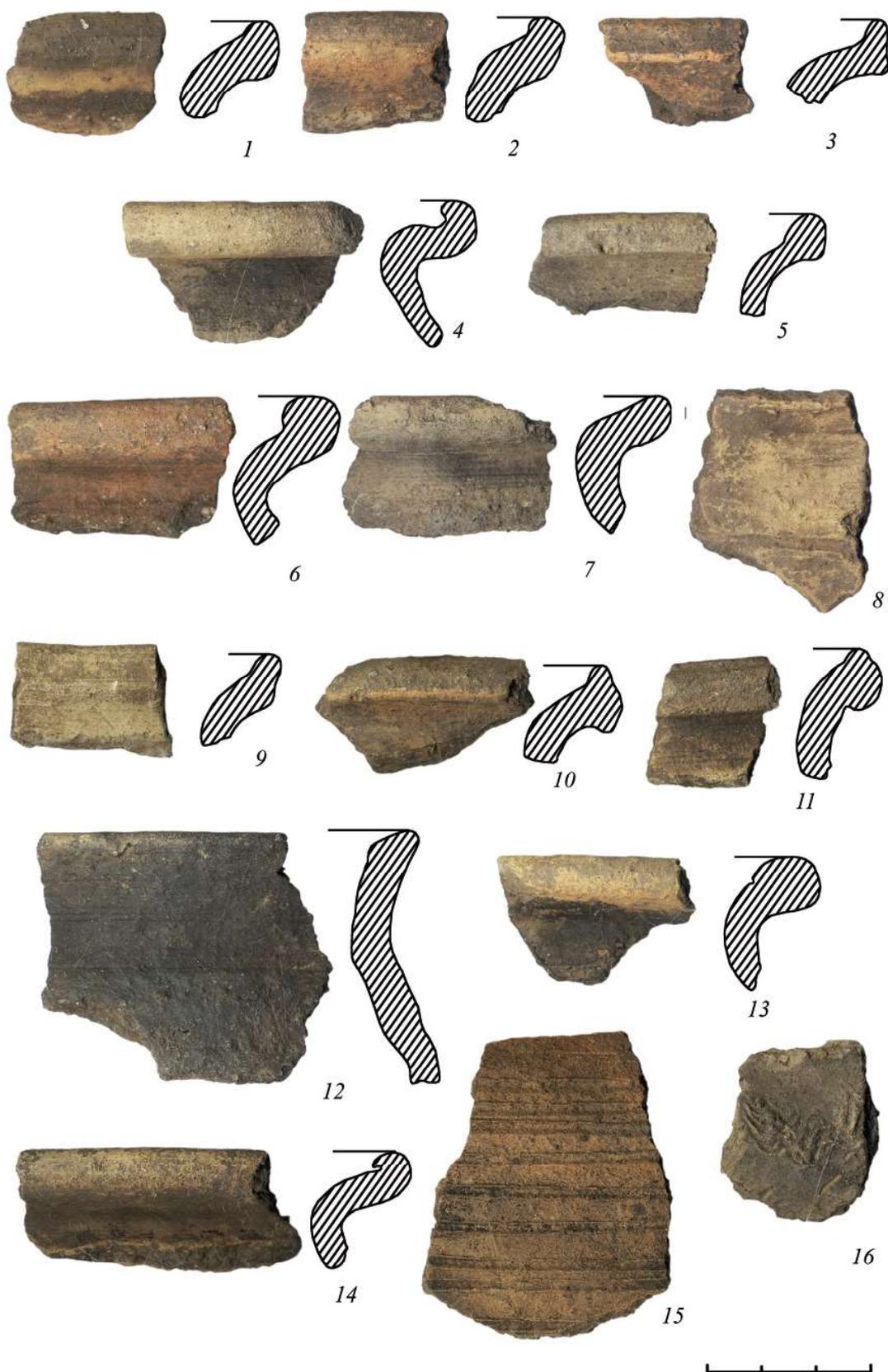

Рис. 3. Селища Вышеславские 1–2. Керамика из сборов

Рис. 4. Селища Вышеславские 1, 2. Находки из сборов. 1-7 – цветной металл; 8-9, 14-17 – железо; 10-13 – камень

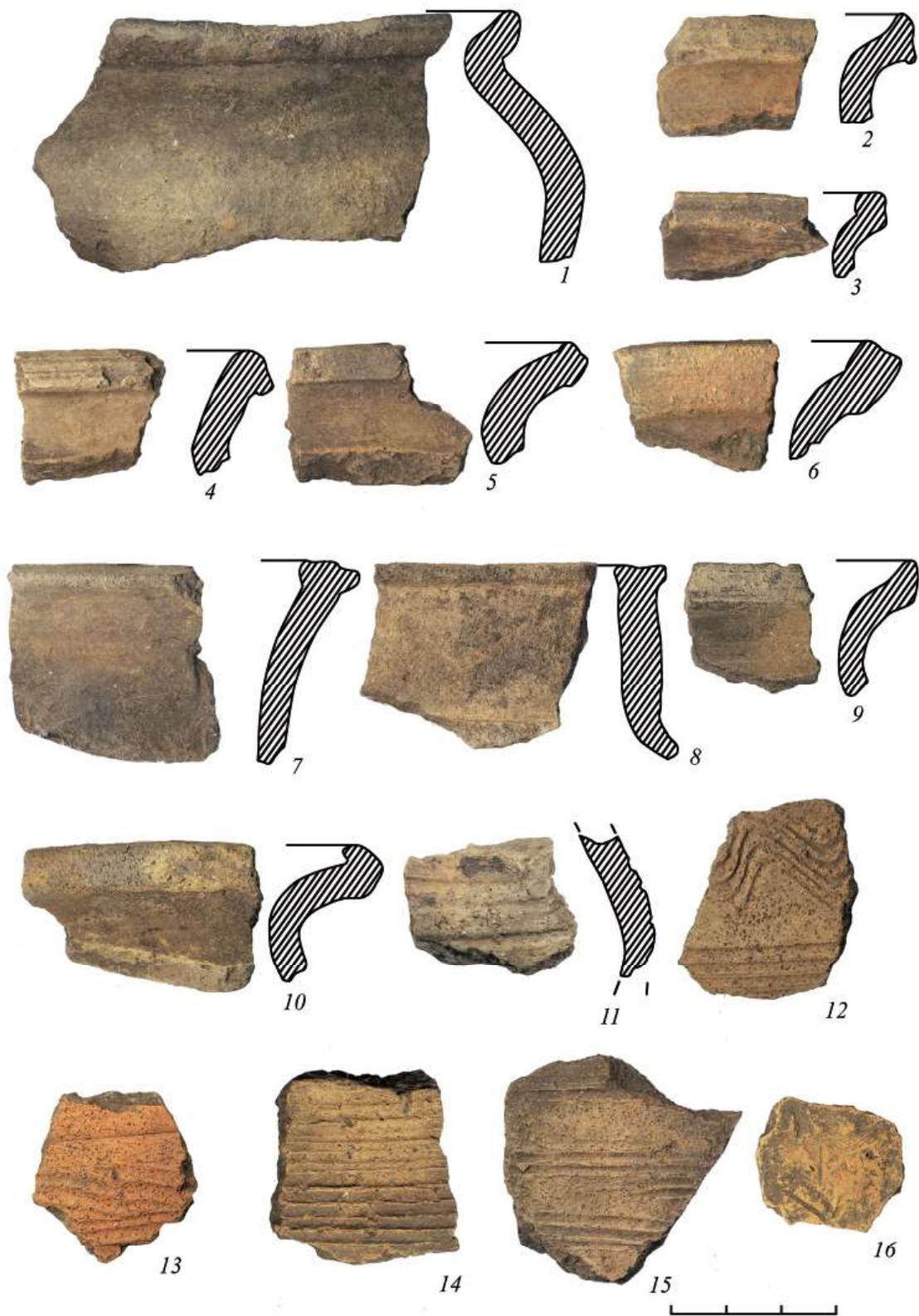

Рис. 5. Селище Вышеславское 12. Керамика из сборов

мени не ранее конца XIV столетия, а вероятнее всего, несколько более позднему (с середины XV в.), и не связана с культурным слоем селища.

Выше по берегу оврага относительно южной оконечности селища Вышеславское 2, на удалении 200–400 м от него, расположены три памятника (рис. 2), которые по своим размерам (0,18–0,60 га) и количеству происходящего с них подъемного материала могут быть отнесены к числу поселений сезонного характера (**Вышеславские 15–16**) либо малодворных деревень (**Вышеславское 17**) с несколькими (не менее двух) периодами заселения. Из-за небольшого количества керамики, найденной при их обследовании, датировка памятников может быть определена в довольно широком хронологическом диапазоне второй половины XII – первой половины XV в. В данном случае важным представляется преобладание на всех трех селищах материала, бытовавшего позже конца XIII столетия, в том числе красноощенной и ангобированной керамики (**Вышеславское 17**), относящейся последней трети XIV – первой половине XVI в.

По-видимому, еще одним локальным центром формирования стабильной системы расселения древнерусского времени в микрорегионе можно считать **Вышеславское 18** – сравнительно крупное селище (чуть более 1,7 га), расположенное в самых верховьях оврага, на расстоянии 0,8–1 км от южной границы Вышеславского 2.

Памятник характеризуется высокой насыщенностью культурного слоя массовым материалом, отсюда происходит более 450 фрагментов керамики – немногим меньше, чем с селищ Вышеславских 1–2 вместе взятых. При обследовании площадки поселения на пашне были отмечены остатки двух глинобитных печей, а в центральной его части – разрозненные человеческие кости, располагавшиеся компактно на площади около 500 кв. м. На стадии проведения разведочных работ датировку разрушенных распашкой погребений достоверно установить нельзя, но, исходя из расположения могильника на территории селища, отсутствия следов кремирования погребенных, с высокой долей вероятности можно предполагать, что это остатки кладбища, функционировавшего во время существования поселения.

Состав керамической коллекции, собранной на селище, в целом сопоставим с материалами, происходящими с крупных поселений, располагающихся в низовьях оврага, и представлен преимущественно типами, бытовавшими в течение XII–XIII вв.

Среди 84 вещей, собранных с распахиваемой поверхности селища, наиболее выразительными можно считать находки миниатюрного пинцета, лапчатой ромбовидной привески с замкнутой петлей для подвешивания и особенно – обломка книжной застежки в виде миниатюрного бронзового кинжальчика (рис. 6: 14, 15, 17).

Небольшая серия находок подтверждает продолжение существования памятника в XIV в. Это обломок корпуса замка типа Г (*Колчин, 1982. С. 156–177*), фрагмент железного щитка от пряжки листовидной формы (рис. 6: 18) и трапециевидная литая бронзовая накладка с подвесом, на лицевой стороне которой помещено объемное изображение дракона с длинным извивающимся телом и раскрытой пастью (рис. 6: 16). Такие накладки, или «бляхи с петлей», хорошо известны в поволжских древностях золотоордынской эпохи (*Полякова, 1996. С. 205, 206. Рис. 68: 5*). Эти вещи, происходящие в том числе и со средневековых мордовских и русских памятников, датируются современными исследователями кон-

Рис. 6. Селища Вышеславские 7, 8, 11, 12, 18. Находки из сборов. Вышеславское 7 – 3, 4, 9, 10, 11, 13; Вышеславское 8 – 1, 2, 8; Вышеславское 11 – 12; Вышеславское 12 – 5–7; Вышеславское 18 – 14–18. 1–5, 7, 9–17 – цветной металл; 8 – железо, цветной металл; 6, 18 – железо

цом XIII – первой половиной XIV в. и тракуются как дешевые подражания изображениям драконов на гарнитуре статусных поясных наборов золотоордынской элиты (Исаков и др., 2014. С. 240, 241. Рис. 2: 5).

Сравнительно небольшое количество массового материала золотоордынского периода, собранного на селище (всего 4 венчика), отсутствие в числе находок «хроноиндикаторов» второй половины – конца XIV – XV в. не позволяет утверждать, что поселение продолжает существовать в это время.

В целом из 9 памятников, располагавшихся по берегам ручья, протяженностью более 2,5 км, найденных в 2018–2019 гг., только небольшое селище Вышеславское 17 продолжает функционировать в XV столетии, вероятно, представляя собой малодворную деревню или сезонное поселение – летник.

Наиболее выразительным по составу материалов, ярко демонстрирующих характер материальной культуры сел Ополья эпохи расцвета Владимиро-Суздальской Руси во второй половине XII – первой половине XIII в., при обследовании верховьев Каменки в окрестностях села Вышеславского стало селище **Вышеславское 3**.

Поселение находится в 0,94 км к югу от церкви села, у вершины безымянного оврага, занимает участок склона возвышенности, обращенного к востоку, в направлении долины реки, разделено на две части ложбиной и вершиной оврага. Площадка селища, размером около 4 га, в плане имеет форму неправильного овала, длина его с юга на север – 260 м, ширина с запада на восток – 230 м, полностью распахивается.

На памятнике собрана представительная вещевая коллекция (140 находок), в составе которой выделяется серия предметов, свидетельствующих о присутствии среди его жителей представителей элиты древнерусского общества.

Наиболее выразительным свидетельством этого является находка актовой печати с изображением св. Козьмы и Дамиана и греческой благопожелательной надписью на обратной стороне (рис. 7: 1). Эта находка уже введена в научный оборот (Макаров, Гайдуков, 2018. С. 29–33). В числе прочих предметов, заслуживающих внимания как индикаторы статуса, благосостояния и широких внешних связей обитателей этого поселения, – змеевик в форме киотца с изображением Богоматери на престоле и змеевидной композицией на обратной стороне (рис. 7: 3), круглая иконка-подвеска с погрудным изображением св. Георгия и княжеским знаком на обороте (рис. 7: 5), позолоченный колт с изображением фантастического животного (рис. 7: 2), накладка на сумку с плетеным орнаментом (рис. 7: 4).

Среди других находок из цветного металла: подвеска в виде ложки (рис. 7: 11), четыре средневековых креста-тельника, в том числе два с округлыми завершениями лопастей и эмалевым декором (рис. 7: 6, 7) и два маленьких с ромбовидным средокрестьем и шариками на концах лопастей (рис. 7: 8, 9), лапчатая привеска (рис. 7: 10), такая же, как на Вышеславском 18, грушевидный крестопорезной бубенчик (рис. 7: 15), пятиугольная двучастная пряжка (рис. 7: 17).

Из почти трех десятков находок из черного металла следует выделить крупную булавку с кольцевидной головкой, украшенную инкрустацией (рис. 7: 13).

К наиболее поздним средневековым вещам, возможно, не связанным с основным периодом существования селища, относятся перстень с широким округлым щитком, на котором помещено затертое изображение, образованное серией завит-

Рис. 7. Селище Вышеславское 3. Находки из сборов. 1–12, 14–17 – цветной металл;
13 – железо

Рис. 8. Селище Вышеславское 3. Керамика из сборов

ков, размещенных на поле щитка (рис. 7: 16). Перстень с близким изображением на щитке происходит с Сунгирьского селища и, возможно, из раскопок Переславля Рязанского (Шполянский, 2015. С. 208, 209). В целом датировка таких перстней определяется в диапазоне второй половины XIII – XV в. (Сарачева, 2007. С. 82, 83).

Наоборот, к более раннему времени, чем общая датировка памятника (вторая половина I тыс. н. э.), должен быть отнесен фрагмент украшения (круглой фибулы?) с полосой отверстий по периметру, тонкими концентрическими линиями по всей поверхности от края к центру и петлей на внутренней стороне (рис. 7: 14).

В шурфе площадью 8 кв. м, заложенном вблизи места находки печати, выявлен культурный слой мощностью до 40 см, исследована часть подпольной ямы наземного сооружения, стены которой были укреплены деревянной опалубкой (сохранился древесный тлен в виде тонкого слоя углистого гумуса по периметру ямы), в ее заполнении зафиксирован развал глинобитной печи, залегавший в горизонте, сформировавшемся в процессе разрушения постройки (слой темного углистого гумуса). Керамический материал и находки (черешковые ножи с широким лезвием, короткое овальное кресало, перстнеобразное разомкнутое височное кольцо), происходящие из сооружения, позволяют датировать постройку второй половиной XII – первой половиной XIII в.

На пашне было найдено 465 фрагментов керамики, в том числе 5 фрагментов стенок средневековых лепных сосудов, 3 обломка стенок раннекруговых горшков и 8 венчиков круговой керамики ранних типов (I, II по В. А. Лапшину) (рис. 8: 2, 6, 9–11), что, наряду с находкой грушевидного крестопрорезного бубенчика, позволяет определить раннюю дату памятника концом XI – началом XII в. В целом же керамический материал, собранный на селище, подтверждает датировку поселения XII – первой половиной XIII в. (рис. 8).

В качестве памятников, в материалах которых наиболее отчетливо представлены находки, соотносимые с начальным этапом древнерусского освоения микро-региона, следует назвать селища **Вышеславские 7 и 8**, расположенные на склоне водораздела левобережья Каменки, в 1,4–1,5 км к юго-западу от окраины села. Памятники находятся в 700–800 м к юго-западу от Вышеславского 3 в верховьях соседнего оврага, на его обоих берегах, напротив друг друга, представляя собой, по-видимому, остатки одного поселения. Совокупная площадь селищ достигает более 3,2 га, на момент обследования территории селищ были заняты посевами многолетних трав, что затруднило сборы подъемного материала. На памятниках собрана сравнительно небольшая коллекция керамики, представленная 59 обломками, из которых 8 венчиков могут быть датированы временем не позднее первой трети XII в. (типы I–III по В. А. Лапшину).

Среди находок четыре пряжки, в том числе три лировидных (одна из них двучастная), и обломок рамки пряжки с прямоугольным приемником (рис. 6: 1–4), бочонковидная весовая гирька (рис. 6: 8), половинка крупной бронзовой ложнозерненной бусины, фрагменты пластинчатых перстня и браслета, украшенных растительным орнаментом, крестопрорезной грушевидный бубенчик (рис. 6: 9–11, 13).

Состав находок, происходящих с селищ, позволяет датировать их концом XI – первой половиной XIII в., т. е. так же, как и расположенное на соседнем овраге Вышеславское 3.

Из всех средневековых поселений, открытых за два года работ в верховьях Каменки, наиболее продолжительную историю существования (за исключением поселений, находящихся под современной сельской застройкой) имеет селище **Вышеславское 5**, расположенное в 2,1–2,5 км к югу от окраины села.

Поселение занимает центральное положение в скоплении из пяти близко расположенных селищ и местонахождений. Памятники располагаются компактно на склоне водораздельного плато, прорезанного оврагами, образующими правобережный бассейн водосбора Каменки, и приурочены как к ее правому берегу, так и (преимущественно) к берегам двух безымянных оврагов протяженностью 0,46 и 1,1 км, один из которых имеет регулярный водоток (наиболее протяженный, расположенный ниже по течению Каменки). Расстояние между оврагами составляет 370–430 м.

Центральное поселение в скоплении имеет площадь около 4 га, совокупные размеры всех селищ превышают 6,5 га. Наиболее удаленное от центрального памятника селище **Вышеславское 11** отстоит от него на 200–300 м к западу, располагаясь на пологом возвышении правого берега реки. Остальные памятники скопления (**Вышеславские 4, 6, 10**) находятся всего в нескольких десятках метров от границ Вышеславского 5 и могут рассматриваться как части одного поселения (средневекового села).

Из 115 вещей, происходящих с селищ, ко времени начального этапа древнерусского заселения микрорегиона относится находка креста скандинавского типа (рис. 9: 7), обнаруженного на берегу реки, у существующей сейчас переправы, на территории местонахождения **Вышеславского 4**.

В составе коллекции достаточно отчетливо выделяется серия предметов военного назначения и всаднического снаряжения. К числу предметов вооружения принадлежат 3 находки: редкая форма двушипного уплощенного наконечника стрелы с упором (рис. 9: 4), изделие с четырьмя разнонаправленными заостренными шипами – конский «чеснок» (рис. 9: 14) и кубическое 12-гранное навершие булавы в форме «куба со срезанными углами» (рис. 9: 5).

Всадническое снаряжение представлено находками 3 фрагментов удила (звеньев грызла), небольшим обломком стремени. К декору упряжи верховой лошади относится наносный султанчик (рис. 9: 10) – редкая вещь на средневековых памятниках Ополья (Шполянский, 2019. С. 232).

В числе бытовых предметов и инструментария находки двух овальных кресал (длинного и короткого), пятка от косы-горбуши, пружинные ножницы, язычок от пряжки, обломок сковороды, булавка с подвижной кольцевидной головкой (рис. 9: 9), шило ромбического сечения, долото. Отдельно стоит упомянуть железную накладку в виде стержня с раскованными концами, в которых проделаны отверстия под штифты (рис. 9: 12).

Среди предметов из цветного металла – иконка круглой формы с рельефным литым изображением Святителя (рис. 9: 6) и крест с округлым завершением лопастей и прямым средокрестьем, украшенный желтой эмалью (рис. 6: 12) (найден на Вышеславском 11).

В числе других вещей – фрагмент бронзового писала (лопаточка) (рис. 9: 8), обломок зеркала, кольцевидная замкнутая фибула с двумя прямоугольными расши-

Рис. 9. Селища Вышеславские 4, 5. Находки из сборов. 1–3, 6–8, 11, 13, 15 – цветной металл; 4, 5, 9, 10, 12, 14 – железо

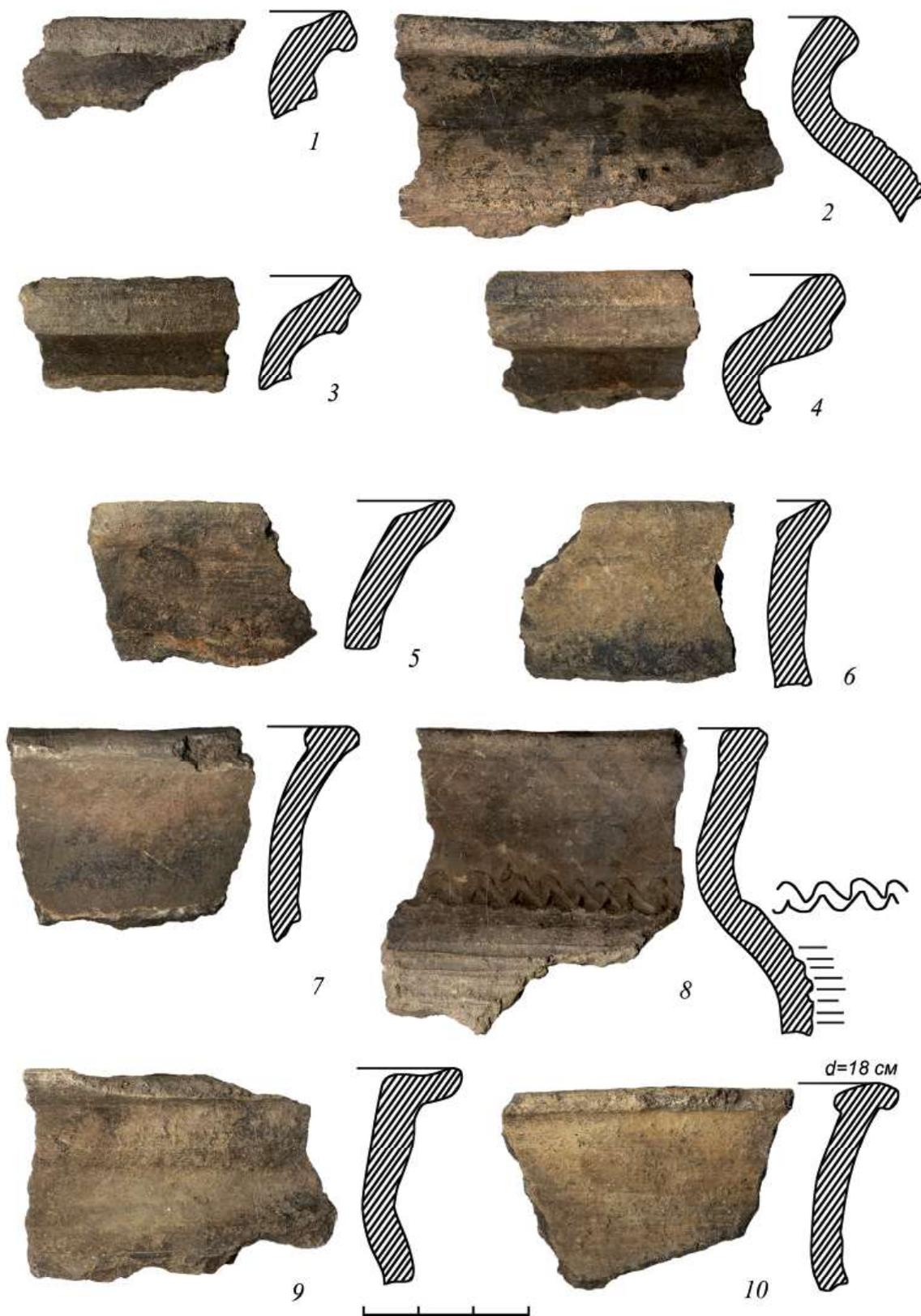

Рис. 10. Селище Вышеславское 5. Керамика из сборов

рениями по периметру с гнездами под эмалевые вставки (?) и перехватом для крепления иглы (по-видимому, европейского происхождения) (рис. 9: 15), два перстня, один со щитком в виде квадрифолия и рельефным литым орнаментом (рис. 9: 11), второй пластинчатый, фрагмент бубенчика с щелевидной прорезью, свинцовая пломба, два конических свинцовых грузика, две лапчатые привески и подвеска с литым ложноплетеным орнаментом (рис. 9: 1–3).

Представительная керамическая коллекция, состоящая из более чем 600 фрагментов, включает небольшое количество лепной керамики (3 фрагмента были найдены на площади селища Вышеславское 5) и круговых венчиков типов I–III (6 штук) (рис. 10: 1, 3). Большая часть керамического материала представлена обломками форм, наиболее распространенных в середине XII – XIII в. (рис. 10: 9). Керамика конца XIII – первой половины XV в. на памятниках скопления представлена более чем полусотней венчиков (рис. 11: 3, 6, 7). Важным для прояснения продолжительности существования крупнейшего селища в скоплении является находка 2 фрагментов позднесредневековой краснолощеной керамики, датируемой концом XIV – XV в.

Таким образом, можно констатировать, что довольно крупное средневековое село у переправы на р. Каменке с тяготеющими к нему более мелкими поселками и сезонными поселениями существовало в течение, по меньшей мере, трех веков – с конца XI до первой половины XV в.

Полученная в результате разведок картина возникновения и развития средневековой сети поселений в бассейне верхнего течения р. Каменки представляется достаточно типичной для значительной части территории Ополя.

Начало ее формирования следует датировать рубежом XI–XII вв., к этому времени относится небольшое количество находок, представленных единичными фрагментами лепной и раннекруговой керамики, пряжками с лировидными и прямоугольными приемниками, крестопрорезными грушевидными бубенчиками, крестом скандинавского типа, амулетом-топориком, ромбовидной без упора стрелой. Небольшое количество вещей и малочисленность керамических серий не позволяет рассматривать более раннюю датировку (вторая половина XI в.) как реалистичную для этих материалов. Вместе с тем очевидным является факт формирования уже на начальном этапе освоения микрорегиона разветвленной сети расселения, охватившей практически все овражные системы, на которых проводились разведки. Керамика и вещи этого времени были обнаружены на семи селищах, среди которых все памятники, определяемые как остатки средневековых сел (Вышеславские 2–5, 7, 8, 12).

Примерно в это же время начинается заселение земель, лежащих в бассейне верхнего и среднего течения р. Уршмы, к северу от исследованных в последние годы территорий (Макаров, 2008. С. 3–22), водоразделов в верховьях овражных систем левобережья Каменки к северо-западу от Суздаля (Шполянский, 2008. С. 157–170). Таким образом, складывается картина довольно масштабного освоения пространств, лежащих к западу и юго-западу от города, в центре Ополя. Возможно, этот процесс связан с вокняжением в северо-восточных землях Руси Юрия Владимировича Долгорукого, сделавшего Суздаль центром своих владений.

К середине – второй половине XII в. структура расселения, формирующаяся в бассейне Каменки с начала столетия, достигает своей наибольшей плотности, функционируют все крупнейшие поселения микрорегиона, развивается их хозяй-

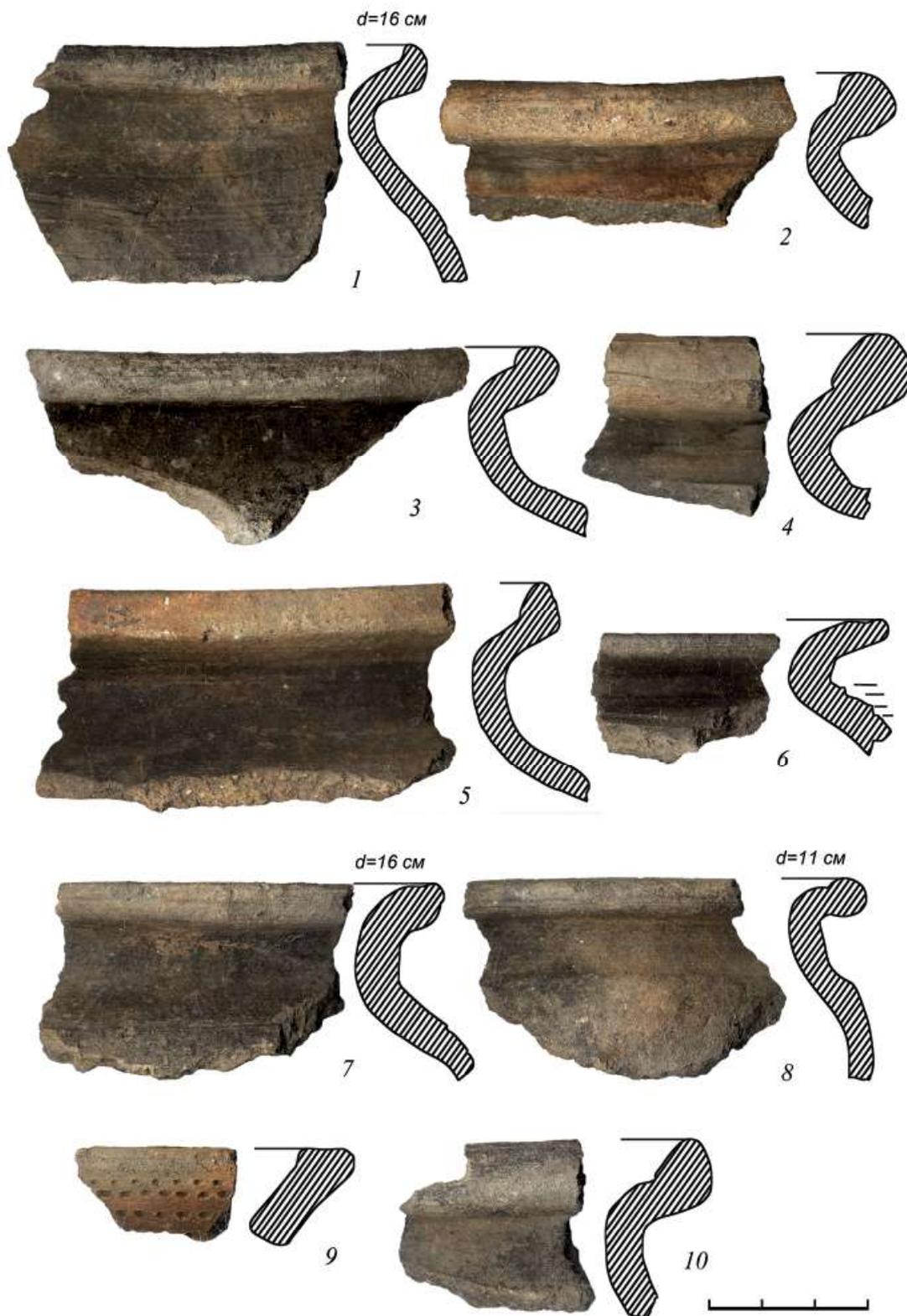

Рис. 11. Селище Вышеславское 5. Керамика из сборов

ственная периферия (малодворные и сезонные поселения небольшой площади). На ряде селищ находятся дворы представителей социальной элиты (скорее всего, невысокого ранга) (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Вышеславское 18(?)), маркерами которых являются находки предметов, связанных с письменностью, иконок, амулетов-змеевиков, предметов вооружения и всаднического снаряжения.

Основные трансформации структуры расселения в регионе в XIII – первой половине XIV в. проявились в уменьшении количества небольших (площадью до 1,5 га) поселений, концентрации населения на относительно крупных памятниках (Вышеславские 1–2, 5, 18, 21–23). Находки наносного султанчика от конской упряжи и трапециевидной накладки с драконом могут свидетельствовать о наличии в составе населения селищ представителей низшего звена элиты, продолжении традиции размещения их дворов в ближайшей суздальской округе.

Материалы конца XIV – XV в. представлены на обследованных памятниках очень бедно, единичные находки креста с килевидным завершением нижней лопасти (Вышеславское 2) и щиткового перстня (Вышеславское 3) могут быть свидетельством спорадического присутствия человека на местах бывших поселений, возможно, – в связи с сельскохозяйственным использованием этих участков. Только на Вышеславском 5 были найдены предметы (фрагмент перстня со щитком в виде квадрифолия с литым геометрическим орнаментом, железная плоско-выпуклая накладка с отверстиями на округлых раскованных окончаниях, фрагмент бронзового зеркала) и керамика (в том числе краснолощенная), свидетельствующие о продолжении жизни на поселении в конце XIV – первой половине XV в. Вероятно, около середины – второй половины XV в. продолжает функционировать и поселение Вышеславское 17 – в качестве малодворной деревни или сезонного летника.

Керамика позднего Средневековья и раннего Нового времени (вторая половина XV – XVI в.) была обнаружена только при обследовании села Вышеславского, где эти материалы представлены в разной степени на всех трех памятниках (Вышеславские 21–23). Таким образом, можно говорить о глубоких изменениях структуры сельского расселения в микрорегионе во второй половине – конце XV столетия. Такая ситуация в целом соотносится с общим процессом концентрации населения Ополя в крупных селах и окончательного формирования сети поселений, с некоторыми изменениями существующей до современности.

Литература

- Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Архангельский М. С., Павленко Ю. А., Шереметьев А. Г., 2014. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. № 1 (7). Казань. С. 233–246.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Макаров Н. А., 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследований // АВСЗ. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 3–22.
- Макаров Н. А., 2012. Средневековые селища вблизи сел Гарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 65–86.

- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г.*, 2018. Печать Дамиана из Суздальского Ополя // Земли родной минувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М. С. 29–33.
- Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.*, 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.*, 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 64–80.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIII вв. М.: Наука. 182 с. (САИ; вып. Е1-35).
- Полякова Г. Ф.*, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 154–257.
- Сарачева Т. Г.*, 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI в. с территориями Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Шполянский С. В.*, 2008. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XIV вв. М. С. 157–170.
- Шполянский С. В.*, 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура: К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда. С. 199–212.
- Шполянский С. В.*, 2019. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 227–245.

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: MakarovNA@iaran.ru;

Шполянский Сергей Владимирович, Государственный исторический музей, e-mail: shpol@yandex.ru;

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН, e-mail: nasfed@yandex.ru;

Угулава Нани Давидовна, Институт археологии РАН, e-mail: u.nani@mail.ru

N. A. Makarov, S. V. Shpolyansky, A. N. Fedorina, N. D. Ugulava

TO THE STUDY OF THE NEAREST DISTRICT OF MEDIEVAL SUZDAL: RESEARCHES IN THE HEADWATERS OF THE KAMENKA RIVER IN 2018–2019

Summary. The results of the prospecting works carried out by the Suzdal expedition of IA RAS in 2018–2019 in the near district of Suzdal, near the village of Vysheslavskoye, in the basin of the headwaters of the Kamenka river are considered in the paper. Here, 21 medieval settlements, on which the representative collection of things and ceramics is collected, were found on the area of 15 sq.km. It is established that the development of the region by the Old Russian population begins at the turn of the XI–XII centuries.

The settlement network in the microregion reaches its highest density by the middle – second half of the XII century. At this time, there is a yard or estate of the social elite of the Principality in one of settlements (Vysheslavskoye 3), which was expressed in a bright series of finds on the site: a lead pendant seal with the image of St. Kozma and Damian, a gilded temple headdress pendant (Kolt), a serpentine in the form of an icon case and other things.

**К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля:
исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг.**

The main transformations of the settlement structure in the region in second half of the XIII–XIV centuries manifested in a decrease in the number of small (up to 1.5 hectares) settlements, and in the concentration of population on rather large sites. Materials of the late Middle Ages and early Modern times (second half of the XV–XVI centuries) were found only in the survey of the village Vysheslavskoye. Thus, it is possible to speak about deep changes in the structure of settlement in the second half–the end of the XV century.

Keywords: Suzdal Opolye, Suzdal district, medieval settlement structure, old Russian elite, lead seal, prospecting works.

И. Е. Зайцева, Н. Д. Угулава

СЕЛИЩЕ КЛЕЩИНО: НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ

Резюме. В статье рассматриваются результаты археологических исследований неукрепленного поселения IX–XII вв. «селище Клешино» на Плещеевом озере. Первые раскопочные работы на селище Клешино (50 кв. м) показали хорошую сохранность средневекового культурного слоя и его ненарушенность поздними перекопами. Зафиксирована следующая стратиграфия: пахотный слой мощностью 27–37 см, непереотложенный светло-серый суглинок толщиной 4–45 см. Большинство материалов раскопа относится к концу XI – началу XII в. Вероятно, тогда же здесь функционировала кузнечная мастерская. Сочетание на одном участке находок производственного характера и бытовых предметов свидетельствует в пользу того, что кузница располагалась на жилом дворе, а не была вынесена за пределы основной зоны поселения.

Ключевые слова: Средневековье, археология, керамика, неукрепленные поселения, культурный слой.

В августе 2018 г. Суздальская археологическая экспедиция расширила географию своих раскопочных работ, включив в них памятники по берегам Плещеева озера. Первый раскоп был заложен на селище Клешино, входящем в Клещинский археологический комплекс (Переславский муниципальный район Ярославской области). Клещинский комплекс является знаковым местом для истории Древней Руси: впервые озеро Клешино упоминается в древнейшей недатированной части «Повести временных лет»: «на Ростовском озере Меря, на Клещине Меря же» (ПСРЛ. Т. 1, 1926–1928. С. 8). Комплекс включает два городища – Городок и Александрова Гора, расположенные на высоких отрогах озерной террасы Плещеева озера на расстоянии примерно 700 м друг от друга, большое неукрепленное поселение на озерной террасе между ними и несколько курганных групп со следами старых раскопок. В середине XIX в. А. С. Уваров насчитывал у с. Городище 13 курганных групп с 1341 курганной насыпью.

Экспедиция начала работы в Клещине еще в 2015 г. За это время проведено полное обследование памятников, определены их границы и составлены топогра-

фические планы, осуществлен тщательный сбор подъемного материала. На городище Городок и на всей территории плато между двумя городищами (селище Клещино) выкопаны шурфы. Материалы работ опубликованы (Макаров и др., 2016).

Раскопная кампания П. С. Савельева середины XIX в., в результате которой были основательно изучены оба городища и курганы, не затронула неизвестное тогда неукрепленное селище. Первые сведения о его существовании приводятся в статье П. Н. Третьякова со ссылкой на полевые работы 1938 г. (Третьяков, 1963. С. 51–53). В 1974 г. селище было обследовано К. И. Комаровым, определившим его как посад летописного Клещина. Культурный слой селища был датирован XI–XII вв. (Комаров, 1975. С. 63).

В 1977–1978 гг. на селище работал И. В. Дубов (небольшой раскоп и шурфы), обнаруживший здесь на площади 6–7 га слой IX–XI вв. (Дубов, 1979. С. 61). Он предложил рассматривать селище как древнейшую часть «Клещинского комплекса памятников», отметил его «типологическое сходство» с Тимеревским и Гнездовским поселениями, обратив внимание, что на городище Городок нет материалов ранее первой половины XII в. (Дубов, 1982. С. 96). А. Е. Леонтьев также идентифицирует селище как «древний Клещин», возникший на столетие раньше укрепленного поселения в д. Городище (Леонтьев, 2012. С. 176).

Таким образом, культурный слой селища в настоящее время остается наиболее сохранным (верхняя его часть пахалась в советское время) и наименее исследованным памятником Клещинского комплекса. Развернувшаяся в последние годы активность по коттеджной застройке плато селища инициировала спасательные работы, проводимые Суздальской экспедицией. Детальное обследование плато позволило установить, что пятно культурного слоя охватывает площадь около 12 га. В плане оно имеет форму неправильного овала, длина его по направлению север – юг – около 500 м, ширина – около 300 кв. м. Культурный слой мощностью от 25 до 90 см представляет собой бурый, темно-бурый, темно-серый или черный суглинок, содержащий камни с термическими сколами, фрагменты керамики, кости и куски печной обмазки. Насыщенность культурных напластований, наибольшая в южной части памятника, по направлению к северо-западу уменьшается (Макаров и др., 2016).

Место небольшого раскопа 2018 г. было выбрано в центральной части селища вблизи находки в 2015 г. бронзового фрагмента подвески со знаком Рюриковичей (Макаров, 2016) с целью определить характер культурного слоя на этом участке (рис. 1). Кроме подвески, здесь были обнаружены бронзовое зооморфное навершие рукояти плети, бронзовая пуговка, обрезки медных пластин, железный нож. Протяженность раскопа в широтном направлении составляла 8 м, в меридиональном – 5–7 м. Южная стенка раскопа была непрямой из-за канавы, выкопанной вдоль дороги. Общая площадь равнялась 50 кв. м. Около четверти объема грунта было промыто на ситах.

Мощность культурного слоя в раскопе составила от 43 до 80 см. Выявлена следующая стратиграфия напластований:

- дерн (3–6 см)
- пахотный слой (27–37 см)
- слой серого слабогумусированного суглинка (4–45 см)
- материк, светло-коричневый суглинок

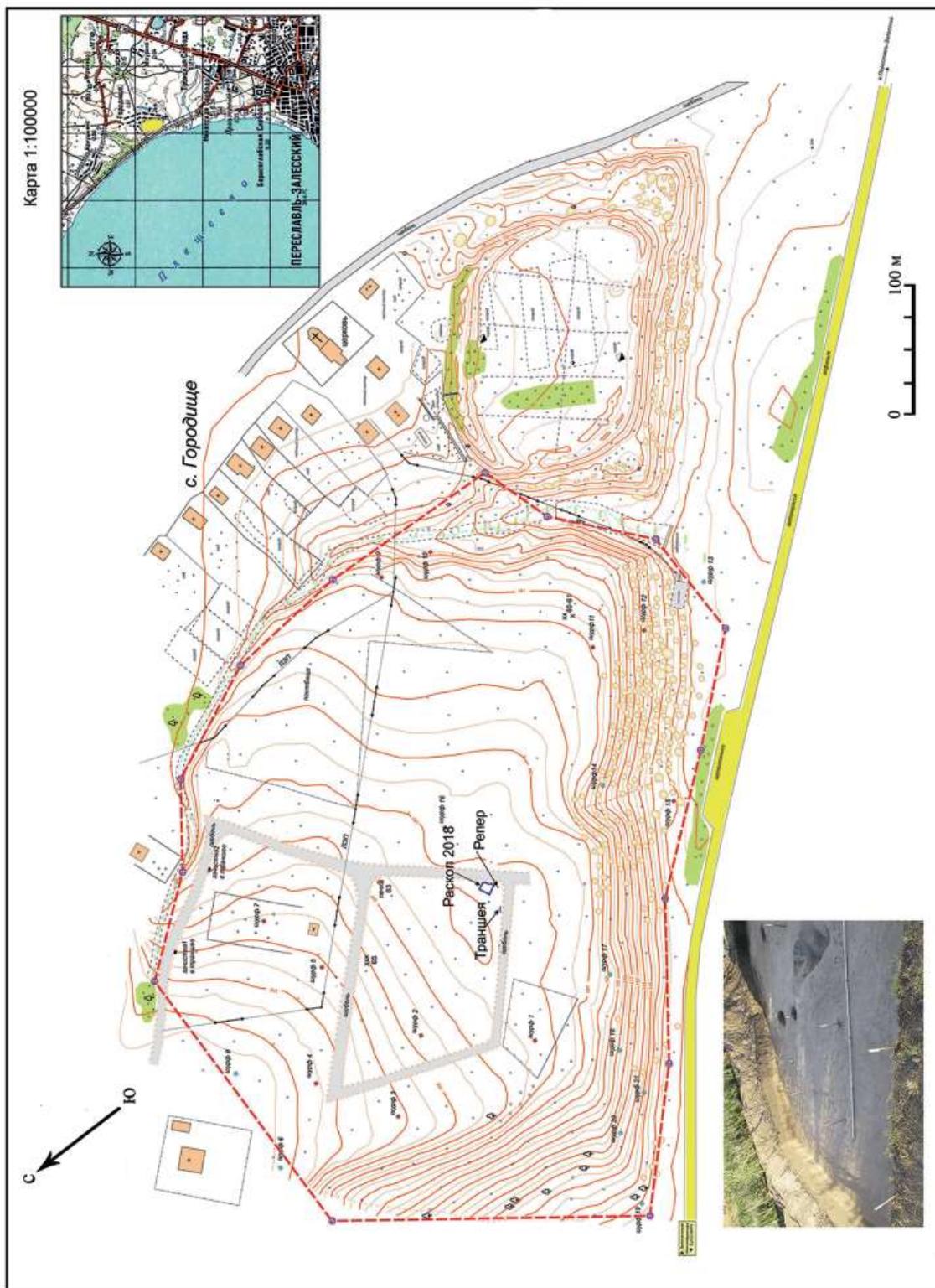

Рис. 1. План селища Клещино и вид раскола на уровне материка

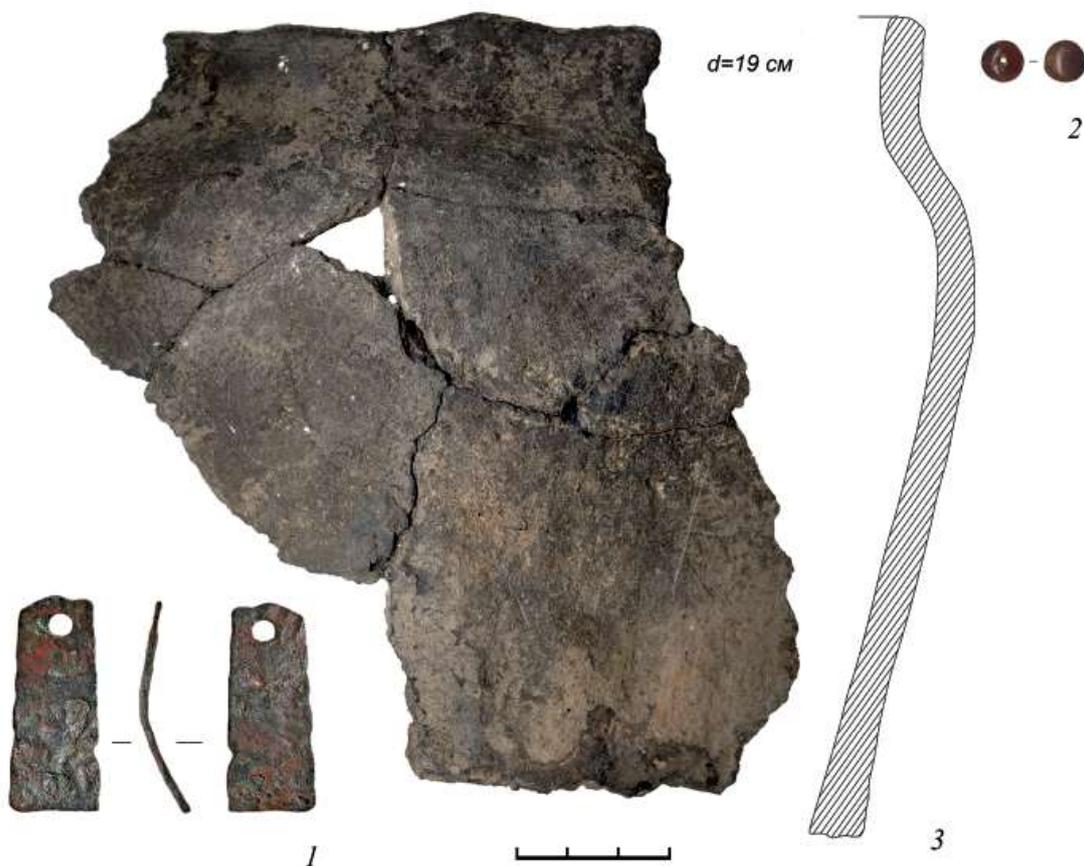

Рис. 2. Находки из непереотложенных слоев. 1 – бронзовая подвеска; 2 – лепной сосуд; 3 – сердоликовая бусина

Пахотный слой (пласты 1–3) представлен перемешанным серо-коричневым гумусированным суглинком с вкраплениями мелких угольков и обожженной глины. В нем по всей площади раскопа встречены одиночные разрозненные печные камни размерами 4–10 см в поперечнике с термическими сколами. Камни не образовывали никаких скоплений. Также повсеместно находились мелкие и средние кусочки тяжелого железного и легкого пористого шлака¹.

Поверхность раскопа после снятия пахотного слоя имела уклон в восточном направлении. На большей части участка пахотный слой подстилался слоем светло-серого слабогумусированного суглинка толщиной от 4 см в западной до 45 см в восточной частях раскопа. Это остатки непо потревоженного культурного слоя и погребенной почвы (пласты 4–5).

В юго-западной части раскопа в нем расчищено кострище размером 200×60 см с развалом обожженных камней (яма 2). Среди камней найдены целая бронзовая трапециевидная подвеска с круглым отверстием (рис. 2: 1), железное кольчужное колечко и железная игла.

¹ В настоящее время шлаки исследуются сотрудником ГИМ С. А. Рузановой.

Слой между камнями был насыщен углем, золой, фрагментами керамики, мелкими костями и чешуей рыб. Диагностику костей и чешуи рыб из скопления провел сотрудник лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН Республики Татарстан к. б. н. И. В. Аськеев. Им установлено, что рыбы имели небольшой размер – до 20 см. Хорошая сохранность костей и чешуи объясняется тем, что они были сварены. Определены следующие виды:

1. Европейская ряпушка (*Coregonus albula*) – 52 экз. костей.
2. Обыкновенный ёрш (*Gymnocephalus cernuus*) – 81 экз. костей и 25 экз. чешуи.
3. Речной окунь (*Perca fluviatilis*) – 189 экз. костей и 87 экз. чешуи.
4. Обыкновенная щука (*Esox lucius*) – 7 экз. костей и 5 экз. чешуи.
5. Обыкновенная плотва (*Rutilus rutilus*) – 51 экз. костей и 22 экз. чешуи.
6. Густера (*Blicca bjoerkna*) – 11 экз. костей и 5 экз. чешуи.
7. Обыкновенный лещ (*Abramis brama*) – 9 экз. костей и 21 экз. чешуи.
8. Уклейка (*Alburnus alburnus*) – 4 экз. костей и 5 экз. чешуи.
9. Обыкновенный (золотой) карась (*Carassius carassius*) – 2 экз. костей.
10. Неопределимые (до вида) костные остатки представителей семейства окуневых (*Percidae*) – 137 экз. и 55 экз. чешуи.
11. Неопределимые (до вида) костные остатки представителей семейства карповых (*Cyprinidae*) – 35 экз. и 58 экз. чешуи.

Возможно, кострище использовали для приготовления рыбьего клея.

В западной части раскопа исследованы три столбовые ямы диаметром 33–41 см, глубиной 25–40 см от поверхности материка (ямы 3–5) и восточный край еще одного, несколько углубленного в материк, кострища диаметром около 160 см.

В северо-восточной части раскопа непо потревоженный слой имел более темную окраску и был насыщен золой. Мощность темной прослойки оказалась равной 4–12 см. Ниже, как и в западной части раскопа, лежал слой светло-серого слабогумусированного суглинка. Он заполнял склон естественного понижения (оврага). В раскоп попал только западный склон оврага, достигающий глубины 80 см от современной дневной поверхности.

На склоне расчищены крупный фрагмент лепного сосуда и расположенная рядом сердоликовая шарообразная бусина диаметром 7 мм (рис. 2: 2, 3). Небольшие круглые сердоликовые бусы были распространены на обширных территориях Восточной Европы, преимущественно в конце I – начале II тыс.: они были чрезвычайно популярны на Северном Кавказе в VI–IX вв., в Средней Азии (до XI в.), много их в могильнике Белой Вежи X–XI вв., известны в могильниках Прикамья конца VIII – IX в. В небольшом количестве такие бусы обнаружены на памятниках золотоордынского времени (*Курьшова*, 2012. С. 210). На древнерусской территории их находки достаточно редки и более свойственны памятникам и слоям X – начала XI в. (Старая Ладога, Новгород), хотя они и доживают до XII в. (*Сергеева*, 1989).

Таким образом, мощность культурного слоя в раскопе составила от 43 до 80 см. Материк представлен светло-коричневым суглинком.

Вероятно, работами экспедиции открыта периферийная часть мастерской по обработке железа. Хотя производственные сооружения в пределах раскопа не зафиксированы, пахотный слой на всей его площади был насыщен шлаками. В слоях, не потревоженных распашкой, находки шлака единичны (возможно, происходят

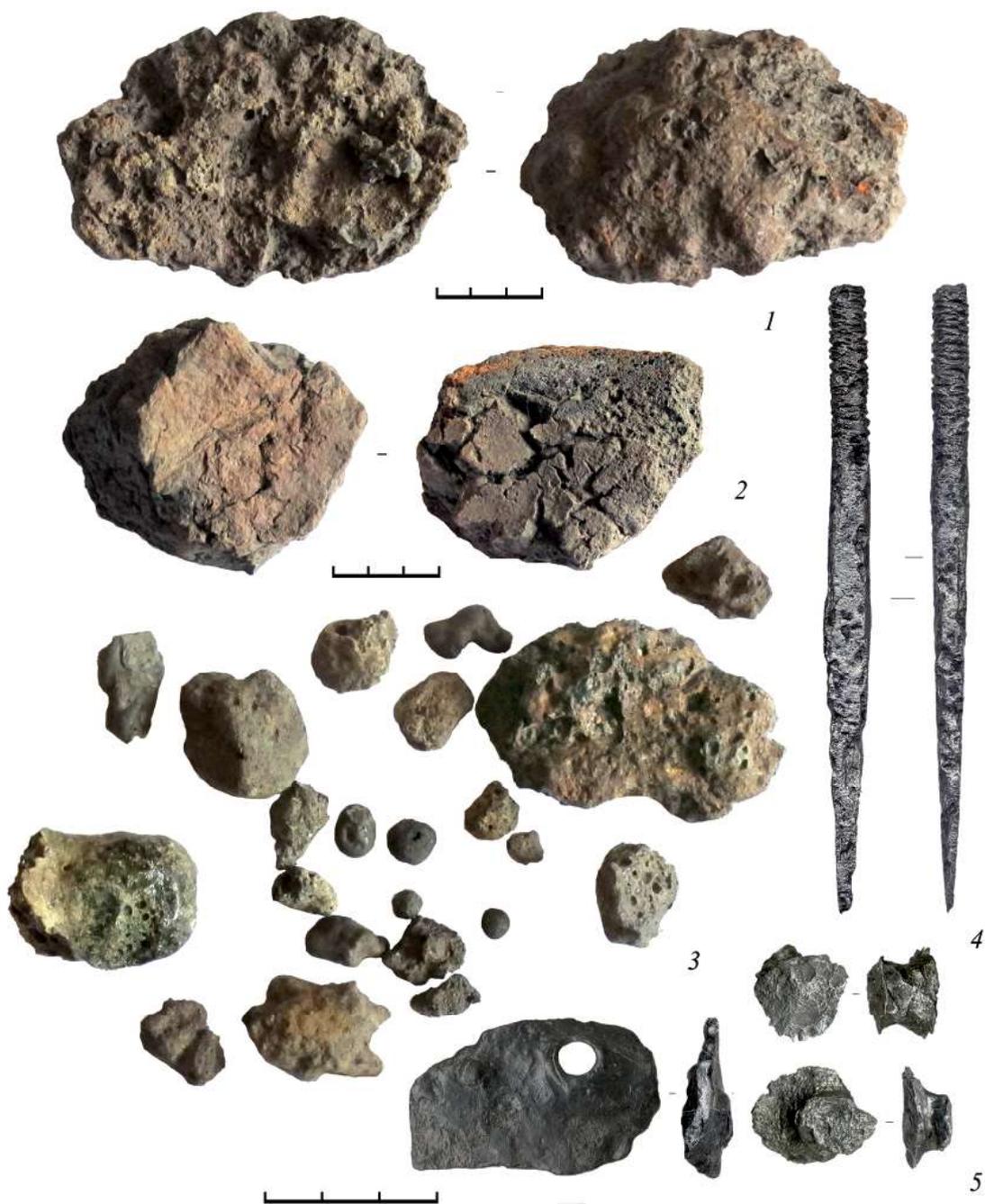

Рис. 3. Находки из раскопа. 1 – обломок железной крицы; фрагмент глиняного пода печи; 3 – железные и стекловидные шлаки; 4 – железный напильник; 5 – железные части котлов

из пахотных борозд?). Всего в раскопе собрано 2279 г шлака, из них 47 г в непереотложенных слоях. Куски шлака имеют преимущественно средние и мелкие размеры, встречены как тяжелые железные фрагменты (возможно, некоторые из них являются кусками криц), так и легкие стекловидные (рис. 3: 3). Здесь же найдены большой кусок крицы (рис. 3: 1) и обломок глиняной обожженной обмазки пода печи (рис. 3: 2).

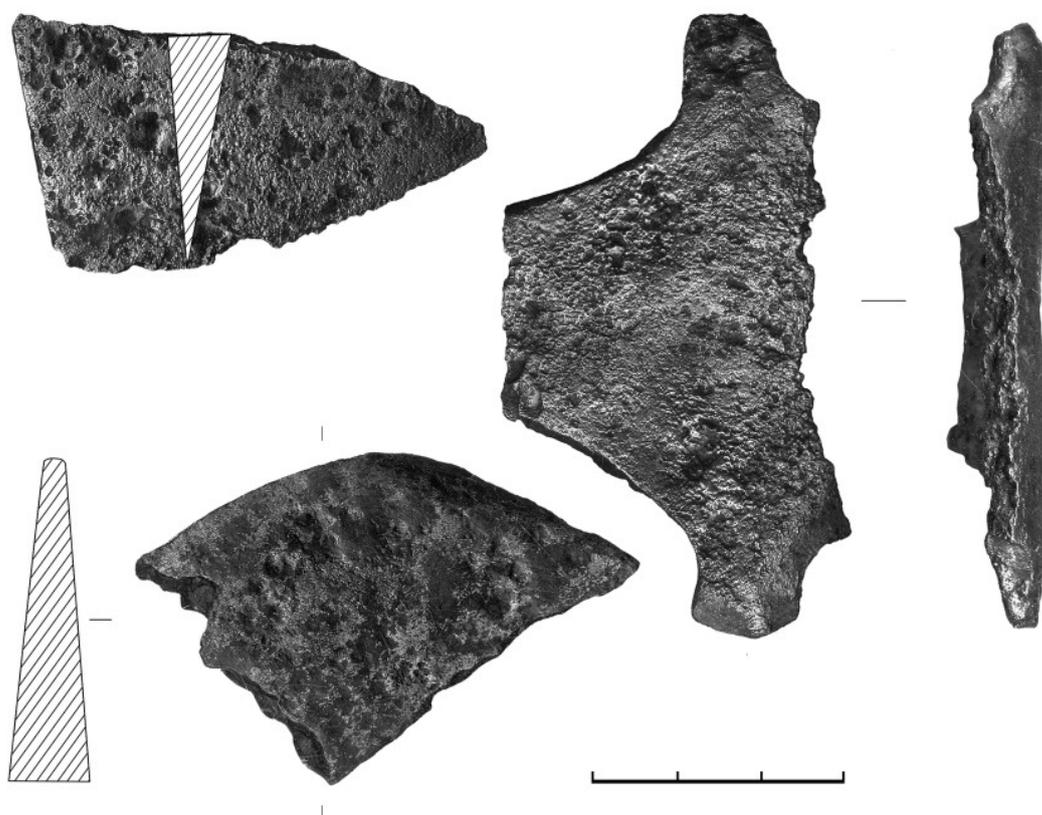

Рис. 4. Железные фрагменты топора (топоров?)

Из инструментов обнаружен обломанный железный напильник с рабочей частью цилиндрической формы с перекрестной насечкой (рис. 3: 4). Кроме криц, источником сырья служили вышедшие из употребления железные предметы, в частности, найден разрубленный на куски железный топор (тип VII? по А. Н. Кирпичникову; рис. 4; *Кирпичников, 1966. С. 38*), фрагменты железного котла, 8 бывших в употреблении железных заклепок (рис. 3: 5). Вероятно, в мастерской изготавливались ножи: найдено 20 целых и фрагментированных экземпляров и 11 поковок (рис. 5: 1–31); среди определяемых присутствуют ножи типов I с и IV по Р. С. Минасяну (*Минасян, 1980*), иглы (найдено 14 игл). Обнаружен один железный, вероятно, незаконченный бронебойный черешковый наконечник стрелы (рис. 6: 1), 2 кольчужных колечка. Возможно, здесь же осуществлялись какие-то работы с медью и серебром: собрано 34 медные пластины и 4 заклепки, 5 небольших свинцовых пластинок, серебряная пластинка и капля серебра. Найдена свинцовая призматическая весовая гирька размерами $14 \times 12 \times 3$ мм, весом 6,11 г с углубленным кружком на одной из граней (рис. 5: 32). К. и н. Л. В. Яворская, изучившая собранные на раскопе кости животных, обратила внимание на их повышенную измельченность и обожженность, что, по ее мнению, также свидетельствует о производственном характере участка. Размолотые кости использовались в процессе цементации железа.

Кроме производственных находок, в раскопе обнаружены и предметы повседневной жизни клещинцев: 2 креста-тельника, бронзовая трапециевидная подвеска, обломок грушевидного крестопрорезного бубенчика, фрагменты 3 перстней,

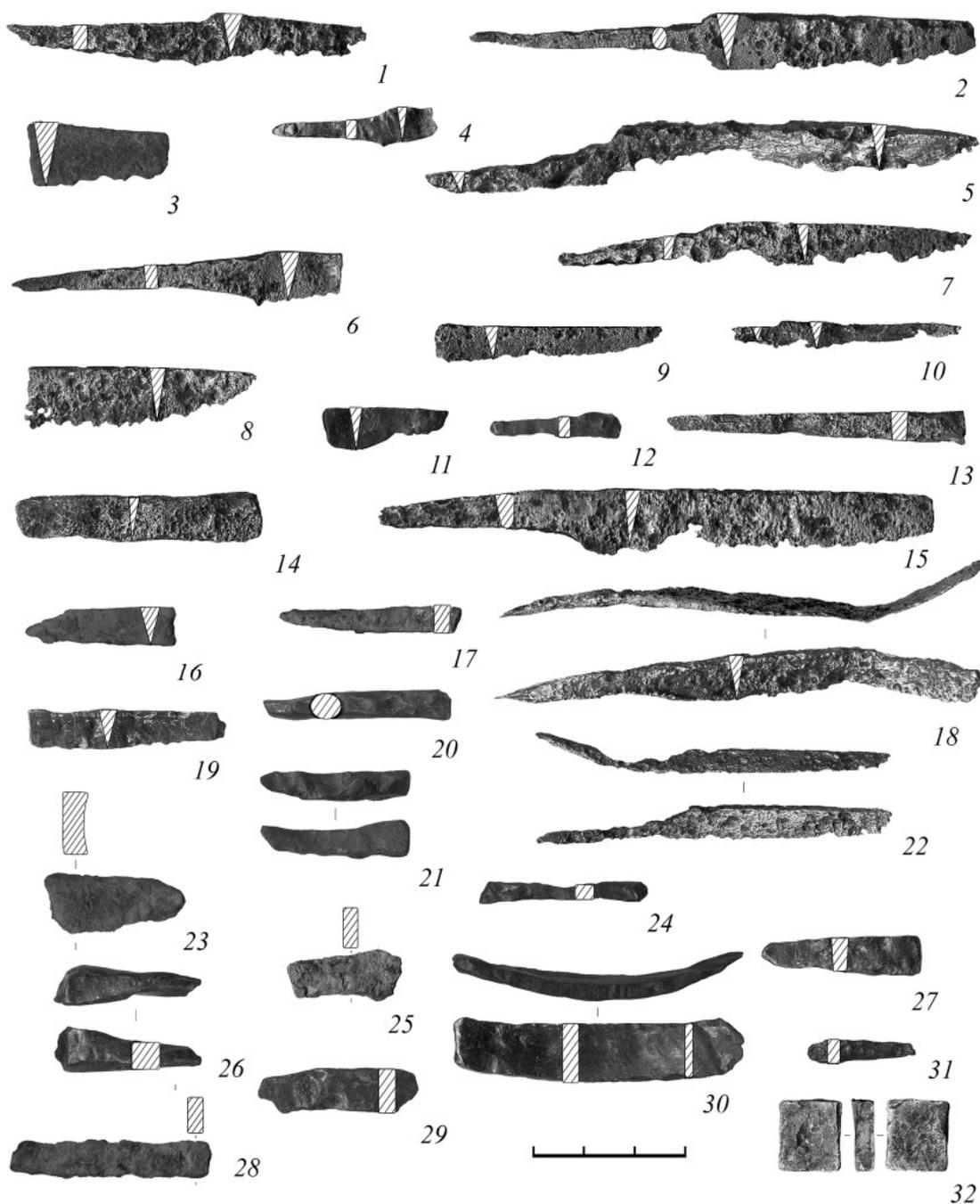

Рис. 5. Железные ножи, поковки, свинцовая гирька. 1–19, 22 – ножи; 20, 21, 23–31 – поковки; 32 – гирька

обломанный ключ типа А с орнаментированной медной проволокой рукояткой, 3 обломка амфор, два фрагмента верхних частей из которых определяются как тип Трапезунд XII–XIV вв.², 2 свинцовые пломбы, 4 стеклянные навитые бусины: черная треугольная с желтыми налечами (рис. 6: 6), половина оранжевой зонной бусины (рис. 6: 11), фрагменты золотостеклянной (рис. 6: 7) и желтой непрозрачной

² Определение В. Ю. Коваля.

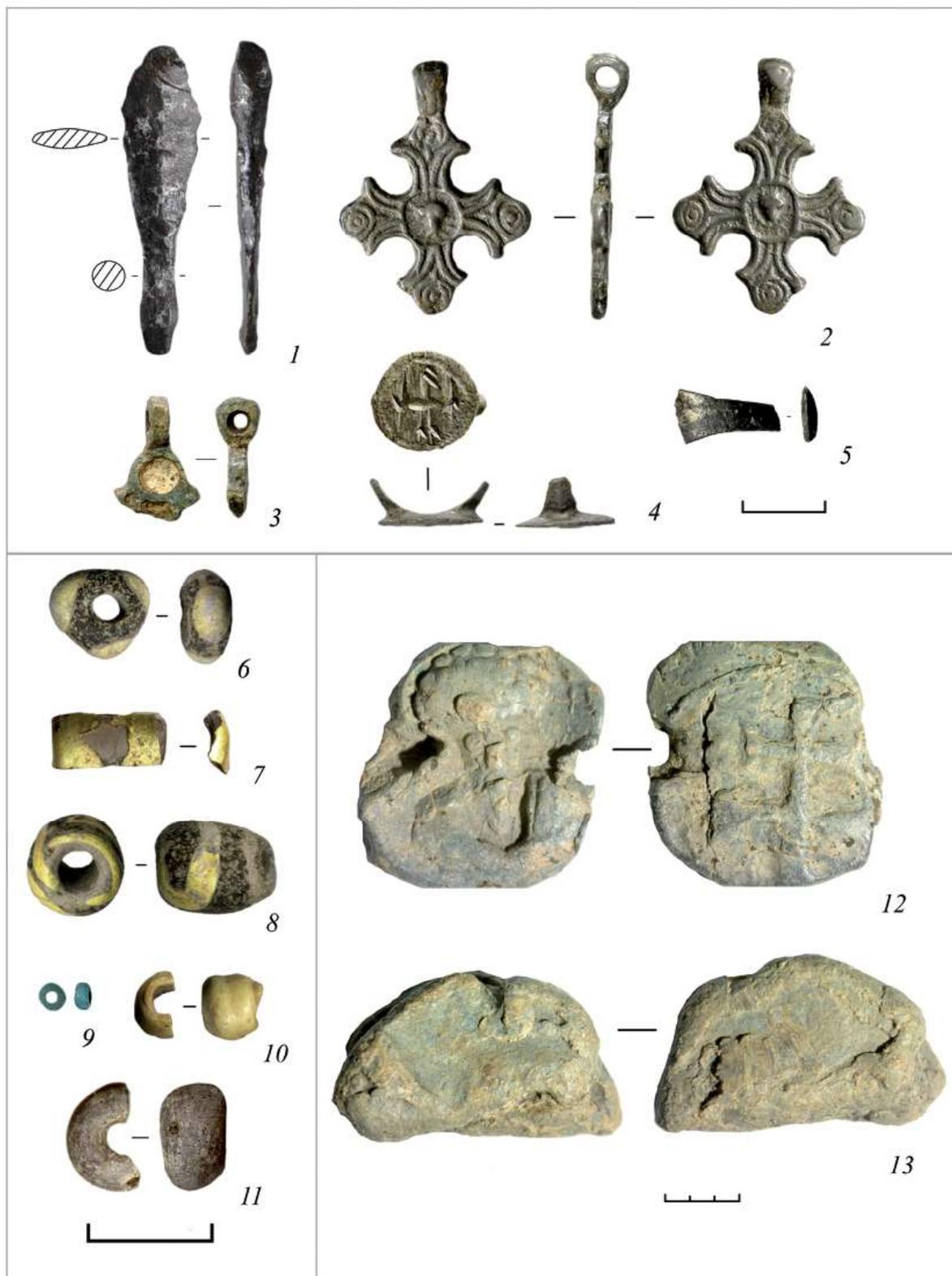

Рис. 6. Находки из раскопа. 1 – железный наконечник стрелы; 2, 3 – бронзовые кресты-тельники; 4, 5 – бронзовый и серебряный перстни; 6, 7, 9–11 – стеклянные бусы, 8 – глиняная бусина; 12, 13 – свинцовые пули

(рис. 6: 10), непрозрачная голубая рубленая бисерина (рис. 6: 9) и небольшой обломок стекла сиреневого цвета, глиняная эллипсоидная бусина, покрытая черной поливой и желтым пластичным декором (рис. 6: 8), обломки шиферного и глиняного пряслиц (всего из раскопа происходит 200 индивидуальных находок).

Интересен целый равносторонний крест-тельник с граненым ушком размером 31 × 23 мм (рис. 6: 2). Он отлит по оттиску изделия, изготовленного с использованием каменной формы. Обе стороны креста украшены одинаковым выпуклым орнаментом: в перекрестье в окружности расположены схематичные погрудные изображения, ветви криновидной формы декорированы линиями и спиральями. Близкая аналогия нашей находке происходит из раскопок селища Весь 1 под Суздалем. По археологическому контексту крест из Веси 1 датируется XI – первой половиной XII в. (Кокорина, 2013. С. 58). Известны еще два похожих креста: из Старой Рязани (Остапенко, 2015. Каталог № 12) и поселения Мазкса на Белом озере (Макаров и др., 2001. С. 150). В каталоге грабительских сборов В. А. Кайля и В. В. Нечитайло опубликован серебряный хорошо сделанный крест с четкими погрудными изображениями Христа и Богоматери в средокрестии (Кайль, Нечитайло, 2006. С. 12). Подобные экземпляры, вероятно, и служили образцами для тиражирования.

От второго крестика с трехчастными концами, украшенными желтой эмалью, сохранилось только ушко и обломок верхней ветви (рис. 6: 3).

Найден обломок литого по резной восковой модели круглощиткового перстня (рис. 6: 4). На щитке диаметром 13 мм вырезано изображение стоящей птицы с длинными ногами, длинной шеей и большим клювом. В широко распахнутых крыльях она вертикально держит по длинному шесту. Несмотря на то, что на рассматриваемом экземпляре четко видны лапы и клюв птицы, по общей композиции рисунок клецинской находки походит на изображение воина с оружием на новгородском перстне XVI в., опубликованном С. Нелюбовым. Автор относит такие перстни к воинским, а наличие оружия в обеих руках трактует как «во всеоружии» (Нелюбов, 2001)³. Два другие серебряных перстня представлены небольшими обломками: один из них пластинчатый широкосрединный (рис. 6: 5), второй пластинчатый или щитковый.

Из двух plomb одна – размерами 10 × 9 × 3 мм – имеет хорошую сохранность и четко видимый сквозной канал для нити. На одной ее стороне помещено погрудное изображение человека с круглыми глазами, кудрявой головой без нимба. На обороте виден рисунок шестиконечного креста (рис. 6: 12). Вторая пломба была сложена пополам, но также имела канал. Ее длина равна 12 мм, толщина 2 мм. На одной стороне различима кудрявая голова святого (рис. 6: 13).

Свинцовым plombам, обнаруживаемым преимущественно в культурных слоях городов различных регионов северной Руси, посвящены многочисленные исследования. Авторы определяют их как великокняжеские печати для меховых денег (см., например: Перхавко, 2018; Белецкий, 2018. С. 109, 110, 127; Гайдуков,

³По любезному сообщению В. Хухарева, существуют еще несколько вариантов интерпретации этой композиции: полет на грифонах Александра Македонского, птица с расправленными крыльями. По его данным, несколько таких перстней происходят из Твери, по одному – из окрестностей Бежецка и с. Большие Вяземы в Подмосковье.

Олейников, 2018. С. 274, 275) или печати для булл Новгородских посадников (Ершевский, 1982). О. М. Олейниковым было высказано предположение, что такие пломбы могли привешивать к документам частного характера (Олейников, 2018. С. 9). По наблюдениям С. В. Белецкого, пломбы с изображением «крест-святой» (предположительно, Федор) наиболее многочисленны: их известно более 150 экз. из Новгорода, Ладоги, Белоозера, Пскова, Городца, Дубны, Дрогичина, Чернигова, Смоленска, Старой Рязани и др. (Белецкий, 2018. С. 109). По данным Б. Д. Ершевского, новгородские пломбы «святой-крест» датируются 20-ми гг. XII – началом XIII в. (Ершевский, 1998). Более 300 пломб и более 400 заготовок для них обнаружено при археологических раскопках в культурном слое г. Смоленска, относимом к XI – началу XII в. Среди находок есть пломбы с оттисками «святой-крест» (Олейников, 2014. С. 10). По наблюдениям за распределением пломб на Лукинском-2 раскопе в Великом Новгороде (127 пломб) большинство экземпляров с изображением «святой-крест» приходится на первую половину XII в. (Гайдуков, Олейников, 2018. С. 277, 278). Из сборов на Клещинском селище происходят еще две свинцовые пломбы с рисунками «святой-знак» (Макаров и др., 2016. С. 149).

В раскопе собрано 12290 г (2601 экз.) фрагментов керамики, из них 81 % происходит из пахотного слоя. Коллекция не содержит ни одной полной формы. По итогам статистической обработки, фрагменты, которые могут быть отнесены к основному периоду функционирования поселения, представлены лепной (8 %) и древнерусской круговой (81 %). 10 % составляют обломки позднесредневековых сосудов и 1 % – неопределимые обломки.

Для уточнения культурно-хронологического состава керамического комплекса рассмотрены определимые профильные части 172 венчиков. За основу систематизации материала взята типология, разработанная В. А. Лапшиным для керамики Суздаля (Лапшин, 1992. С. 90–102). Распределение типов в слое раскопа представлено в таблице 1.

Таблица 1. Количество венчиков разных типов и их распределение в слое раскопа на селище Клешино

Объект	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5	Тип 6	Тип 7	Тип 8	Лепная	Всего
Пласт 1	11	4		1	2	3	2	3	1	27
Пласт 1–2	2	2			1				5	10
Пласт 2	6	26	1	7	3		5	3	2	53
Пласт 2–3					1					1
Пласт 3	13	15	1	4	5	1	3	6	5	53
Пласт 4	5	4	1	1					2	13
Пласт 4–5		4								4
Пласт 5		1		1						2
Яма 2		1		2				2	4	9
Всего:	37	57	3	16	12	4	10	14	19	172
Доля:	22 %	33 %	2 %	9 %	7 %	2 %	6 %	8 %	11 %	100 %

Дополнительно венчики были определены по типологиям, разработанным для керамики Ростова (Леонтьев, Самойлович, 1991; Кадиева, 1995). Перекрестная датировка отдельных типов по разным классификациям в некоторых случаях дала сильное расхождение, в первую очередь – в длительности бытования типов (рис. 7 и 8). Для выявления временных рамок коллекции важны участки схождения хронологи-

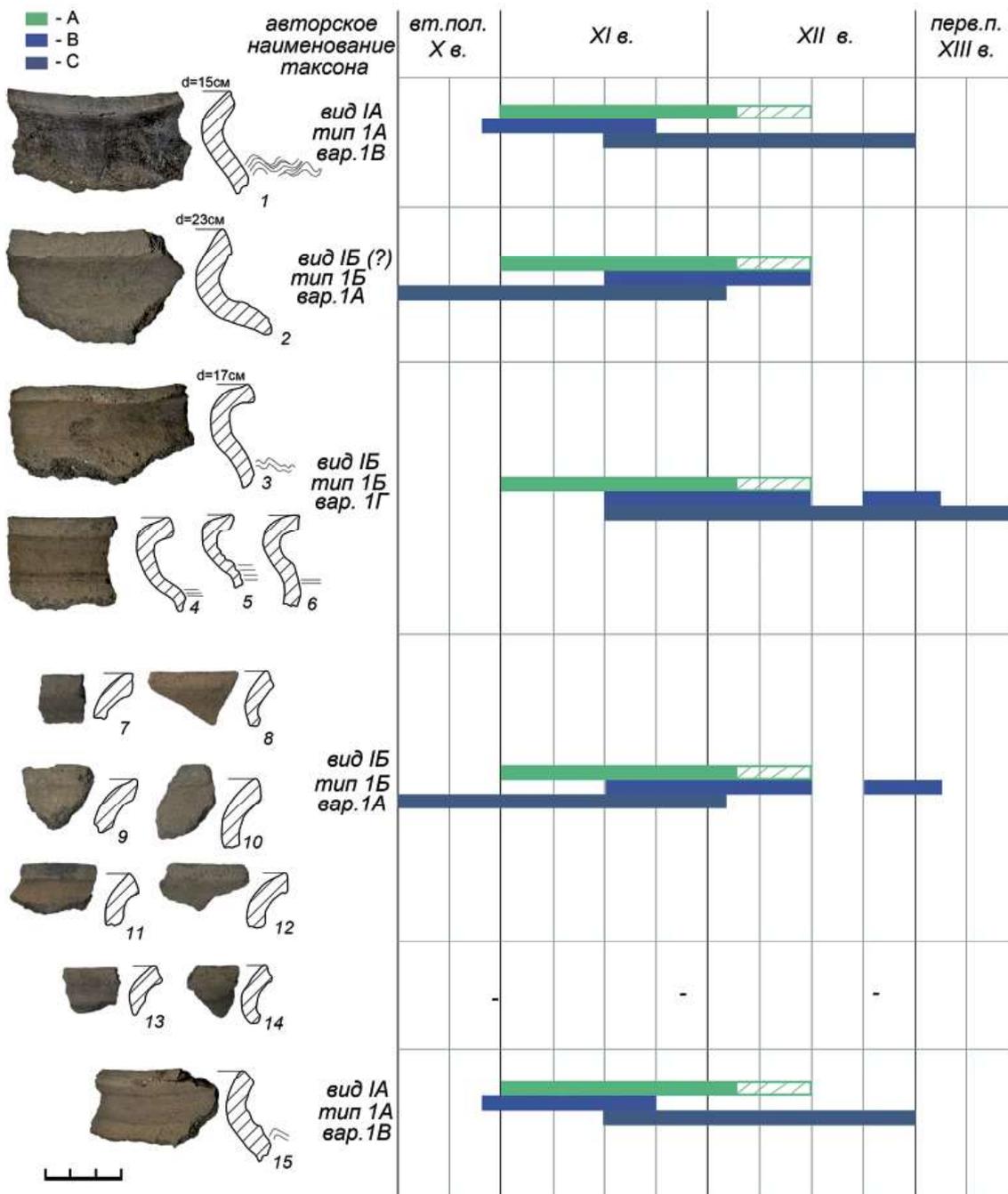

Рис. 7. Венчики типа I и их датировка. А – по типологии суздальской керамики (по: Лапишин, 1992); В – по типологии ростовской керамики (по: Самойлович, Леонтьев, 1991); С – по типологии ростовской керамики (по: Кадиева, 1995). 1, 2 – пласт 4; 3, 4, 6, 9, 10, 15 – пласт 3; 5, 8 – пласт 2; 7, 11, 12, 13 – пласт 1; 14 – пласт 1–2

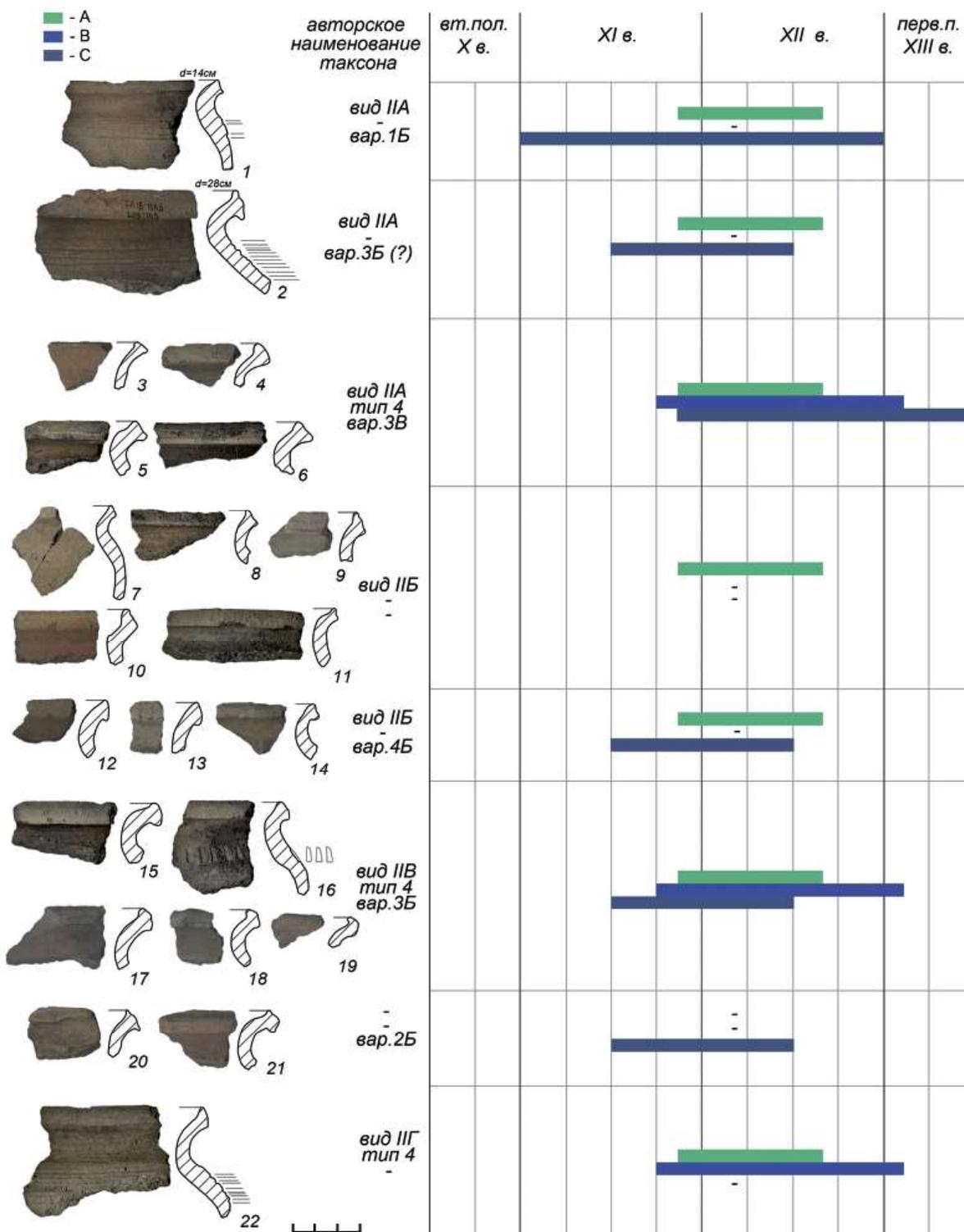

Рис. 8. Венчики типа II и их датировка. А – по типологии суздальской керамики (по: Лапшин, 1992); В – по типологии ростовской керамики (по: Самойлович, Леонтьев, 1991); С – по типологии ростовской керамики (по: Кадиева, 1995). 1, 20 – пласт 4; 7 – пласт 4–5; 2, 3, 6, 8, 9, 13, 14, 19 – пласт 3; 4, 11, 12, 15–18, 22 – пласт 2; 5, 10, 21 – пласт 1

ческих зон для отдельного варианта профиля и всех морфологических групп на хронологической шкале. Тип I (рис. 7) – один из двух наиболее массовых – очевидно, тяготеет ко второй половине XI – первой половине XII в., тип II (рис. 8) – к последней четверти XI – середине XII в. Тип IV («манжетовидный») (рис. 9: 1–11), морфологически близкий некоторым формам типа II, охватывает весь XI в., но в Суздале доживает до середины XII в., в Ростове – до конца этого столетия.

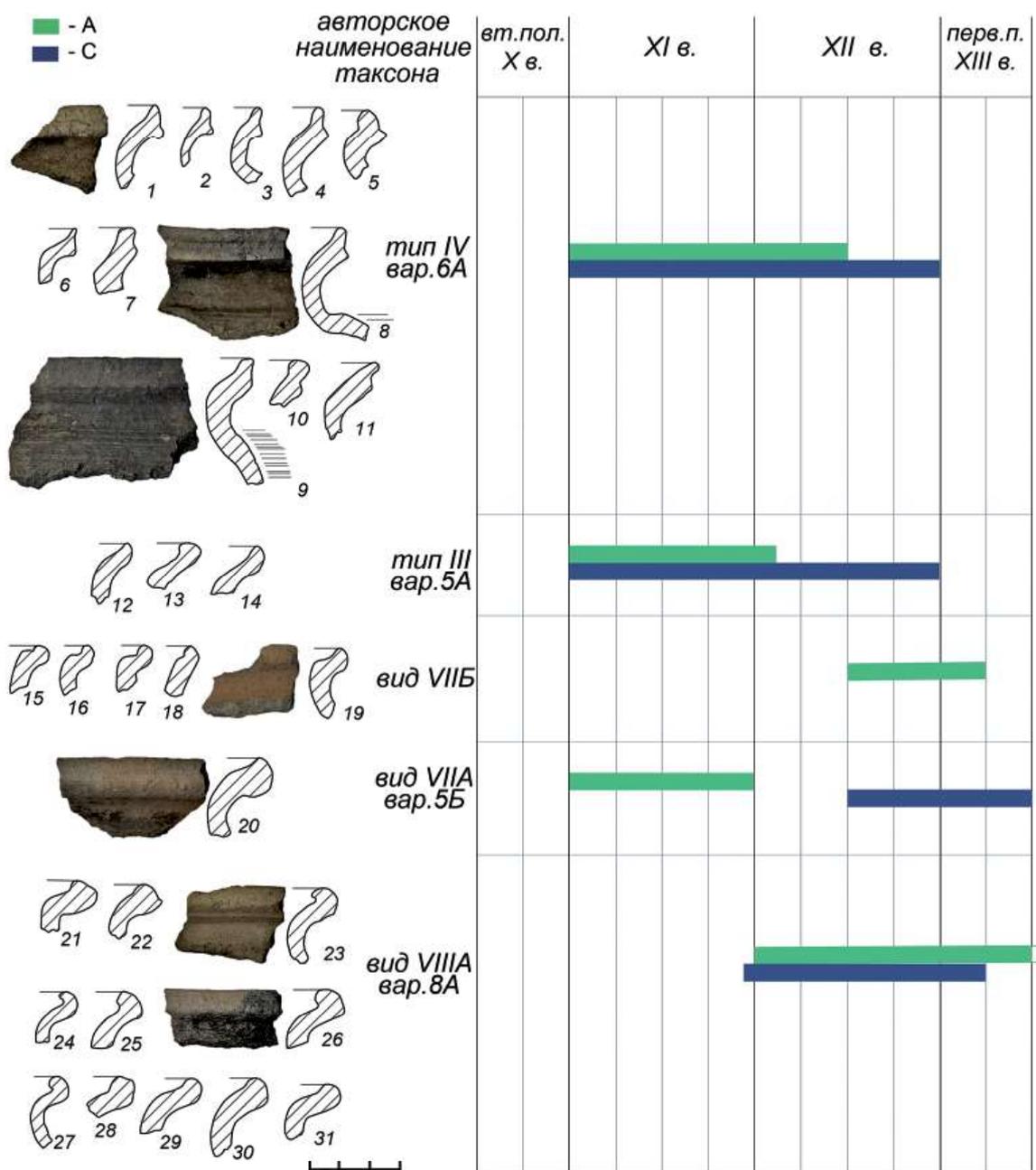

Рис. 9. Венчики типов IV, III, VII, VIII и их датировка. А – по типологии суздальской керамики (по: Лапшин, 1992); С – по типологии ростовской керамики (по: Кадиева, 1995). 1, 19, 21–23 – пласт 1; 2–5, 13, 15, 16, 24, 25 – пласт 2; 6, 7, 12, 17, 18, 20, 26–30 – пласт 3; 8, 14 – пласт 4; 11 – пласт 5; 9, 10, 31 – яма 2

Тип III (рис. 9: 12–14) – редкая форма в суздальских и ростовских материалах, слабо представлен и в нашей выборке. Тип VII (рис. 9: 15–20) также малочисленный, его датировка по двум типологиям противоречива, в связи с этим интерпретация затруднительна. Тип VIII (рис. 9: 21–31), который с начала XII в. начинает вытеснять морфологическое разнообразие и становится ведущей формой до начала XIV в., в данной коллекции представлен незначительно, всего 8 %.

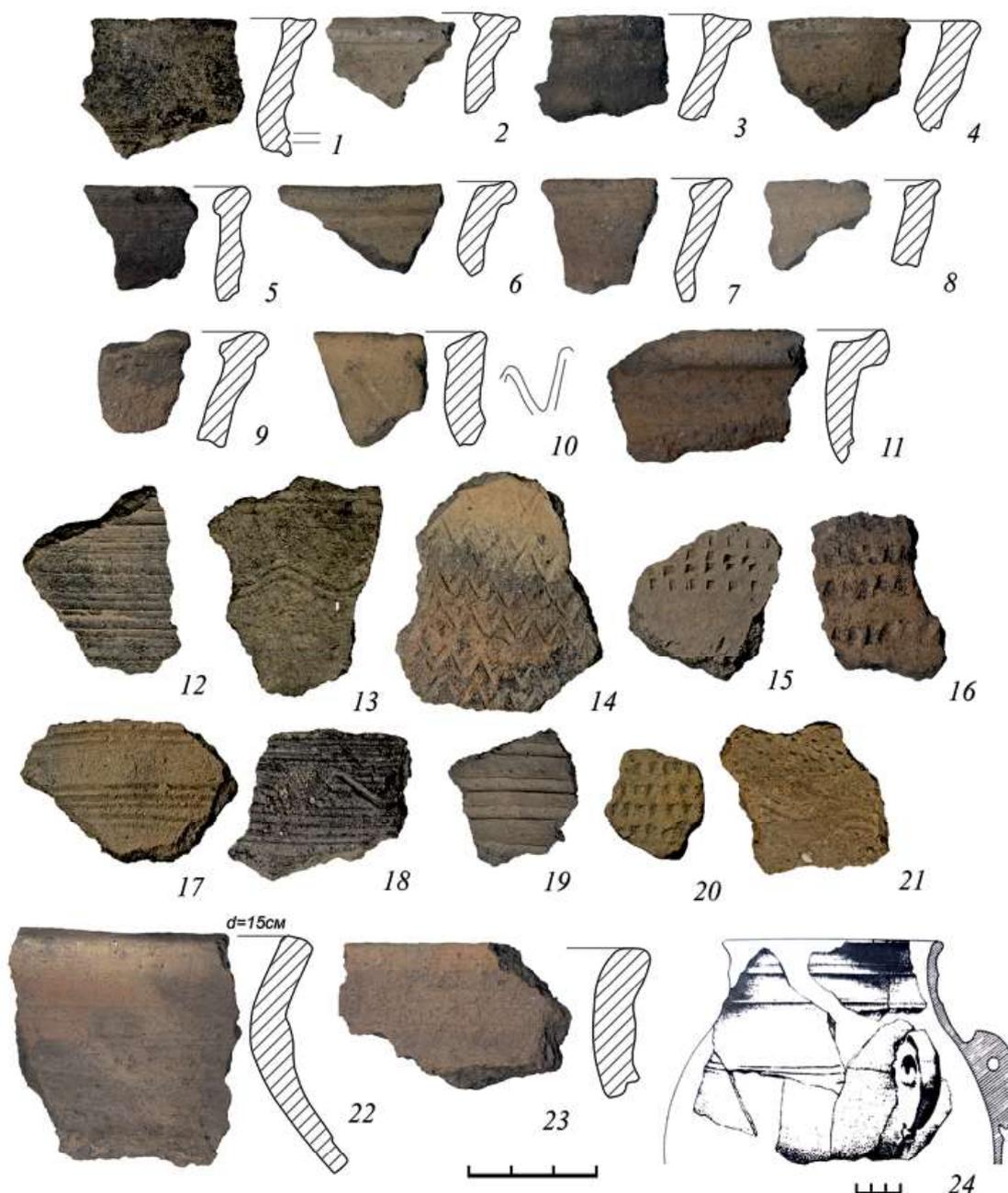

Рис. 10. Круговая керамика. 1–11 – венчики с прямой удлиненной шейей; 12–21 – примеры орнаментации; 22, 23 – венчики «сосудов с ушками»; 24 – аналогия формы с городища Бербеницы из публикации Ю. Ю. Моргунова (по: Моргунов, 1996). 1–3, 9, 10 – пласт 1; 7, 8 – пласт 2; 4–6, 11–16, 19, 20 – пласт 3; 17 – пласт 4; 21 – пласт 4–5

Венчики сосудов с прямой удлиненной шей, которая располагается вертикально или с наклоном наружу, могут представлять довольно разные по форме сосуды. Для большинства профилей Клешина мы находим примеры среди типов V и VI по типологии суздальской керамики. Так, часть из них представляют вид VIA (рис. 10: 1–4), датированный XI–XII вв., другая часть – вид VA XI – середины XII в. (рис. 10: 5–10). В ростовских материалах можно отметить близкие профили у двух сосудов, датированных концом XI – серединой XII в. в публикации Е. К. Кадиевой (*Кадиева*, 1995. С. 179. Табл. 2, № 17, 18. С. 183). Тип с высокими венчиками в типологии А. Е. Леонтьева и Н. Г. Самойлович объединяет сосуды с «крыночным» горлом, которые не являются аналогиями клешинским венчикам (*Леонтьев, Самойлович*, 1991. С. 60. Тип 5).

Таблица 2. Виды орнамента и их распределение в слое раскопа

Объект	Линия разреженная	Линия плотная (нанесенная гребенкой)	Волна единичная или разреженная	Волна многорядная	Линия и волна	Линия и многорядная волна	Отпечатки зубчатого колесика	Отпечаток гребенки	Волна с острыми вершинами
Пласт 1	75	29	6	2	2		26	1	2
Пласт 1–2	118	10	8	3	3		24	2	2
Пласт 2	80	50		3	4		15	1	1
Пласт 3	202	44	8	3	11		35		4
Пласт 4	70	21	4	1	6	1	10		2
Пласт 4–5	14						6		1
Пласт 5	3	1					2		
Яма 2	3	17	3				1		
Яма 4		6							
Яма 5									1
Всего	565	178	29	12	26	1	119	4	13

Орнаментированные круговые стенки составили 950 фрагментов. Большая их часть, как видно из таблицы 2, имеет линейный орнамент. Значительная доля фрагментов украшена многорядными линиями, организованными поясами или покрывающими сплошь поверхность стенки. Значительной серией представлены обломки стенок с отпечатками зубчатого колесика. Волнистый орнамент достаточно редок, среди экземпляров присутствует волна с острыми вершинами (рис. 10: 12–20). Из единичных видов орнамента в пахотном слое найдены стенка с сочетанием отпечатка зубчатого колесика и каплевидных вдавлений и фрагмент с полуовальными вдавлениями, в непо потревоженном слое – стенка с сочетанием волнистого орнамента и гребенчатым наколом (рис. 10: 21).

Отдельно остановимся на двух фрагментах из непереотложенного слоя, не включенных в общее количество профильных частей. Два высоких слабо отогну-

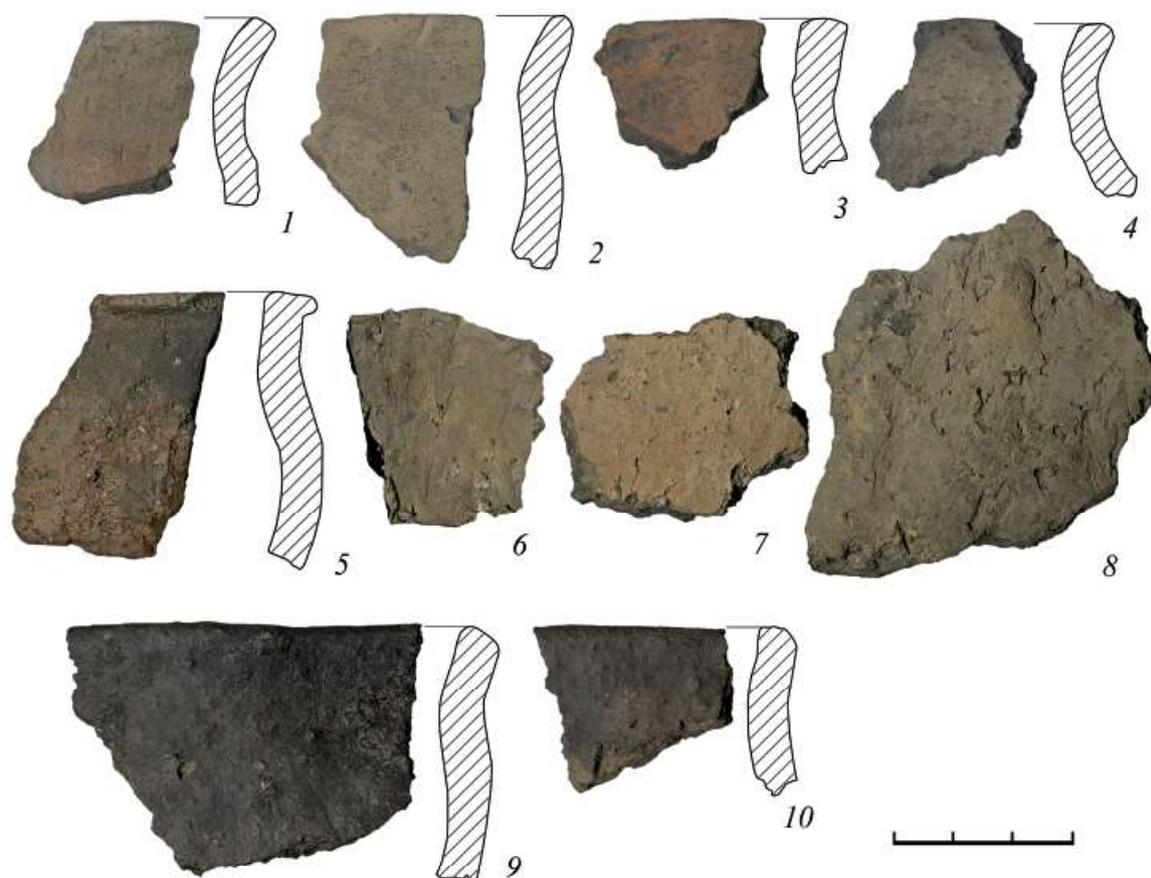

Рис. 11. Лепная керамика. 1 – пласт 1; 2, 3 – пласт 2; 4–6 – пласт 3; 7, 8 – пласт 4; 9, 10 – яма 2

тых венчика, с утолщением в области шеи в виде широкого валика (рис. 10: 22, 23). Сохранность одного экземпляра позволила определить диаметр края, равный 15 см, и отметить плавный переход шеи в плечо. Наиболее близкая форма дана в публикации Ю. Ю. Моргунова «Древнерусские памятники поречья Сулы» (Моргунов, 1996. С. 62. Рис. 16: 3; Рис. 10: 24), найденная в разрезе вала городища Бербеницы, основа оборонительной стены которого возведена в первой половине XII в. (Моргунов, 1996. С. 63). По данной аналогии два фрагмента могут быть, предположительно, отнесены к подобным сосудам с ушками.

Лепной материал из раскопа происходит в небольшом количестве. Он представлен фрагментами с гладкой или подлощенной поверхностью, среди которых встречаются венчики с уплощенным или округлым краем, шея плавно переходит в плечо (рис. 11: 1–5). Большая часть лепных фрагментов имеет следы заглаживания на поверхности с разреженно выступающей примесью дресвы (рис. 11: 6–10).

Крупный фрагмент лепного сосуда из неперепаханного слоя (рис. 2: 3) с уплощенным венчиком, завышенным плечом и коническим туловом близок форме «ладожского типа», доминирующей на памятниках Поволжья и северного Приильменья в конце I тыс. (Горюнова, Плохов, 2011. С. 275). Бытование этой формы за-

канчивается там с распространением гончарного круга (Плохов, 2005. С. 78). Подобные сосуды составляют небольшую группу лепной керамики Восточного Прионежья (Макаров, 1989. С. 84–86. Тип 3, вариант А), где они встречаются в комплексах X–XI вв. (Макаров, 1989. С. 90). В материалах Тимеревского могильника такие сосуды объединены Л. И. Смирновой в группу редких форм (Смирнова, 1987. С. 98. Рис. 5, 13–16) и датируются X–XI вв.

С Ярославским Поволжьем по формам и составу теста лепную керамику клешинского селища связал и И. В. Дубов. Он отметил, что «лепные фрагменты составляют большинство среди обнаруженной керамики» и «керамический материал подтверждает датировку поселения IX–XI вв.» (Дубов, 1979). Малая доля лепной керамики раскопа 2018 г. не согласуется с материалами, полученными Суздальской экспедицией при обследовании поверхности селища. За три года сборов ее доля составляла от 1/3 до 2/3 от общего количества (табл. 3).

Таблица 3. Группы керамики, полученные в разные годы работ на селище из сборов

Группы керамики	2015, сборы	2016, сборы	2017, сборы	2018, раскоп
Лепная	263 (32 %)	243 (48 %)	173 (67 %)	208 (8 %)
Круговая средневековая	427 (52 %)	263 (52 %)	83 (32 %)	2119 (81 %)
Позднесредневековая	46 (5 %)	–	2 (1 %)	255 (10 %)
Неопределимая	92 (11 %)	–	–	19 (1 %)
Всего	825	506	258	2601

Подводя итог обзора керамики из раскопа 2018 г., следует отметить значительное преобладание круговой посуды. Исходя из типологического анализа, начало формирования комплекса круговой керамики можно ограничить второй половиной XI в. С учетом слабой представленности форм, характерных для XII в., – венчиков с округлым утолщением по внутренней поверхности края (тип VIII), в качестве верхней даты формирования основного культурного слоя на раскопе можно установить первую четверть XII в.

Вопрос синхронности лепных и круговых материалов, полученных из раскопа, не имеет однозначного ответа и требует дополнительного анализа.

Собранные в раскопе кости животных (684 экз.) были проанализированы в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Л. В. Яворской. В коллекции преобладают остатки крупного рогатого скота (48 %) и свиньи (37 %). Доля мелкого рогатого скота низкая, около 10 %, самая невысокая доля у костных остатков лошади – около 4 %. На костных остатках всех копытных хорошо фиксируются следы кухонной разделки – разрубов, дробления, лезвия ножа (около 85 % от всех их остатков). Кости птиц составляют 0,2 %. Полученные результаты совершенно типичны для сельских поселений Восточной Европы эпохи Средневековья и демонстрируют обычную мясную диету жителей (Антипина, 2005. С. 183). Специфику коллекции, как уже было указано выше, составляет повышенная измельченность костных остатков: 200–300 фрагментов в 1 куб. дм. Около 20–25 % разных групп были обожжены. Мелкая фракция костей млекопитающих и их обожженность маркируют производственный комплекс с использованием костей животных.

Заключение

Первые раскопочные работы на селище Клецино показали хорошую сохранность средневекового культурного слоя и его ненарушенность поздними перекопами. К наиболее ранним средневековым находкам в раскопе относятся сердоликовая шаровидная бусина диаметром 7 мм и крупный обломок венчика и стенки лепного сосуда, обнаруженные рядом в сером слое на склоне оврага. Предметы могут датироваться X – первой половиной XI в.⁴

Интенсивность жизни на участке резко возрастает в конце XI – начале XII в. К этому периоду относится большинство полученных на раскопе материалов. Им же можно датировать и непереотложенные распашкой слои. Вероятно, тогда же здесь функционировала кузнечная мастерская. Сочетание на одном участке находок производственного характера и бытовых предметов свидетельствует в пользу того, что кузница располагалась на жилом дворе, а не была вынесена за пределы основной зоны поселения.

Из находок позднесредневекового времени, кроме керамики, можно отметить бронзовый перстень с круглым щитком и резным декором и, возможно, оранжевую прозрачную бусину.

Литература

- Антипина Е. Е.*, 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. С. 181–190.
- Белецкий С. В.*, 2018. Древнерусские пломбы из Старой Ладogi // Записки ИИМК РАН. № 18. СПб.: ИИМК РАН. С. 105–132.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М.*, 2018. Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами Новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Часть I. С. 274–304.
- Горюнова В. М., Плохов А. В.*, 2011. Контакты населения Приильменя и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // Археологические вести. Вып. 17. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 259–280.
- Дубов И. В.*, 1979. Работы на озере Плещееве // АО 1978 г. М.
- Дубов И. В.*, 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 249 с.
- Ершевский Б. Д.*, 1982. Малые вислые печати посадников XII в. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 173–177.
- Ершевский Б. Д.*, 1998. Регалии государственной власти новгородских посадников (30-е годы XII – 30-е годы XIII вв.) // Вестник Новгородского государственного университета. № 4. Великий Новгород.

⁴ К XI в. относится находка непрозрачной молочно-голубой рубленой бисерины (*Захаров*, 2014. С. 188).

- Захаров С. Д.*, 2014. Новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации коллекций стеклянных бус // КСИА. Вып. 236. С. 184–191.
- Кадиева Е. К.*, 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII веков: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль. С. 173–202.
- Кайль В. А., Нечитайло В. В.*, 2006. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII в. Луганск.
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука.
- Кокорина Н. А.*, 2013. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир. 76 с.
- Комаров К. И.*, 1975. Работа Славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях // АО 1974 г. М.
- Курышова Н. П.*, 2012. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. № 1. С. 204–215.
- Лапшин В. А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102.
- Леонтьев А. Е.*, 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г.*, 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территории: сб. науч. тр. Тверь. С. 56–66.
- Макаров Н. А.*, 1989. Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. Вып. 198. М.: «Наука». С. 83–93.
- Макаров Н. А.*, 2016. Подвеска со знаком Рюриковичей из летописного Клещина // КСИА. Вып. 242. С. 180–190.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.*, 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. 496 с.
- Макаров Н. А., Несмиян О. А., Муренцева Т. Ю.*, 2016. Клещин – центр средневекового расселения на Плещеевом озере // Археологические вести. Вып. 22. СПб.: ИИМК РАН. С. 140–154.
- Минасян Р. С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. № 21. Л.: Искусство. С. 68–74.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; вып. 2).
- Нелюбов С.*, 2001. Ратники на средневековых русских перстнях // Цейхгауз. № 15.
- Олейников О. М.*, 2014. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15, в Смоленске 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 6–17.
- Олейников О. М.*, 2018. К вопросу о назначении свинцовых пломб дрогичинского типа // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 11. Тверь. С. 6–11.
- Остапенко А. А.*, 2015. Христианские древности Рязанской Земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): дис. ... канд. ист. наук [Рукопись] // Архив ИА РАН. Р-2.
- Перхавко В. Б.*, 2018. Торговля и торговцы средневековой Руси. М.: Академический проект. 658 с.

Плохов А. В., 2005. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб: Дмитрий Буланин. С. 74–81. (Труды ИИМК РАН; т. 18).

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. 3 ч.

Сергеева З. М., 1989. Сердоликовые бусы западнорусских земель (по материалам памятников X–XIII вв. Днепро-Двинского междуречья) // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара. Псков.

Смирнова Л. И., 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // РА. № 2. С. 90–102.

Третьяков П. Н., 1963. Древнерусский город Клещин // Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель: Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М. С. 49–53.

Сведения об авторах

Зайцева Ирина Евгеньевна, Институт археологии РАН, e-mail: izaitseva@yandex.ru;

Угулава Нани Давидовна, Институт археологии РАН, e-mail: u.nani@mail.ru

I. E. Zaytseva, N. D. Ugulava

KLESHINO: THE BEGINNING OF A NEW PHASE OF RESEARCH

Summary. The article discusses the results of archaeological investigation of unfortified settlement of IX–XII cc. Kleshino on Pleshcheyevo lake. The first excavation work in Kleshino (50 sq. m.) showed the good preservation of the medieval cultural layers and its intact late dug. Recorded The following stratigraphy is fixed: the ploughed layer of 27–37 cm thickness, intact light gray loam with a thickness of 4–45 cm. Excavated materials refer to the end of XI – beginning of XII century. Probably at the same time it operated a blacksmith shop. The combination on the one area of findings of an industrial nature and everyday objects evidence in favor of the fact that the forge was located on a living yard, but was not placed outside of the residential area of the settlement.

Keywords: Middle ages, archaeology, ceramics, unfortified settlements, cultural layer.

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

КОТОРСКОЕ СЕЛИЩЕ – РЯДОВОЙ ПОГОСТ, НЕРЯДОВОЙ ПАМЯТНИК

Резюме. Погосты (погосты-места) западной части средневековой Новгородской земли ярко отразили процесс формирования и распространения древнерусской культуры на Северо-Западе. Погосты рано стали административно-податными и церковными единицами, фактически тождественными сельским приходам, и тем самым составили основу сети административных центров. Материальная культура погостан характеризуется «зажиточностью» и заметным числом разнообразных импортов. Созданная небольшими укрепленными «городками» (теперь городищами), отстоящими один от другого на 10–25 км, система обороны позволяла малыми силами контролировать значительные территории. Ее разрушение может быть связано с летописным походом княгини Ольги по Луге и Мсте или крещением. Сходство между новгородскими погостами и раннесредневековыми поселениями Ополья можно объяснить сходством в механизмах формирования и распространения единой древнерусской культуры в X–XI вв.

Ключевые слова: Новгородская земля, Средневековье, погосты, система расселения, Которской погост.

Поселения эпохи раннего Средневековья, как и любого времени, разнообразны: они различаются размерами, топографическим положением, специализацией, особенностями культуры населения и многими другими чертами. Одним из важнейших видов поселений раннесредневековой Руси были погосты. Несмотря на то, что в российской историографии погосты справедливо связываются в первую очередь с территорией Новгородской земли, источники знают их на всей русской территории – в частности, летописные сообщения 1071 г. и 1107 г. упоминают погосты в Ростовской земле (см.: *Платонова*, 2012. С. 349–353, – там же подробный историографический обзор проблемы).

В настоящей статье речь пойдет о погостах (погостах-местах) западной части средневековой Новгородской земли как типе поселений, ярко отразившем процесс формирования и распространения древнерусской культуры на Северо-Западе. Одна из важнейших особенностей средневековой Новгородской земли –

малочисленность городов. На огромной территории кроме собственно Новгорода первоначально существовал лишь еще один город – Ладога, и в XI в. появился еще один – Русса. Основной административной единицей были погосты, что отразилось, в частности, в известной формулировке позднейших новгородских докончаний с князьями «кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост: тако пошло в Новегороде» (см., напр.: Грамоты..., 1949. С. 13, 16). Погосты рано стали административно-податными и церковными единицами, фактически тождественными сельским приходам, и тем самым составили основу сети административных центров, в общих чертах существующую по сей день. Любопытно, что на значительной части древнерусских погостов Северо-Запада в эпоху позднего Средневековья возникают небольшие сельские обители (все они упразднены в 1764 г.). Кладбища, существующие сейчас вокруг соответствующих церквей, безусловно, восходят к монастырским XIV–XV вв., надежных данных о погребениях на этих участках в более раннее время нет.

На огромной новгородской территории погосты, конечно, были различны (см., напр.: Фролов, 2003; Стасюк, 2018). Более всего в российской историографии повезло западной части Новгородской земли. Начиная с классических работ К. А. Неволлина и А. М. Андрияшева (*Неволин*, 1853; *Андрияшев*, 1914), несколько поколений исследователей локализовали подавляющее большинство поселений, упомянутых писцовыми книгами. С расширением археологических исследований стало очевидно, что значительная часть пунктов, известных по документам XVI–XVII вв., возникает гораздо раньше, существуя на одном и том же месте на протяжении нескольких веков. Археологические данные подтверждаются упоминаниями топонимов в документах и берестяных грамотах. Для западной части Новгородской земли преемственность между погостами эпохи писцовых книг и более ранними локальными центрами показала Н. И. Платонова (*Платонова*, 1991; *Платонова и др.*, 2007); много сделал в этом направлении А. А. Селин (*Селин*, 1995; 2003; 2008, др. работы).

Погосты, локализуемые в бассейне Верхней Луги и прилегающих к нему верховьях Плюссы, как правило, не меняли существенно своего местоположения и в настоящее время чаще всего представляют собой поселение с сельским храмом и многовековым кладбищем вокруг него. Таковы Передольский погост (городище Заполье), Дремяцкий погост (городище Городец под Лугой), Петровский погост (городище Голубково) и др. На этом фоне более удаленный от Новгорода и не очень значительный Никольский Которский погост представляет собой ценнейший археологический источник, так как еще в древности поселение было перенесено на противоположный берег реки, и культурный слой X–XI вв. дошел до нас практически в неповрежденном виде (не считая распахки верхней части культурных напластований). Такая степень сохранности позволяет считать Которское поселение эталонным памятником данного типа (*Кузьмин*, 1991; *Mikhailova*, 2014; *Соболев*, 2015). Опираясь на материалы Которского поселения, попытаемся представить образ некоего «идеального» раннесредневекового погоста в западной части Новгородской земли. Кроме сведений о Которском комплексе, мы можем использовать материалы еще нескольких памятников: материалы раскопок Городца под Лугой и Передольского погоста, данные о шурфах на Косицком

городище (Лебедев, 1973, 1977; Lebedev, 1982; Залевская, 1982; Платонова, 1991; Платонова и др., 2007) (рис. 1).

Необходимо отметить, что далеко не все ранние древнерусские комплексы памятников, включающие городища, развились в рассматриваемом регионе в погосты. Раскопками изучались два комплекса с исключительно лепной керамикой, синхронные нижним слоям Которского, Городецкого и Передольского поселений и имеющие с ними много общего, – Надбелье и Курская Гора. Городище у д. Надбелье на Оредежи исследовалось С. Л. Кузьминым в 1993–1998 гг. (Кузьмин, 2000). Начало жизни на поселении относится к концу IX – началу X в., прекращение накопления культурных напластований происходит в середине X столетия. Зафиксированный писцовыми книгами Бутковский погост располагается в 4 км к запа-

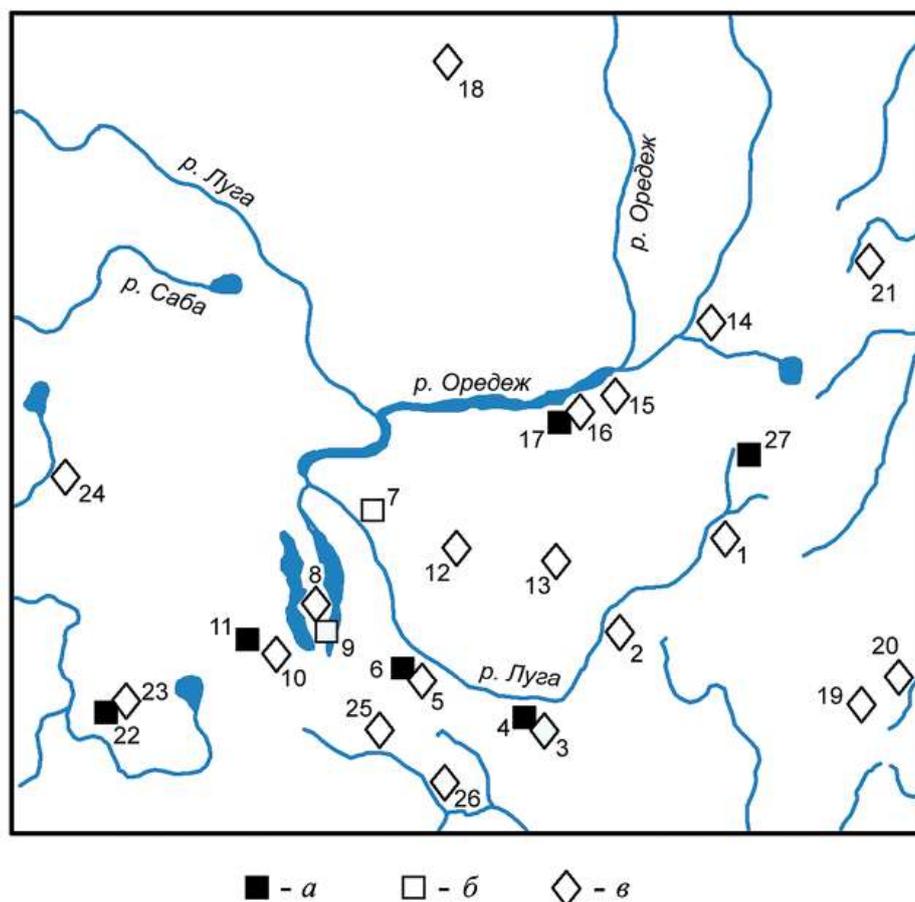

Рис. 1. Локальные центры X–XII вв. и погосты писцовых книг на Северо-Западе Новгородской земли (Верхнее Полужье и сопредельные районы) (по: Платонова и др., 2007. Рис. 1, с дополнениями). Условные обозначения: *a* – укрепленное поселение (городище); *b* – селище; *v* – погост XV–XVI вв. Цифрами на карте обозначены: 1 – Луский пог.; 2 – Сабельский пог.; 3 – Косицкий пог.; 4 – Косицкое; 5 – Передольский пог.; 6 – Передольское; 7 – Подгородье; 8 – Бутковичи; 9 – Петровский пог.; 10 – Дремяцкий пог.; 11 – Городец под Лугой; 12 – Городенский пог.; 13 – Хрепельский пог.; 14 – Тесовский пог.; 15 – Спасский на Оредеже пог.; 16 – Будковский пог.; 17 – Надбелье; 18 – Орлинский пог.; 19 – Кречневский пог.; 20 – Пидебский пог.; 21 – Гдитский пог.; 22 – Которск; 23 – Которской пог.; 24 – Бельский пог.; 25 – Фроловский пог.; 26 – Турский пог.; 27 – Курская Гора

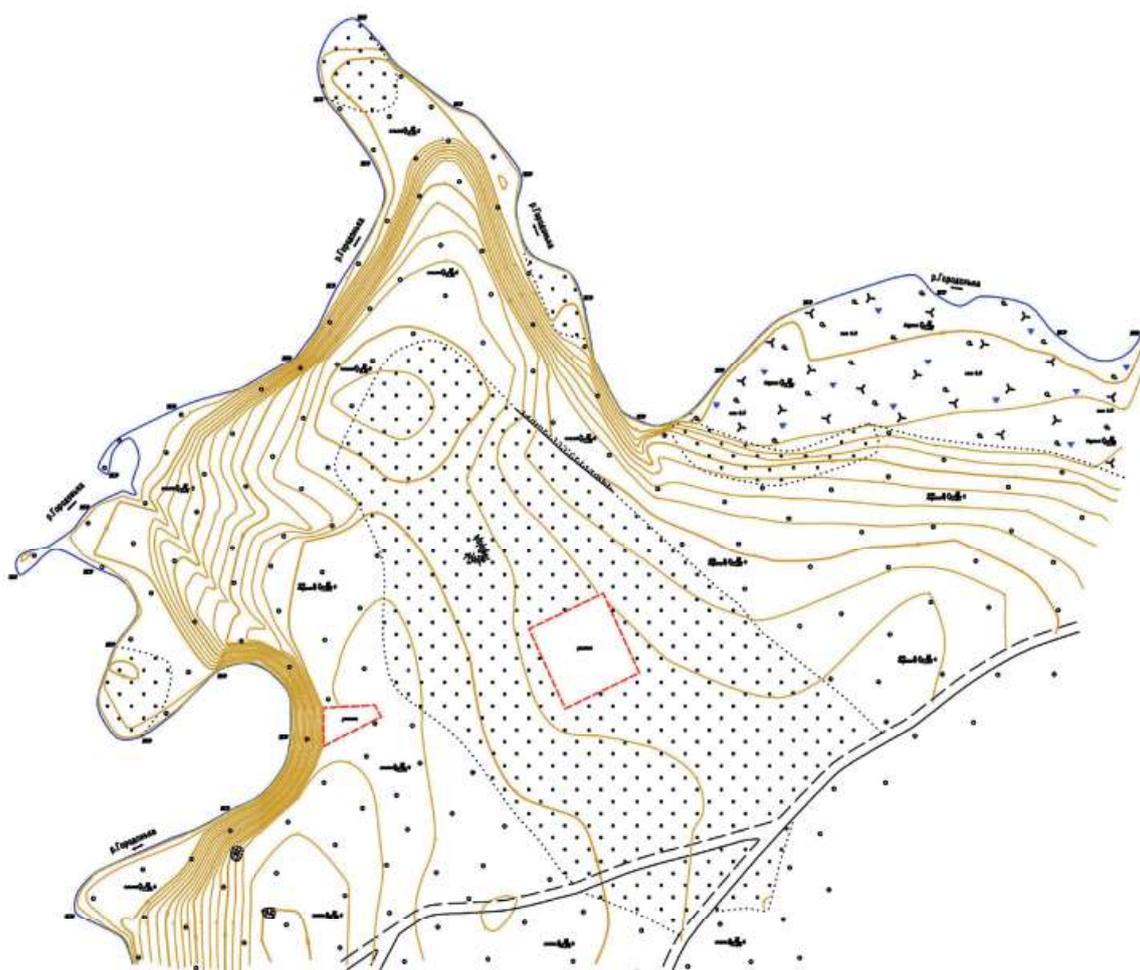

Рис. 2. Комплекс памятников у дер. Которск (Которский погост). План поселения.
Инструментальная съемка: Г. В. Порошин, В. Ю. Соболев, А. В. Бехтер, 2012–2013 гг.

ду от Надбельского городища, иных крупных поселений X–XV вв. в окрестностях не найдено. Городище и селище в урочище Курская Гора, исследованные О. В. Клубовой, расположены в самом истоке р. Луги и в целом синхронны Надбельскому городищу (Клубова, 1992а, 1992б). Время возникновения Луского погоста – ближайшего к Курскому комплексу погоста-места – точно не установлено, он отстоит от Курской Горы также на расстояние около 4 км.

Поселение Которский погост представляет собой небольшое мысовое городище с примыкающим к нему обширным открытым поселением. Разведочная шурфовка не выявила культурных напластований на площадке городища, остатки оборонительных сооружений исследовались неdestructивными методами.

Городище расположено на высоком левом коренном берегу в излучине р. Городоньки и дополнительно ограничено с востока поймой впадающего в Городоньку ручья; с напольной стороны оно было обведено рвом и земляной насыпью – вероятно, остатками вала (рис. 2). В настоящее время следы оборонительных сооружений сильно распаханы и практически сnivelированы, однако они были отчетливо выражены в рельефе в середине XX в. и еще заметны на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Которское селище – рядовой погост, нерядовой памятник

Площадка городища подтреугольной формы, вытянута в направлении с юга на север, ее максимальные размеры 60×40 м, превышение над уровнем реки – 7,5–8,5 м. Площадка имеет общее понижение с юга на север – от остатков вала к оконечности мыса. Южнее остатков вала в песчаных берегах реки заметны две довольно широкие заплывшие западины – по всей вероятности, остатки рва. От реки на площадку городища ведет тропинка, возможно, следующая древнему всходу. Тропинка начинается у южного края восточной западины, поднимается вдоль восточного края площадки и выводит к оконечности мыса.

Селище площадью около 2,5 га примыкает к городищу с напольной – южной и юго-восточной стороны. Его территория плавно понижается в восточном направлении, в сторону упомянутой поймы ручья, местами заболоченной. Западный

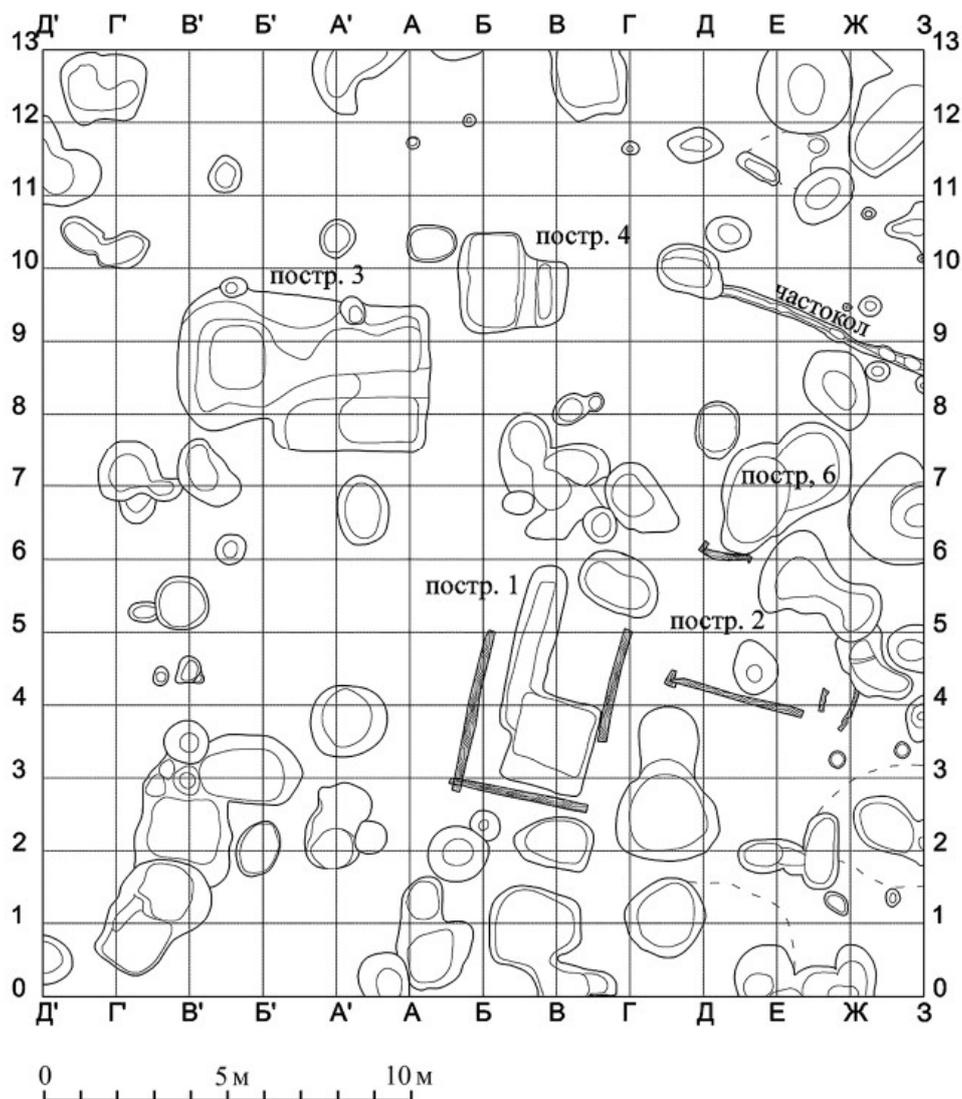

Рис. 3. Селище Которский погост. Сводный план раскопов в центральной части поселения

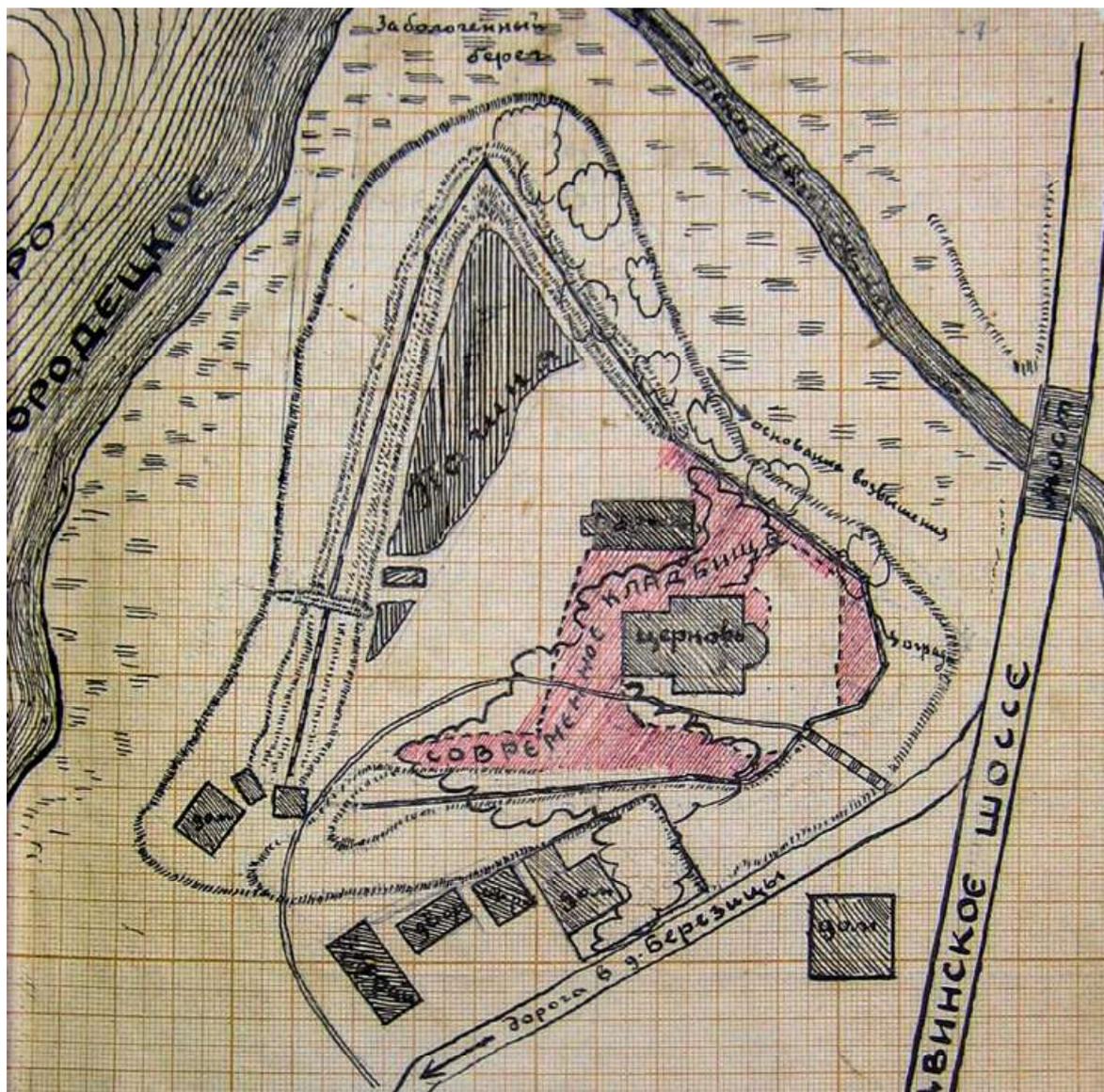

Рис. 4. Городище у дер. Городец (Городец под Лугой). План, выполненный Н. Н. Чернягиным и Г. П. Гроздиловым (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931. Д. 91. Л. 7)

край поселения, приходящийся на высокий обрывистый берег реки Городоньки, местами подмывается рекой и осыпается. В разные годы работами С. Л. Кузьмина и авторов статьи на селище было изучено 624 кв. м в центральной части селища и 128 кв. м на его западном краю (рис. 2). Стратиграфия культурного слоя в обоих раскопах одинакова. На материке (желтый песок) залегает слой бурого гумусированного песка мощностью до 30 см, а непосредственно над ним располагается слой гумусированного песка черного цвета. Мощность слоя черного гумуса колеблется в пределах 15–40 см, его нижнюю часть составляет горизонт мощного пожара. Верхняя часть культурного слоя распахана.

Слой бурого гумуса характеризуется наличием в нем почти исключительно лепной керамики (в раскопе на западном краю поселения встречены немногочисленные круговые фрагменты), за время его формирования сменилось два горизон-

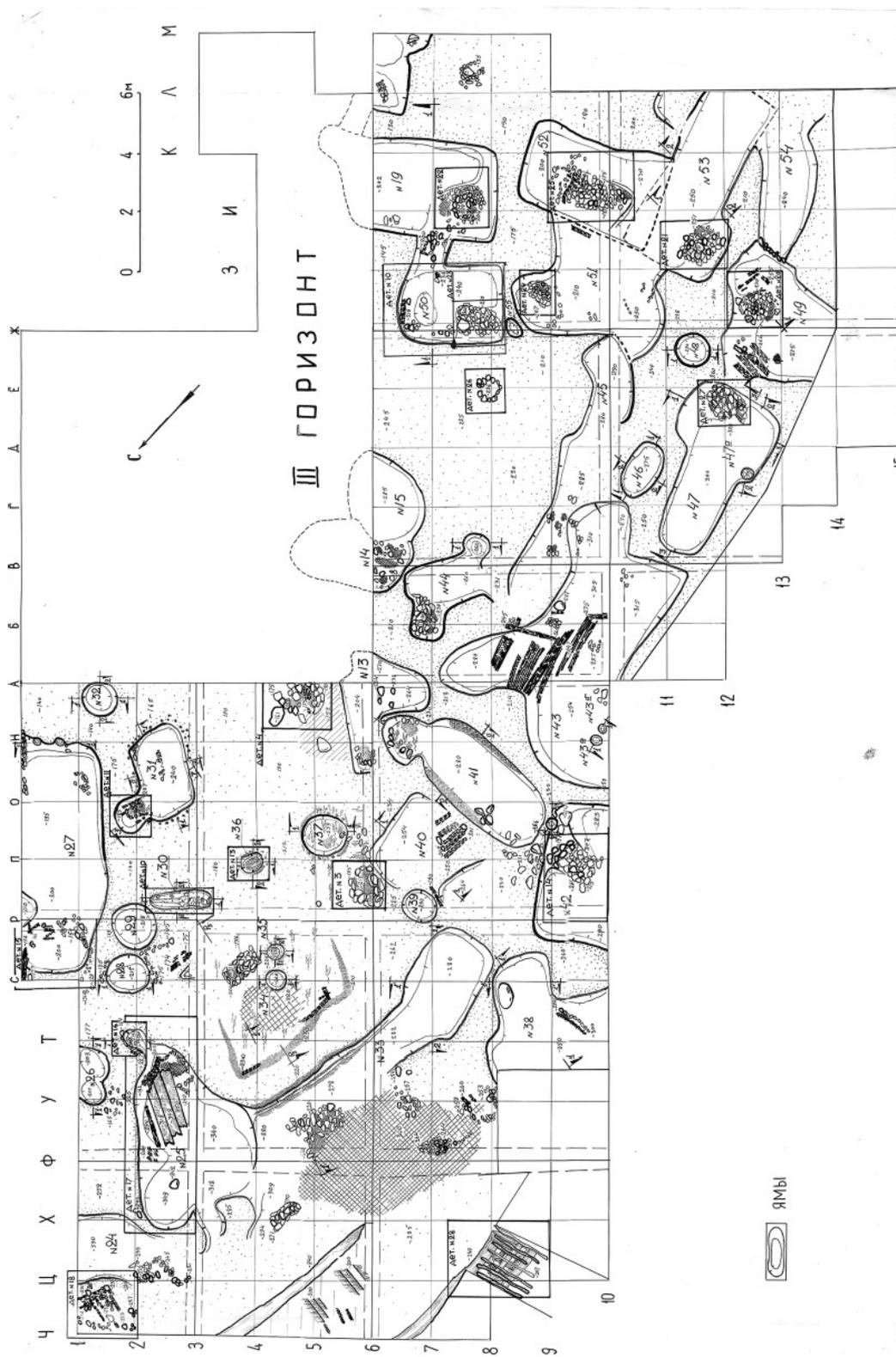

Рис. 5. Городище у дер. Городец (Городец под Лугой). Раскопки Г. С. Лебедева 1972–1973 гг. Сводный план раскопа на уровне III (нижнего) горизонта. (Из архива Г. С. Лебедева, хранится в Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ)

та застройки. По керамике и вещевым находкам слой бурого гумуса можно широко датировать в пределах IX–X вв.

Горизонт пожара – яркая прослойка угля и сажи – прослеживается в основании слоя черного гумуса, разделяя его с нижележащим бурым. Однако при разборке заполнения ряда ям было отчетливо заметно, что под слоем пожара в них залегает тонкая (5–10 см) прослойка черного гумуса. Одна из построек, сгоревшая в пожаре, также была возведена до начала формирования слоя черного гумуса. Слой черного гумуса в целом датируется в пределах X – начала XII в., а пожар, произошедший в начале формирования слоя черного гумуса, следует отнести к середине – второй половине X в. Дата пожара одновременно оказывается *terminus quo ante* для датировки слоя бурого гумуса (подробнее см: *Mikhaylova, 2014; Соболев, 2015*).

Несколько радиоуглеродных дат, полученных для Которского поселения, к сожалению, не могут уточнить чисто археологические датировки.

Рассмотрим теперь, взяв за основу материалы Которского и Передольского погостов и Городца под Лугой, некоторые общие черты ранних новгородских погостов (локальных центров) в бассейнах Верхней Луги и Плюссы.

Обстоятельства возникновения ранних древнерусских центров, функции и роль соответствующих им городищ довольно схожи на всей рассматриваемой территории. В тех немногих случаях, когда осуществлялась прорезка вала (Городец под Лугой, Надбельское городище), установлено, что городищенский вал построен с применением внутренних перекладных конструкций (рис. 5, 6). Если в 1970-х гг. такие конструкции вала Городца под Лугой казались уникальными, а аналогии им Г. С. Лебедев предлагал искать на памятниках балтийских славян (*Лебедев, 1977. С. 117*), то в настоящее время памятники с подобными деревянными конструкциями, датирующиеся третьей четвертью I тыс., выявлены в Приильменье. И. И. Еремеев показал, что этот строительный прием широко распространен в эпоху раннего Средневековья, объединяя Северо-Запад России с территориями Полесья, Польши и Прибалтики (*Еремеев, Дзюба, 2010. С. 153. Фото 15–24*).

Вероятно, аналогичны по своей внутренней структуре и оборонительные конструкции других городищ, в том числе Которского. В Которском погосте, исходя из результатов топосъемки, можно предполагать, что оборонительная конструкция, скорее всего, представляла собой дерево-земляную стену (насыпь из песка и супеси, армированную деревянными конструкциями), ширина стены могла составлять 8–12 м, при высоте не менее 1 м и вряд ли более 2 м. Можно предположить, что по верху стены проходил боевой ход, прикрытый с напольной стороны бревенчатым частоколом или защитной стенкой. Оборонительная преграда могла иметь суммарную высоту до 4,5 м и должна была обеспечивать защиту обороняющихся от метательного оружия и приступов с напольной стороны «городка». Восточная и западная стороны городищенского мыса, по имеющимся данным, укреплены не были: эскарпирование склонов не прослеживается, возможно, по краю площадки городища был устроен частокол, но это предположение требует дополнительных археологических подтверждений.

Небольшой укрепленный Которский «городок» был возведен в конце IX – начале X столетия. Отсутствие культурного слоя на площадке городища свидетельствует о том, что здесь не было постоянного гарнизона, да и в целом, по всей ви-

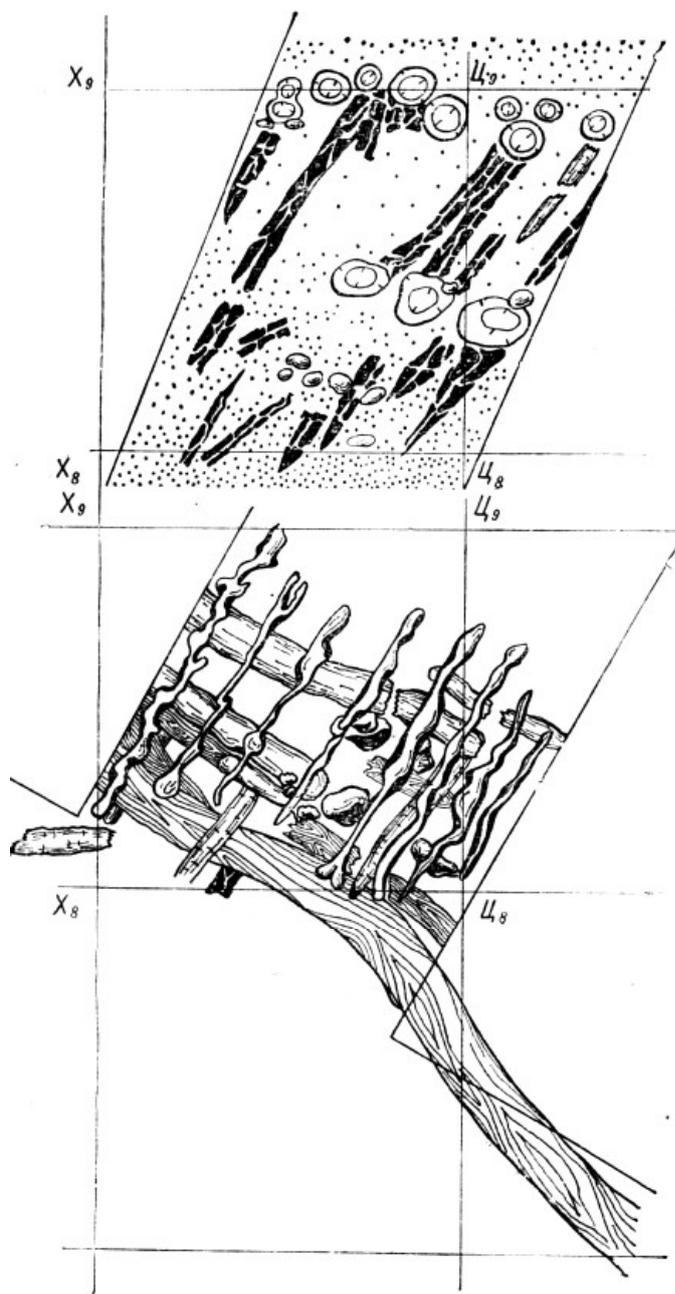

Рис. 6. Городище у дер. Городец (Городец под Лугой). Внутривальные деревянные конструкции (по: Лебедев, 1977. С. 116)

димости, городище посещалось нечасто. Зафиксированный раскопками тотальный пожар, уничтоживший застройку открытой части поселения, связанные с пожаром находки предметов вооружения и снаряжения всадника позволяют утверждать, что при военном нападении боевые действия шли за пределами укреплений, не затронув территорию «городка». Вероятно, жители защищали в первую очередь поселок, и бой кипел вокруг их усадеб.

Слабые оборонительные возможности описанного «городка» частично компенсировались территориальной организацией обороны: в западной части Новгородской земли реконструируется сеть синхронно существовавших небольших укрепленных пунктов, аналогичных Которскому городищу и удаленных друг от друга на 10–25 км; эта сеть покрывает довольно обширную территорию – Верхнее Полужье, включая район озер Череменецкого и Врево, и Верхнее Поплюсье. Таким образом, простота оборонительных сооружений и малочисленность защитников каждого из городков в отдельности в какой-то мере компенсировались возможностями довольно быстрой концентрации сил в точке возникновения опасности. Данная система позволяла малыми силами контро-

лировать значительные территории, однако была рассчитана на малочисленного и/или слабо организованного противника: при одновременной атаке на 2–3 соседних «городка» такая система обороны должна была обязательно обрушиться, что и произошло в середине X столетия. Горизонты почти одновременных мощных пожаров, выявленные на всех подвергавшихся раскопкам памятниках, косвенно подтверждают такой ход событий. И, вероятно, не случайно, что которяне приняли этот бой, не укрывшись за стеной городища, но на улицах своего поселка.

Не исключено, что после пожара укрепления Которского городища могли остаться невосстановленными.

Большинство городищ Верхней Луги имело столь же скромные размеры, что и в Которске (к примеру, площадь Передольского городища около 900 кв. м), однако существовали и более крупные по размерам (Городец под Лугой (рис. 4) и, вероятно, Косицкое городище).

В планировке селитебных зон погостов-мест также прослеживаются общие черты, в первую очередь – значительная плотность застройки и высокая концентрация находок в культурном слое. Особенно показательна плотность застройки на неукрепленных частях поселений в Которском и Передольском погостах, где, казалось бы, нет внешних ограничений. Возможное объяснение дает частокольная канавка, обнаруженная при исследованиях в центральной части Которского селища в 1999 г. (см. рис. 3). Выявленный частокол ограничивал с северо-восточной стороны скопление подпольных частей разновременных построек, изученных в раскопе. Не исключено, что картина застройки была еще сложнее, чем это представляется при взгляде на сводный план материковых ям и подполий: в слое черного гумуса в центральной части поселения неоднократно встречены крупные развалы обожженной глины, которые, по-видимому, также отмечают какие-то разрушенные постройки – возможно, хозяйственные.

По всей вероятности, все выявленные строения в пределах раскопа связаны с одной и той же усадьбой, территорию которой ограничивал частокол. С учетом расположения построек в изученной части селища для Которского погоста можно предположить существование 3–5 усадеб и, возможно, общей хозяйственной зоны в западной части – на берегу Городоньки. «Полугородская» усадебная планировка погостов (и, вероятно, определенный правовой статус земельных участков под усадьбами) заставляли жителей постоянно строиться на одном и том же участке.

Еще одна бросающаяся в глаза черта – «богатство» материальной культуры погостов (рис. 7, 8). Это явление отчасти связано с хронологией памятников (ранняя древнерусская культура повсеместно отличается яркостью и выразительностью находок), но преимущественно выражает действительную зажиточность погощан. Например, при раскопках Которского погоста было собрано в общей сложности около 30 серебряных монет и их фрагментов. По мнению И. Г. Добровольского, высказанному им в частной беседе, этот набор монет по своему характеру соответствует не распаханному кладу, а именно утерянным средствам платежа (см. табл.). Многочисленны среди находок также импорты¹, среди которых обращают на себя внимание не только скандинавские, но и, например, южные и западнославянские вещи.

В восточных районах Новгородской земли погосты специально подробно не изучались, однако, например, хорошо известный Бельский археологический комплекс на Мсте (*Конецкий, Носов, 1995*) чрезвычайно похож на Которский комплекс – здесь уместно вспомнить о летописном известии об установлении погостов по Луге и Мсте.

¹Говоря об импортных вещах, мы не имеем в виду «обычные», ставшие привычными для археологов предметы, например, пакетные ножи, стеклянные и каменные бусы ближневосточного или византийского происхождения, предметы вооружения и т. п. С учетом этих категорий число импортов лишь увеличится.

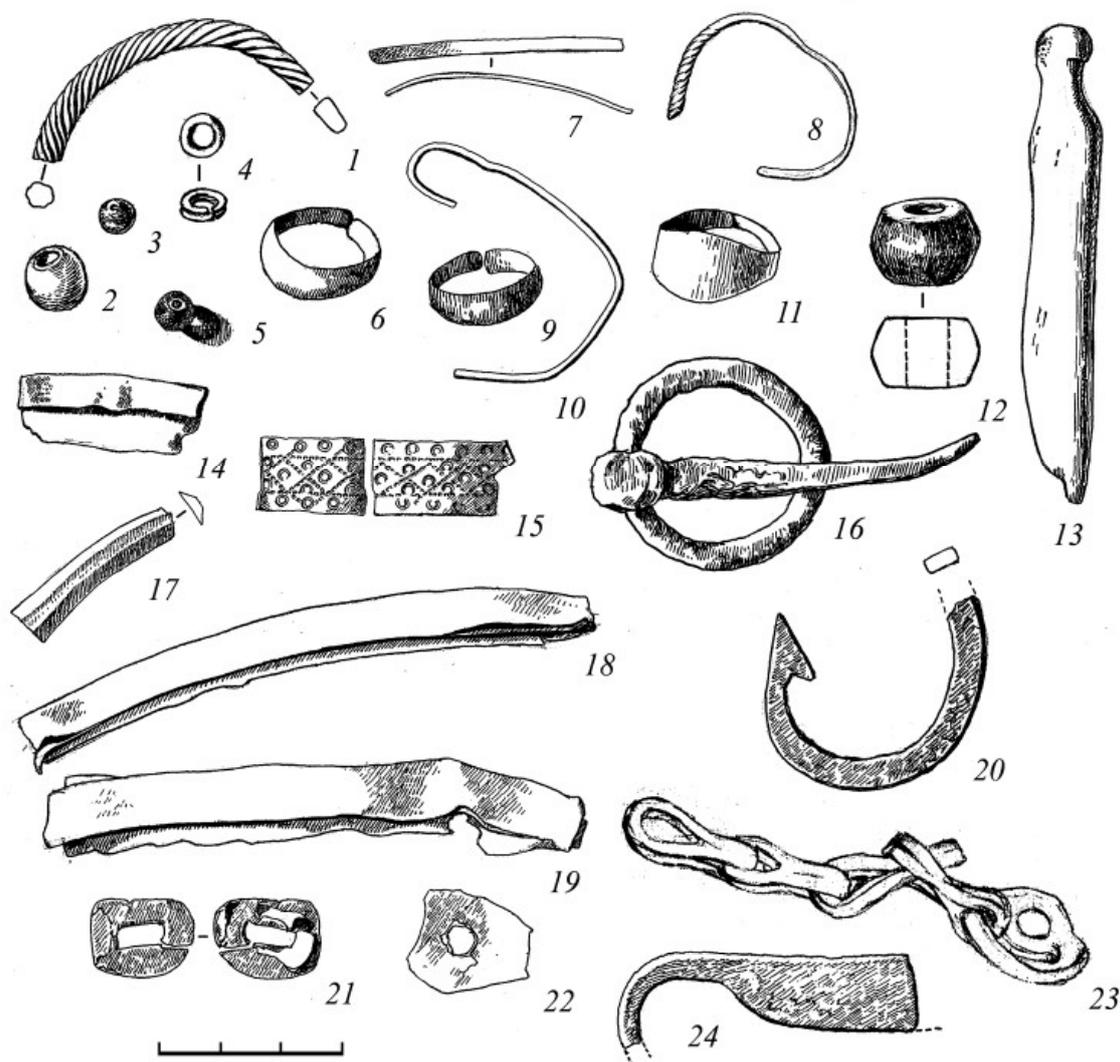

Рис. 7. Городище у дер. Городец (Городец под Лугой). Находки из раскопа 1972 г. Рис. Л. С. Кухаревой. (Из архива Г. С. Лебедева, хранится в Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ). 1, 2, 3, 5 – стекло; 4, 7–11, 14, 15, 18, 19, 21, 22 – цветной металл; 12 – керамика; 13 – кость; 16, 20, 23, 24 – железо

Соблазнительно было бы также наметить параллели между рассмотренными погостами и раннесредневековыми поселениями Ополя. Ландшафтно Суздальское Ополе вообще очень похоже на Верхнюю Лугу. Центры запада Новгородской земли, в сущности, тоже представляют собой крупные (относительно синхронных) селища вокруг небольших и, возможно, не имевших серьезного военного значения городищ. Схожесть материальной культуры обоих регионов – вариации единой древнерусской. Однако никакой общей подосновы здесь, разумеется, нет. Имеющееся сходство объясняется сходством в механизмах формирования и распространения единой древнерусской культуры в X–XI вв.

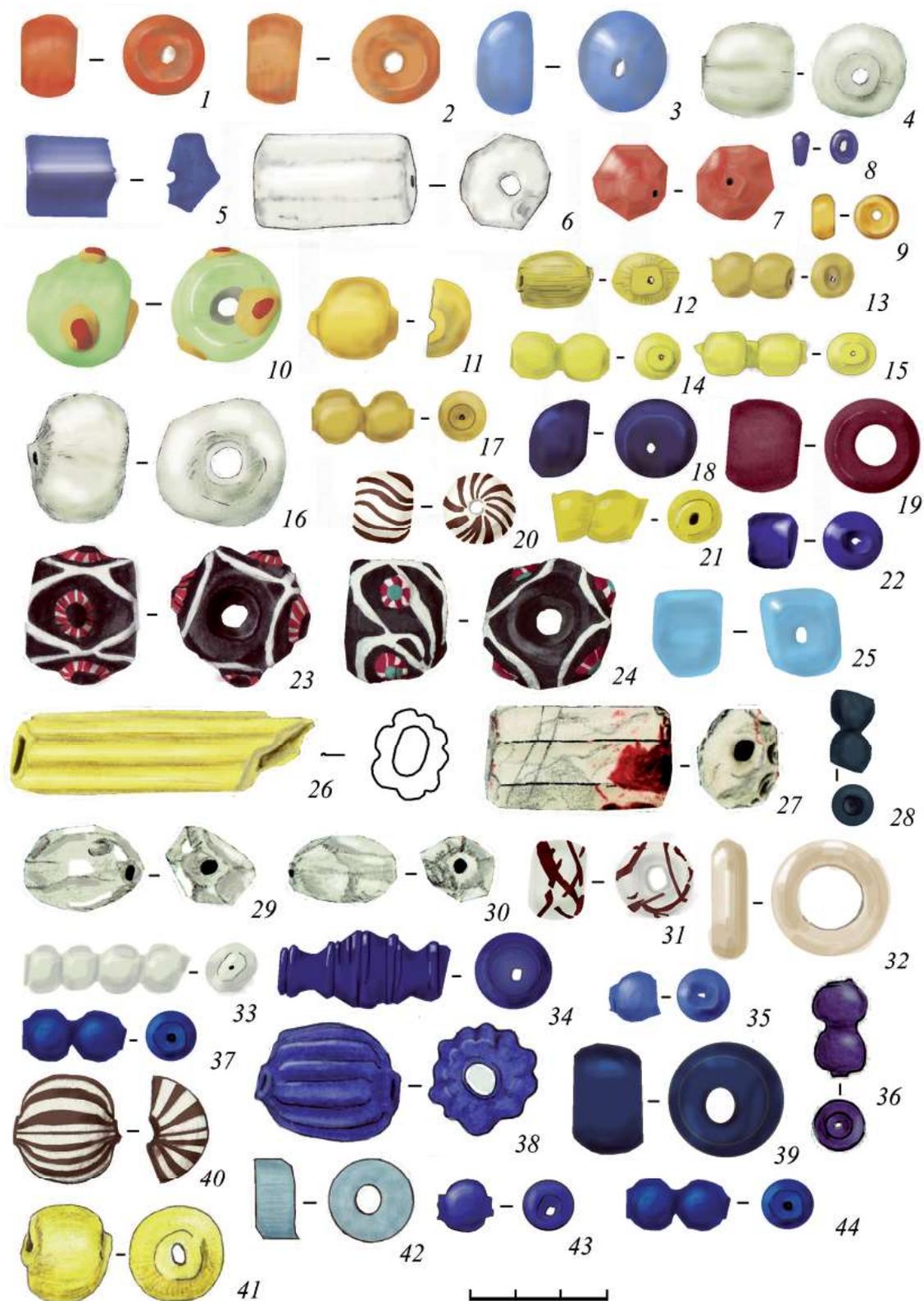

Рис. 8. Которский погост. Бусы из раскопок 1988–1990 гг. Рис. Е. Р. Михайловой.
 1–5, 8–26, 28, 31, 33–41 – стекло; 6, 29, 30 – хрусталь; 7, 27 – сердолик (в т. ч. обожженный);
 32 – кость

Таблица монетных находок¹

№ п/п	Целяя/ фр-нт	Династия/ правитель	Место чеканки	Место находки/конструкция	Год	Примечания
	½	Аббасиды, ар-Рашид	Мадин аш-Шаш	кв. А'2, горизонт пожара	180 г. х. 796/797	
	½	Саманиды		кв. Б'1, горизонт пожара	X в.	распалась на 3 фрагм.
		Обрезок куффического дирхама	обрезано	граница кв. Е1-Ж1, слой пахоты	обрезан, VIII-IX вв.	в 2-х фрагм.
	~ 1/5	Обрезок куффического дирхама	обрезано	кв. Е9, слой пахоты	обрезан, VIII-IX вв.	
	¼	Аббасиды, ал-Мулазз (866-869 гг.)	обрезано	кв. Е10, верх слоя черного гумуса	обрезан	
	1/3	Саманиды, эмир?	обрезано	кв. Ж5, слой черного гумуса	обрезан нач. X в.?	
	½	Саманиды Исмаил ибн Ахмад (892-907)	обрезано	уч. 3, слой пахоты	2 хх г.х.	
	1/3	Аббасиды, халиф	обрезано	уч. 3, слой пахоты	обрезан	
	½	Аббасиды, халиф? Ал-Мухаммадил		кв. Д10, верх слоя бурого гумуса	стерт IX в.	
		Обрезок куффического дирхама	обрезано	кв. Д10, основание слоя черного гумуса над ямой		

¹ Определения монет И. Г. Добровольского и А. А. Гомзина, которым авторы выражают свою искреннюю благодарность и признательность.

Продолжение таблицы монетных находок

1/2	Аббасиды, Ал-Мутаваккил (847–861 гг.)	стерго	кв. Д8, слой пахоты	2 хх г. х.
1/4	Аббасиды, халиф?	обрезано	кв. Д9, слой пахоты	1 хх г. х. VIII – нач. IX в.
1/2	Саманиды, Ахмад ибн Исмаил	Нисабур	кв. Ж1, низ слоя пахоты	298 г. х. 910/911 г.
~ 1/5	Саманиды?, эмир?	обломано	кв. Д0, зачистка по поверхности слоя черного гумуса	х 9х г. х. нач. X в.
	Обрезок куффического дирхама	обрезано	кв. Ж7, слой черного гумуса	обрезан, IX – нач. X в.
1/2	Аббасиды	обрезано	кв. Ж10, граница слоев черного гумуса и предаматерика	обрезан, 2 1/2 VIII в.
1/3	Обрезок куффического дирхама	обрезано	кв. Д6, край ямы 8, слой черного гумуса	обрезан, VIII–IX вв.
~ 1/5	Обрезок куффического дирхама (Аббасиды?)	обрезано	кв. Д6, заполнение ямы 8, слой черного гумуса	обрезан, VIII–IX вв.
1/4	Обрезок куффического дирхама	обрезано	кв. Ж6, заполнение ямы 7, слой черного гумуса	обрезан кон. VIII – нач. IX в.

Продолжение таблицы монетных находок

$\frac{3}{4}$	Саманиды, Исмаил ибн Ахмад (892–902)	обрезано	кв. Ж0, слой черного гумуса	29 х г. х.	
$\frac{3}{4}$	Аббасиды, ас-Сафрах (750–754) или ал-Мансур (754–775)	обломано	кв. Ж2, слой черного гумуса	13 х н. х.	
$\frac{1}{3}$	Обрезок куфического дирхама	обрезано	кв. Д9, слой черного гумуса	обрезан, VIII–IX вв.	по типу Самарканд, 279 г. х. (892 г.)
$\frac{1}{2}$	Аббасиды, ал-Му'тамид 'ала-ллах	место и год чеканки утрачены	слой пахоты?		по типу и палеографии – ал-Му'тасим биллах (218–227 г.х. / 833–842 г.), ал-Мухаммадийа
$\frac{1}{3}$	Аббасиды	эмитент и год чеканки утрачены	слой пахоты?		
$\frac{1}{2}$	Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада		слой пахоты?	309 г. х.	
$\frac{1}{2}$	Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада	Самарканд	слой пахоты?	300 г. х.	относят к имитационному чекану волжских булгар
$\frac{1}{2}$	Бувайхиды, ал-малик ас-сайид 'Адуд ад-даула ва Тадж ал-милла и Му'аййид ад-даула Абу Мансур	Джурджан(?)	слой пахоты?	год утрачен	по типу и палеографии – 372 г. х. (982/983 г.)

Продолжение таблицы монетных находок

		Подражание аббасидскому дирхаму ал-Махди		слой пахоты?		только о. с. Подобные экземпляры встречаются в кладах второй половины IX в.
1/3		Эмитент, место и время чеканки не установлены		слой пахоты?		Практически неразличимый фрагмент дирхама второй половины VIII – IX в.
1/4		стерт		кв. Г1, основание слоя пахоты	X в.	
1/2		Саманиды, Наср б. Ахмад	аш-Шаш	кв. А ₃ , заполнение ямы 7 (черный гумус)	307 или 309 г. х. (916/917 919/920, 921/922 гг.)	
1/2		Саманиды, времена Исмаила б. Ахмада	Самарк[анд]	кв. В4, осыпь	(895–907 гг.)	
1/4		Саманиды, имя правителя обрезано Времена Наср б. Ахмада.	[Самарк]анд	осыпь	[3x]8 г. х.	Наиболее вероятно – [31]8 г.х. (930 г. н.э.)

Литература

- Андряшев А. М.*, 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те.
- Залевская Н. И.*, 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 49–54.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.*, 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.
- Конецкий В. Я., Носов Е. Н.*, 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 29–54.
- Клубова О. В.*, 1992а. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 году // Новгород и Новгородская земля: История и археология: тез. науч. конф. Вып. 4/5. Новгород. С. 21–25.
- Клубова О. В.*, 1992б. Исследования селища в урочище Курская Гора в 1991 году // Новгород и Новгородская земля: История и археология: тез. науч. конф. Вып. 6. Новгород. С. 24–27.
- Кузьмин С. Л.*, 1991. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 153–168.
- Кузьмин С. Л.*, 2000. Городище у деревни Надбелье на Оредеже // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков. С. 95–97.
- Лебедев Г. С.*, 1973. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев Г. С.*, 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат.
- Неволин К. А.*, 1853. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. (Записки Императорского Русского Географического Общества; кн. 8).
- Платонова Н. И.*, 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 68–88.
- Платонова Н. И.*, 2012. Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 328–388.
- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М.*, 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 142–194.
- Селин А. А.*, 1995. К исторической географии Водской пятины: Грезенский и Орлинский погосты 1500 г. и русско-шведская граница 1617–1618 гг. // Ладога и Северная Русь: чтения, посвящ. памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 дек. 1995 г.). СПб. С. 53–56.
- Селин А. А.*, 2003. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб.: Дмитрий Буланин.

- Селин А. А.*, 2008. Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 333–350.
- Соболев В. Ю.*, 2015. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI века) // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). СПб. С. 4–32.
- Стасюк И. В.*, 2018. От центров расселения к центрам власти: происхождение погостов на западе Новгородской земли // *Stratum plus*. № 5. С. 169–182.
- Фролов А. А.*, 2003. К истории формирования средневековой административной структуры на севере Деревской пятины Новгородской земли // Новгородский архивный вестник. Вып. 3. Великий Новгород, 2003. С. 3–12.
- Lebedev G. S.*, 1982. Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga. Zum Problem der west-und ostslawischen Beziehungen // *Beitrage zur Ur-und Fruehgeschichte*. Berlin.
- Mikhaylova H.*, 2014. Kotorsky pogost – a local centre in the western part of Novgorod Land // *Linnuste raamatu eestikeelene paralleelpealkiri*. Muinasaja teadus. 24. Tartu. P. 157–186.

Сведения об авторах

Михайлова Елена Робертовна, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ, e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com;

Соболев Владислав Юрьевич, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ, e-mail: vlad.sobolev@gmail.com

E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev

**KOTORSK SETTLEMENT – AN ORDINARY “POGOST”,
AN OUTSTANDING SITE**

Summary. Medieval pogosts (local power places) reflected the process of formation of Old Russian culture in the North-Western part of Novgorod land. Pogosts became administrative units and rural parishes, and formed the basis of the administrative centers network. The similarities between the pogosts of Novgorod Land and the early medieval settlements of Opolje can be explained by the similarity in the mechanisms of formation and distribution of an ancient Russian culture in the 10th-11th centuries.

Keywords: Novgorod Land, Middle Ages, pogosts, parishes, system of settlements.

И. В. Исланова, С. М. Смирнова, Е. А. Дементьев

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕЛЕ НЕРЛЬ

Резюме. При исследованиях 2018 г. в современном селе было локализовано историческое поселение Нерль. Троицкий монастырь, существовавший здесь в XVII в., занимал мысовую участок, образованный левым берегом Нерли и левым берегом старицы р. Вьюлки. Слобода при монастыре находилась на противоположном берегу старицы при устье р. Вьюлки. Помимо материалов эпохи Средневековья, были обнаружены следы поселения раннедьяковской культуры.

Ключевые слова: историческое поселение, Средневековье, раннедьяковская культура.

В Калязинском районе Тверской области в 2018 г. в современном населенном пункте проводились работы по установлению границ и характера культурного слоя исторического поселения Нерль. Село расположено на левом берегу р. Нерль (Волжская) при впадении в нее р. Вьюлки. Высота площадки над водой 5–6 м. Река Нерль связывает крупнейшую реку Волгу с центральными районами Северо-Востока Восточной Европы. Несомненно, что с древнейших времен по реке и вдоль нее шел шел путь к оз. Плещеево.

Многочисленные письменные свидетельства имеются о передвижениях населения в древнерусский период: это походы новгородцев¹, в том числе и поход в декабре 1134 – январе 1135 г, когда была битва с суздальцами на Ждане горе, которая находилась на р. Кубре, притоке р. Нерли Волжской. Рассматривая эти события,

¹ В. А. Кучкин полагает, что в первой половине 30-х гг. XII в. граничившие с Новгородом земли Ростово-Суздальской области ещё не были укреплены. Этот вывод он делает в том числе и на основе того, что описания двух походов новгородского князя Всеволода Мстиславовича на Суздаль в конце 1134 г. никаких ростовских крепостей по Волге и её притокам не упоминают («воротилася на Дубне» в Новгородской I летописи старшего извода.). В то же время исследователь, анализируя события похода 1149 г. киевского князя Изяслава Мстиславича на Юрия Владимировича, в котором приняли участие новгородцы и смоляне, сопоставляет сведения Лаврентьевской, Новгородской I и Ипатьевской летописей. В этой связи Владимир Андреевич пишет: «Из Ипатьевской летописи становится очевидным, что левобережье Волги в районе устья р. Нерли принадлежало Ростову. Здесь были «города... и села», которые пожгли Изяслав и Ростислав. По-видимому, города являлись пограничными крепостцами, поставленными Юрием, а села – центрами княжеского или боярского землевладения в этом районе» (Кучкин, 1984. С. 79–81).

В. А. Кучкин отмечает, что «пути по Волге и далее по её правым притокам вверх были самыми естественными и удобными маршрутами вглубь Ростовской земли... И на этот раз новгородцы шли, очевидно, по Волге, но затем поднимались вдоль Нерли» (Кучкин, 1984. С. 79, 80).

Анализируя границы Тверского княжества в XIV столетии², Владимир Андреевич пишет: «можно совершенно определённо утверждать, что она не достигала текущей с юга на север р. Вьюлки, левого притока Нерли Волжской. Дело в том, что по реке Вьюлке лежала переяславская волость Юлка (Юлоцкая), получившая своё наименование от этой реки и упоминаемая уже во второй духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского» (Кучкин, 1984. С. 162).

По легендарным сведениям, в 1609 г. поляки сожгли деревянный Троицкий монастырь вместе со слободой на берегу р. Нерль. Троицкий монастырь и слобода при нём, ставшие потом селом Троица-Нерль, упоминаются в Списке с Дмитровской Писцовой книги 7135–7137 гг. (1628–1629 гг.), письма и меры Андрея Загряжского³. В описи отмечены две церкви: Троицкая с приделом преподобного Сергия и тёплая во имя преподобного Никона, три кельи – игуменская, братская и пустая, ограда замётом со святыми воротами в ней, монастырская слободка с монастырским скотным двором и 16 бобыльскими дворами и «торжок» в слободке с семью плетёными шалашами и пятью полками, две кузницы, указывается, что торгуют по четвергам (Крылов, 1908. С. XIV–XV, 66–68). Там же упомянут и перевоз на р. Нерли под монастырём, пошлины с которого шли в его доход.

В Дмитровской Переписной книге 1646 г. указано: «Монастырь Живоначальные Троицы, что на реке на Нерли, а к монастырю слободка, а в слободке двор монастырской скотной... Да в той же слободке всего восемнадцать дворов крестьянских... людей в них 49 человек, двор бобыльской людей в нем два человека» (Крылов, 1908. С. 68).

По сообщению Дмитровской Переписной книги 1676 г. мы видим рост слободы Троице-Нерльского монастыря во второй половине XVII столетия: конюшенный двор, 30 крестьянских дворов, в них уже 107 человек, не считая монастырский, «попов» и «дьячков» дворы (Крылов, 1908. С. 69).

В клировой ведомости 1796 г. в Троице-Нерльской слободе⁴ отмечена церковь Троицкая с приделом Знамения Пресвятой Богородицы, каменная, постройки 1770 г. (Крылов, 1908. С. 71).

²В. С. Борзаковский в «Истории Тверского княжества», как и ряд дореволюционных историков Тверского края (В. Ф. Владиславлев, И. С. Белюстин), предполагал, что мужской монастырь на месте Троице-Нерльской слободы существовал уже при великом князе Михаиле Ярославиче (Борзаковский, 1876. С. 13).

³«Монастырь Живоначальные Троицы, что на реке на Нерле, а на монастыре церковь живоначальные Троицы, да предел великий Чюдотворец Сергей, да теплая церковь Чюдотворец Никан. А в церквах деисусы, и двери царские, и образы месные, и ризы, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье монастырское, да на монастыре ж келья игуменская, келья брацкая, да келья пустая, а около монастыря ограда замётом, а в заметах ворота святыя, да у монастыря же слободка, а в слободке двор монастырской коровой, да бобылей...» (Крылов, 1908. С. 66).

⁴Принято считать, что в первой половине XVIII в. монастыря уже не было, а на его месте стояла деревянная Троицкая церковь. В 1740 г. была построена церковь Михаила Архангела, которую разобрали уже в 1747 г.

В 1779 г. в Троице-Нерльской слободе, которая в конце XVIII – XIX в. находилась в ведомстве Тверской казённой палаты⁵, произошёл пожар, повредивший также и церковь, которую восстановили к весне 1782 г. Ежегодно в Троицын день устраивалась ярмарка, на которой продавали зерно, лён, изделия из дерева и железа. Кроме торговли, получили своё развитие кожевенное производство, шерстобойный и валяльный промыслы. В 1823–1838 гг. вместо прежней церкви была построена новая каменная Троицкая церковь⁶ – монументальный пятиглавый храм в стиле ампир с приделами Знамения и Николая Чудотворца и отдельно стоящей колокольной, которая имела два яруса звона, с 8 колоколами. В 1840–1845 гг. территорию погоста обнесли новой кирпичной оградой со сторожкой и тремя воротами, а на церковном участке с южной стороны поставили два каменных корпуса лавок⁷. Во второй половине XIX в. трапезная была объединена с колокольной (Свод..., 2015). По данным «Списка населённых мест по сведениям 1859 года», в казенном селе Троица-Нерль имелось 75 дворов и 540 жителей.

В обзоре Тверской губернии за 1888 г. приводятся следующие данные о селе: «в селе 595 жителей, волостное правление, земская школа, больница. Церковь Святой Троицы⁸ постройки конца XVIII века (архитектор Матвей Федорович Казаков). Крупный торговый центр (еженедельные базары, на Троицын день – ярмарка), здесь торговая площадь с торговыми рядами, лавками купцов, 3 трактира, 4 чайные и 2 постоялых двора».

В 1935 г., при образовании Калининской области, Нерльский район⁹ включили в её состав. Троице-Нерльская слобода была переименована в село Нерль. Церковь была закрыта, а здание стало использоваться как складское помещение. Кладбище вблизи собора также было закрыто¹⁰. Надгробные плиты, по свидетельству местных старожилов, использовали позже при строительстве моста через приток Нерли р. Вьюлку. В 1936 г. из колокольни сделали вышку для прыжков с парашютом, после чего в 1940 г. она была взорвана. Оставшийся объём церкви был перестроен

⁵ В 1775 г. экономическая Троицкая Нерльская слобода вошла в состав Калязинского уезда Тверского наместничества.

⁶ Объект культурного наследия № 6914101867700005, согласно Единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, оценивается как незаурядный памятник провинциальной архитектуры в стиле ампир.

⁷ Все эти сооружения не сохранились, за исключением сторожки. Также на площади стояли 34 деревянные лавки, покрытые тёсом, а перевоз через р. Нерль к середине XIX столетия заменили деревянным мостом.

⁸ Само здание церкви имело 2 отдела: зимняя часть вмещала до 500 человек и летняя – до 1000 человек. К концу XIX в. в приход входили деревни с населением более 4,5 тысяч прихожан. Местные богатые купцы делали церкви большие пожертвования. Около церкви, к северу и востоку от неё, располагалось большое кладбище, где хоронили служителей церкви и именитых и состоятельных жителей села и округи. На могилах устанавливались мраморные памятники и надгробные плиты. Кладбище, по свидетельству местных жителей, действовало до 30-х гг. XX в.

⁹ Создан в 1929 г. в составе Московской области. В 1956 г. Нерльский район был ликвидирован и присоединён к Калязинскому району.

¹⁰ В 1934 г. на месте прежнего погоста Троицкой церкви и торговых рядов был разбит сквер, расширенный в 1950 и 1965 гг. за счёт новых насаждений – лип и берёз. В том же 1965 г. он был переименован в Парк Победы, в центре которого в настоящее время расположена могила, где захоронены 4 лётчика, погибшие в годы войны.

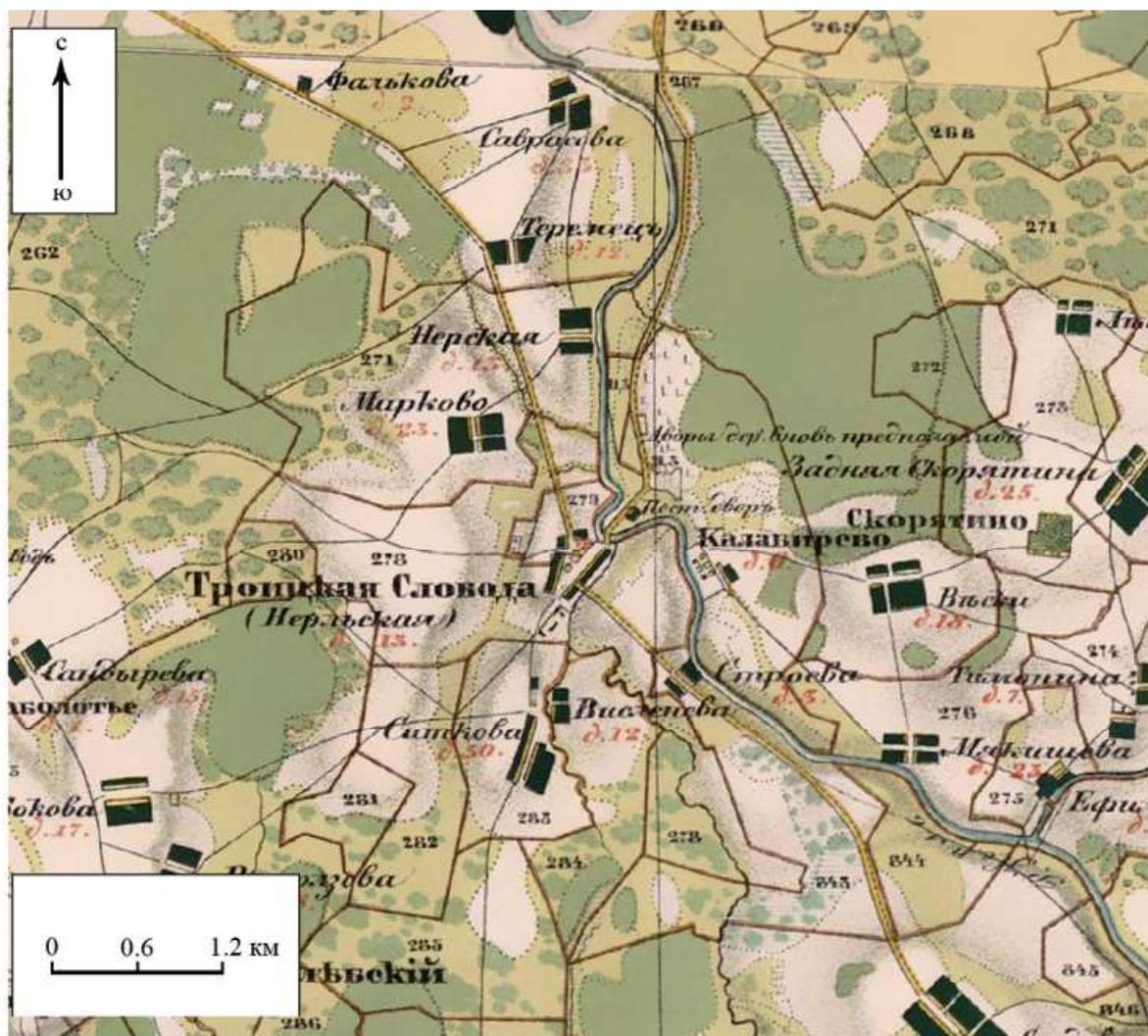

Рис. 1. Фрагмент Топографического межевого атласа Тверской губернии

в дом культуры к 1947 г. (Каледин, 2006). Дом культуры в здании Троицкой церкви располагается по настоящее время, выступая архитектурной доминантой села, сохранившего историческую планировку и частично жилую застройку, преимущественно конца XIX – первой трети XX в.

Историческое поселение Нерль XIX в. четко локализуется в «Топографическом межевом атласе Тверской губернии, составленном в 1848 и 1849 гг. (рис. 1). На карте в Троицкой слободе (Нерльской) обозначены две улицы, Троицкая церковь, прилегающие к ней постройки, а также, видимо, торговая площадь. К северо-востоку от ул. Набережной отмечено незаселенное и не занятое ничем пространство. Наблюдения за характером современного рельефа позволили проследить остатки (ныне засыпанного) старичного русла р. Вьюлки. В настоящее время оно почти полностью перекрыто насыпью шоссейной дороги, ведущей на современный мост через р. Нерль.

Непосредственно в селе ранее проводилось обследование только одного земельного участка. В 2003 г. А. В. Мирецким в центральной части с. Нерль был зафиксирован переотложенный культурный слой XIX–XX вв. (Мирецкий, 2003). Имеются

также сведения о том, что 1890 г. в Тверской музей из села Троица-Нерль «были доставлены каменная стрела, служившая для лечения, и каменное долото» (Плетнев, 1903. С. 294). Однако где конкретно были найдены эти предметы, неизвестно.

Имеются сведения о девяти археологических объектах в ближайших окрестностях (АКР, 2003. С. 207, 208). В 6,5 км ниже по течению р. Нерли на том же берегу около с. Поречье находилось раннедьяковское городище, ныне разрушенное карьером. В своде В. А. Плетнева есть сообщение о кургане, который был в западной части того же села (Плетнев, 1903. С. 294). Выше по течению Нерли в 4–6 км у деревень Устье, Ефимово и Губино было выявлено семь археологических объектов. Это древнерусское селище, поселение эпохи бронзы, а также неолитические и мезолитические стоянки (Мирецкий, 1986. С. 71; 1994).

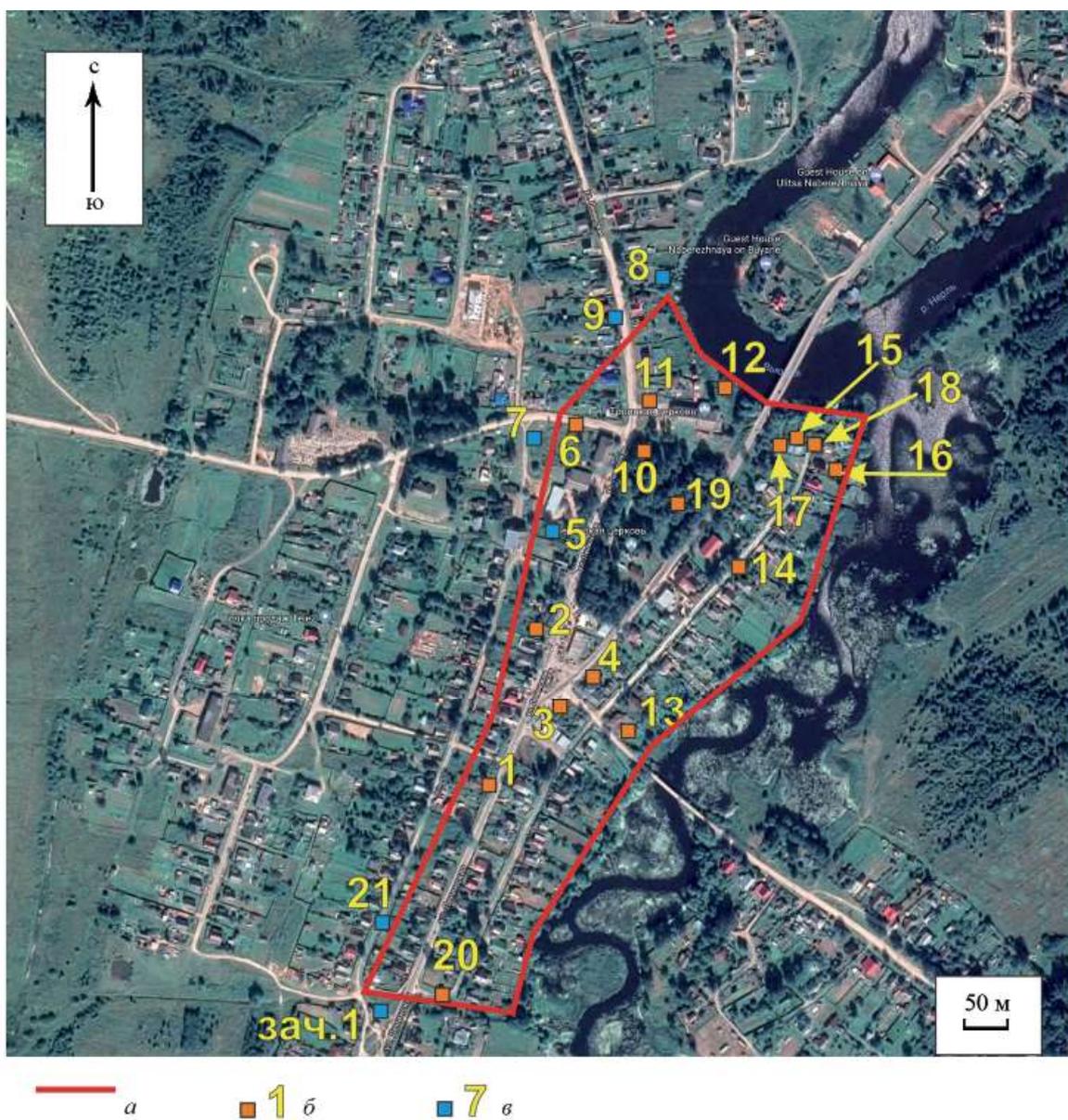

Рис. 2. Поселение Нерль. Условные обозначения: *a* – граница поселения; *б* – шурфы на территории поселения; *в* – шурфы за пределами поселения

Рис. 3. Месторасположение шурфа 12, вид с северо-востока

Для локализации границ поселения Нерль на территории населенного пункта был заложен 21 шурф и сделана 1 зачистка. В итоге были установлены размеры поселения (по начало XX в. включительно): протяженность – 855 м, ширина – 170–330 м (рис. 2). На окраинных участках культурный слой имел мощность 0,4–0,7 м, в прибрежных – 1,1–1,5 м. Поселение многослойное: ранний железный век, эпоха Средневековья, Новое время.

Троицкий монастырь XVII в. занимал мысовой участок, образованный левым берегом Нерли и левым берегом старицы р. Вьюлки. Культурный слой был зафиксирован в прибрежной части (шурф № 12) и в парке (шурфы № 10, 19). К западу от бывш. Троицкой церкви слой Средневековья и Нового времени отсутствовал (шурф № 11). Видимо, после разрушения колокольни поверхность здесь нивелировалась.

В шурфе № 12 был обнаружен не только слой и керамические материалы, связанные с монастырем, но и следы существовавшего здесь поселения раннего железного века (рис. 3). Культурный слой здесь достигал 1,5 м. Верхний рыхлый переотложенный слой связан с современным благоустройством поверхности, частичным разрушением Троицкого храма и с кладбищем. Средний слой состоял из кирпичной крошки и извести (толщиной до 0,2 м), он был связан со строительством собора в конце XVIII в. В нижнем слое, поврежденном кладбищем, обнаружена керамика XVI–XVII вв., а также лепная посуда: фрагмент стенки сетчатого сосуда и три фрагмента гладкостенных сосудов (рис. 4: 1–4). На основании сетчатого фрагмента первоначальное поселение можно отнести к раннедыяковской культуре. Ориентировочная дата широкая – вторая половина I тыс. до н. э.

Рис. 4. Находки керамики из шурфов: 1-4 – шурф 12; 5 – шурф 14; 6 – шурф 15; 7, 9 – шурф 18; 8 – шурф 16

Слобода при монастыре находилась на противоположном берегу старицы, на площадке, отграниченной старицей и левым берегом р. Вьюлки.

Из шурфов, заложенных в прибрежных частях (№ 14–18), помимо артефактов XIX в., происходят фрагменты сосудов XVIII в. (рис. 4: 5–6), XVI–XVII в (рис. 4: 8) и небольшие обломки стенок горшков, в том числе с линейным орнаментом, которые можно датировать широко – серединой II тыс.н. э. (рис. 4: 7, 9).

В шурфах № 15 и 17, заложенных на приустьевом участке, нижние 0,5–0,6 м культурного слоя состояли преимущественно из мелкой рубленой щепы и кусков бересты с присутствием тёмно-коричневой супеси. По всей видимости, это следы гати около старичного участка на пути к мосту.

На окраинных участках очерченного исторического поселения зафиксированы переотложенные напластования (шурфы № 1–4, 13, 20). Здесь обнаружены находки керамики, фаянсовой и стеклянной посуды XIX – начала XX в.

Литература

АКР. Тверская область. Ч. 1/ Авт.-сост. Г. Г. Король; отв. ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2003.

Борзаковский В. С., 1876. История Тверского княжества. СПб.

Каледин А. П., 2006. Калязинский край: Троица-Нерль. М.

Крылов Л., 1908. Материалы для истории церквей и монастырей г. Калязина и сел Калязинского уезда. Калязин.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X–XIV вв. М.

Мирецкий А. В., 1986. Исследования в Калязинском районе Калининской области // Археологические открытия 1984 г. М. С. 71.

Мирецкий А. В., 1994. Отчёт о раскопках и разведках в 1994 г. // Архив ИА РАН. № 9431.

Мирецкий А. В., 2003. Отчёт об охранных археологических разведочных работах на территории Тверской области в 2003 году // Архив Главного управления по охране объектов историко-культурного наследия Тверской области.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Плетнев В. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь. [2], XLIV, 34, 519 с., 1 л. карт.

Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Ч. 4 / Гос. ин-т искусствоведения Министерства культуры РФ; отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2015.

Топографический межевой атлас Тверской губернии. М.: Рус. геогр. о-во, 1853.

Сведения об авторах

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, e-mail: ivisl@mail.ru;

Смирнова Светлана Михайловна, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, e-mail: lisjaka@list.ru;

Дементьев Евгений Александрович, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, e-mail: hurtlocker511@mail.ru

I. V. Islanova, S. M. Smirnova, E. A. Dementyev

RESEARCHES IN NERL VILLAGE

Summary. The historic settlement Nerl was discovered during the researches in the modern village Nerl in 2018. The Troitskiy monastery, which existed here in the XVII-th century, occupied the cape section, formed by the left bank of the Nerl river and the left bank of the former river-bed Vyulka. The monastery sloboda was situated on the opposite bank of the former river-bed near the the mouth of the Vyulka river. The traces of the early Dyakovo culture's settlement were discovered besides the materials of the medieval epoch.

Keywords: historical settlement, Middle Ages, Early Dyakovo culture.

В. Ю. Соболев

Н. А. УШАКОВ И ЕГО РАСКОПКИ 1844 г.

Резюме. Археологические исследования древнерусских памятников первой половины – середины XIX в. носили эпизодический, зачастую полукладоискательский, характер, большинство работ характеризуется низким уровнем фиксации исследованных объектов. Раскопки Н. А. Ушакова в 1843–1844 гг. на Мологе и Сорогоже выгодно отличаются от современных ему работ четко сформулированными целями, подробными описаниями исследованных объектов, часть находок сохранилась в музейных собраниях.

В статье представлены краткие биографические сведения об Н. А. Ушакове, дается анализ исследованных им в 1844 г. памятников и их датировка.

Ключевые слова: древнерусская культура, Средневековье, раскопки, погребальные памятники, Н. А. Ушаков.

История изучения археологических памятников и накопления материалов древнерусского времени хотя и насчитывает уже более 150 лет, на раннем этапе своего существования преимущественно связана с личными исследовательскими «программами» и деятельностью добровольных научных обществ второй половины XIX в. Императорская Археологическая комиссия включается в древнерусские исследования лишь в конце XIX столетия. Работы же первой половины XIX в. носили эпизодический, зачастую полукладоискательский, характер, при этом даже описательная фиксация исследуемых объектов либо не велась, либо практически не дает информации об изучаемых комплексах (напр.: Северная Пчела..., 1842)¹. Раскопки, проводившиеся Н. А. Ушаковым в 1843–1844 гг. на Мологе и Сорогоже, отличаются от современных ему работ четко сформулированными целями (*Жукова, Степанова, 2010. С. 8, 9*) и довольно подробными описаниями исследованных объектов², часть нахо-

¹ Справедливости ради, нужно отметить, что отчеты и многих «профессиональных» исследователей этого времени суммарны. Возможно, это связано с тенденциями «исторической археологии», представлениями об археологии как о средстве иллюстрации или визуализации сведений исторических источников и с недостаточным пониманием уникальности и вытекающей из нее необходимости аккуратной и подробной фиксации любого, даже «типического» объекта.

² Стоит отметить, что, описывая свои работы, Н. А. Ушаков особенно отмечает необходимость тщательных измерений и описаний исследуемых погребений и находимых вещей, в том числе и совершенно истлевших (*Ушаков, 1843. С. 10*).

док сохранилась в фондах ГИМа (хр. 15/17а, 15/36б) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (колл. 1533)³, последним посвящена моя статья.

Прежде чем обратиться к археологическим артефактам, следует сказать несколько слов о человеке, «раскопкой» которого они были «добыты». Николай Алексеевич Ушаков (10.01.1803⁴ – 26.11.1865) принадлежал, по всей видимости, к Устюженской ветви дворянского рода Ушаковых (*Чернявский*, 1869. Л. XI об.; 195–196 об.: *Чернявский*, б/г. Л. 234–236; *Колесников*, 1993). Старший сын Алексея Ивановича Ушакова и Екатерины Степановны (урожд. Лодыгиной), брат Владимира Алексеевича и Варвары Алексеевны, в замужестве Минут. Жизненный путь обоих братьев решен традиционно – офицерская служба. Николай Алексеевич в 1840-х гг. имел чин капитана. Землевладелец Весьегонского и Вышневолоцкого уездов. В конце 1830-х – первой половине 1840-х гг., увлекшись археологией, раскапывал погребальные памятники в Устюженском, Весьегонском и Вышневолоцком уездах. Часть находок 1844 г. отправил в Музей древнеклассической археологии Императорской Академии наук (откуда они были переданы в Кунсткамеру), а монеты – академику Х. Френу (в настоящее время монеты в коллекции Кунсткамеры отсутствуют), возможно, Н. А. Ушаков делал устное сообщение в Академии о своих работах или представил письменную работу, зачитанную на одном из заседаний⁵. Находки других лет раскопок хранились, по всей видимости, в его имении, отдельные вещи, возможно, уже после смерти находчика, попали к гр. А. С. Уварову и были экспонированы им на выставке к Третьему Археологическому съезду в Киеве в 1874 г. (Указатель..., 1874. С. 76).

Не позднее 1843 или 1844 г. Н. А. Ушаков вышел в отставку, в 1844 г. был избран предводителем Весьегонского дворянства, в эти же годы состоял членом различных комиссий, де-факто являясь главой уезда, хотя и носил скромный, соответствующий армейскому званию капитана, статский классный чин титулярного советника. Скончался Н. А. Ушаков 26 ноября 1865 г. и был погребен при Успенской церкви в селе Застижье Весьегонского уезда (*Соболев*, 2016б. С. 100, 101).

Археологические раскопки 1844 года проводились, говоря современным языком, в несколько этапов. В Устюженском уезде Новгородской губернии в течение двух дней (28–30 июля) было исследовано 18 курганов⁶ и «могил»⁷ в трех группах по Боровицкой дороге от д. Пестово к селу Покрову⁸ и 3 насыпи в селце Бустрыгино Весьегонского

³ Коллекция 1533 включает лишь часть вещей, «добытых раскопкой» 1844 г. – находки из погребальных памятников в первой группе по Боровицкой дороге и из могил в с. Бустрыгино, местонахождение остальных находок мне неизвестно.

⁴ По другим сведениям, Н. А. Ушаков родился 10.04.1803.

⁵ Среди учетных документов XIX в. сохранился обрывок темной бумаги с надписью «<Ob>jets trouvés par Me Ouchakoff dans le district de Vessiégonk du gouvernement de Tver. Extrait du procès verbal du 15 Novemb. 18...» (Вещи, найденные г-ном Ушаковым в районе Весьегонска провинции Тверь. Выписка из протокола 15 ноября 18...) (фр.).

⁶ В подсчет автором раскопок включены только насыпи, исследовавшиеся до уровня древней дневной поверхности, число курганов, которые он «разрыл ... только сверху» (*Ушаков*, 1844б), не указано.

⁷ Н. А. Ушаков четко разделяет объекты на «курганы» – преимущественно высокие насыпи без видимых каменных конструкций в основании и «могилы» – небольшие насыпи с валунным венцом в основании.

⁸ Д. Пестово на картах середины – второй половины XIX в. – Пестово-Русское, с. Покров располагалось на правом берегу р. Мологи, сейчас это территория города Пестово.

уезда, в первой половине сентября за 4 дня – 18 погребальных сооружений близ села Абакумова Вышневолоцкого уезда, а в начале октября – еще 4 кургана и 1 «могила» между Бустрыгиным и Масловым и 3 кургана и 3 «могилы» в с. Бустрыгине⁹.

Первая группа находилась «при начале 5 версты от д. Пестово к селу Покрову по левому берегу Мологи» (Ушаков, 1844а), состояла из 5 «довольно больших» курганов, самый высокий из которых описан как имеющий «около 8–9 аршин отвесной высоты» (Ушаков, 1844а), и около 50 малых – размерами от 2–3 1/2 аршин при окружности от 15 до 20 сажен (Ушаков, 1844а). И большие, и малые курганы окружены ровиками, из которых, как писал Н. А. Ушаков, брался песок для их сооружения.

В группе было раскопано 13 «малых» курганов высотой 2,5–3 аршина с погребениями по обряду ингумации, преимущественно на уровне древней дневной поверхности, с западной ориентировкой; автор раскопок отмечает, что курганы располагались семейными «кружками», прослеженное положение тел на левом боку на настоящий момент не имеет объяснений (Ушаков, 1844б).

Под шестью насыпями открыты женские погребения и найдены детали костюма и убора – преимущественно украшения головы (височные кольца и серьги) и шеи (ожерелья) (табл. 1, 2). Отмечается, что в части курганов височные кольца были вплетены в черные волосы, а в области шеи погребенных находились фрагменты тканей («гарусные шнурки, лоскутки кожи и сукна» (Ушаков, 1844б), признанные раскопщиком за «посторонние тела»). В женском погребении в кургане 3 была найдена щитовидная привеска (петля или ушко утрачены). Наибольшее число аналогичных подвесок найдено в Гнездовском археологическом комплексе (Новикова, 1991), в целом на территории Древнерусского государства они весьма редки, в последние годы несколько экземпляров были найдены незаконными копателями, изображения предметов доступны на тематических интернет-ресурсах, однако отсутствует уверенность в достоверности информации о происхождении артефактов.

В кургане 7 в ногах погребенного обнаружен горшок, на котором отмечен «грубый узор» (Ушаков, 1844а), все остальные горшки из раскопок 1844 г., судя по дневнику раскопок, не были орнаментированы. В коллекции сохранился лишь один орнаментированный горшок – круговой, оранжево-коричневого, переходящего в бурый, цвета, сформованный из глиняного теста с примесью мелкого песка, черепок в изломе однородный, серо-бурый, плотный (1533/91). Поверхность сосуда аккуратно заглажена, орнаментирован под венчиком врезной одинарной ломаной волной, по плечу – прерывистой врезной спиралью. На дне клеймо (крест в круге и отходящие от круга к центру 4 «зуба») и небольшая закраина. Сосуд не имеет следов копоти или нагара.

Вторая группа курганов находилась в конце четвертой версты от д. Пестово к селу Покрову, от первой группы она отделялась небольшим ручьем, впадающим в Мологу. Группа состояла из пяти больших и не менее 25 малых курганов. Было исследовано 3 высоких кургана (3–4 арш. высотой), в которых открыты остатки кремаций, находок в них сделано не было. Стоит отметить, что один из курганов «копали гораздо ниже почвы, пока не показалась вода, но ничего не нашли» (Ушаков, 1844б).

⁹ Краткий анализ части коллекции был сделан Л. А. Голубевой (Голубева, 1966), однако суммарность описания и обнаруженные неточности заставляют вернуться к материалам этих раскопок.

Таблица 1. Описание находок из раскопок капитана Н. А. Ушакова

Устюженский уезд Новгородской губернии	
1	Пара висковых колец плохого серебра
2	Одно висковое кольцо плохого серебра
3	Серьга из проволочного кольца с простой застежкой плохого серебра
4	Серьга того же типа
5	Нитка бус сердоликовых различных граней (13 шт.), горного хрусталя (2 шт.) и из пасты (4 шт.)
Курган 3	
6	Серьга из проволочного кольца с отломанной застежкой плохого серебра
7	Бляшка круглая с углублением посередине окислившегося плохого серебра
8	Низка бус и пронизков: 3 сердоликовых, 4 пронизки синего стекла, 1 из стеклянной массы и несколько крупного бисера
Курган 4	
9	Запястье крученое из медных проволок (карандашом написано: «кольцо несомкнутое из тонкой серебряной проволоки»)
10	Буса синего стекла рубчатая
11	ЖПНН (карандашом написано: «шлак»)
12	4 висковых кольца из тонкой проволоки плохого серебра
13	Серьга из такой же проволоки
Курган 8	
14	Серьга из тонкой проволоки плохого серебра
15	3 обломка висковых колец из тонкой проволоки окислившегося плохого серебра
16	Серьга того же типа, что и № 14
17	Нитка крупного бисера, 2 пронизки из горного хрусталя и 1 из сердолика
Курган 10	
18	Серьга в виде кольца с несомкнутыми утонченными концами
19	Низка бус: 12 сердоликовых, 4 из композиции и немного бисеру
20–21	Пара висковых колец большого диаметра из тонкой серебряной проволоки
22	Браслет медный из сплюсненной проволоки с несомкнутыми утонченными концами
23	Браслет медный из шестигранной проволоки с несомкнутыми концами
24–25	Пара висковых колец большого формата из тонкой серебряной проволоки
Курган 13	
26	Серьга из тонкой серебряной проволоки
27–29	3 висковых кольца из тонкой серебряной проволоки

30	Серьга из тонкой серебряной проволоки
31	Низка бус или каменных пронизков (7 шт)
32	Низка бус граненых из сердолика
33	Низка голубого бисера
Весьегонского уезда, Сорогожского прихода, на реке Сорогоже, в сельце Бустрыгине могилы, обставленные камнями	
Могила 1	
34	2 пронизки голубого стекла
35	Сережка серебряная в виде кольца с простой застежкой и продетыми бубенчиками (изломан)
36	2 половинки серебряных бубенчиков (бус?)
37	Сережки серебряные, как № 3
38	3 сердоликовых граненых пронизка
39	2 проволочных висковых кольца тонкой серебряной проволоки
40	Пара таких же
41	Косточка
42–43	2 ребра мелкого животного
Могила 2	
<i>I погребение</i>	
44–48	5 серебряных медалей, украшенных тисненым орнаментом по окружности края и с крестом, тисненым внутри пунктиром
49–53	5 медных бубенчиков
54	Зуб коренной с кольцом для подвешивания в виде амулета
55	Низка бус или пронизков: 5 желтых круглых из дутого стекла, 5 голубого и синего стекла и бисера
<i>II погребение</i>	
56–73	Бляшки серебряные от наборного ремня с орнаментом
74–75	Бляшки блинные серебряные от наборных ремней с орнаментом
76	Пряжка небольшая с орнаментом от наборного ремня без язычка
77–81	5 колечек удлиненных от наборного ремня
82	Пряжка большая серебряная с орнаментом
Могила 3	
<i>I погребение</i>	
83–84	Пара висковых колец из тонкой серебряной проволоки
85	Серьга из тонкой серебряной проволоки
86	Колечко серебряное с навитым утолщением в одной части

Продолжение таблицы 1

87	Низка бус из 5 сердоликовых граненых ромбоидов и двух желтых стеклянных дутых
88	Серьга из тонкой серебряной проволоки
89	Пара висковых колец из тонкой серебряной проволоки
<i>II погребение</i>	
90	Железный нож
91	Горшок глиняный
92	Горшок глиняный
93	Горшок глиняный сломанный
94	Горшок глиняный
95	3 обломка от горшка глиняного – этикетка с № 4
96	Котел железный

Третья группа, располагавшаяся «при начале четвертой версты от д. Пестово, близ самой дороги с обеих ее сторон» (Ушаков, 1844б), состояла из 15 насыпей высотой от 2 до 3 аршин. Было раскопано «два кургана ниже основания, другие же только сверху» (Ушаков, 1844б), в вершинах насыпей и на глубине около 1 аршина от поверхности найдены остатки погребений по обряду кремации на стороне, по всей видимости, насыпи относятся к VIII–X вв. и, возможно, оставлены населением Культуры длинных курганов.

В 1844 г. было продолжено начатое годом ранее исследование погребальных памятников в сельце Бустрыгино. Находившаяся на окраине сельца группа также состояла из курганов и располагавшихся между ними «могил», с невысокой насыпью, окруженных «большими дикими камнями», до 2 саж. в диаметре (Ушаков, 1844в). В 1843 г. Н. А. Ушаков исследовал здесь высокие насыпи с трупосожжениями, а в 1844 г. раскопал 3 «могилы» с ингумациями на уровне погребенного дерна (Ушаков, 1844в). Примечательна северная ориентировка погребенных. В «могиле» 1 открыта женская ингумация, а в «могилах» 2 и 3 – парные захоронения мужчины и женщины. В основании «могилы» 2, под женской ингумацией, отмечен гумусированный слой с пережженными костями и «угольями». Возможно, погребения древнерусского времени были впущены в более раннюю насыпь, или погребальная насыпь XI – начала XII в. перекрыла остатки более раннего могильника с поверхностными сожжениями. В этой могиле, при мужском скелете, был найден украшенный металлическими накладками пояс «новгородского типа» (Михайлов, Соболев, 2000; Соболев, 2016а).

11 сентября были начаты раскопки на правом берегу при истоке реки Иловицы из Иловицкого озера, вблизи деревни Абакумова (Пречистенский пог. Вышневолоцкого уезда). Группа включала курганы высотой от 3-х до 12 аршин, между которыми располагались обложенные грубо сколотыми камнями могилы, аналогичные описанным «прежде в селе Бустрыгине» (Ушаков, 1845). Всего в группе было исследовано 6 курганов и 11 «могил», еще один курган раскопан на берегу

озера, в 1 версте от группы. В курганах и «могилах» открыты погребения по обряду трупоположения, часть из погребенных, возможно, в гробах, ориентированы головами на север, на уровне древней поверхности или выше него. На одной из насыпей найдена каменная плита, в которой было «четвероугольное продолговатое углубление длиной 4, шириной 3 и глубиной 1 вершок» (Ушаков, 1845), возможно, подпятный камень каменного креста. Аналогичные подпятные камни известны в древнерусских памятниках Северо-Запада (Спицын, 1903. Рис. 43; Соболев, 2015. Рис. 2: 5). Во многих насыпях группы «встречается цемент из глины и песку» (Ушаков, 1845), возможно, аналогичный глиняным или каменным сводам, встречаемым в курганах Ижорского плато (Соболев, 2014. С. 290), хотя не исключено «естественное» формирование «цемента» – грунт для сооружения насыпей брался из окружающих их ровиков.

В курганах преимущественно открыты погребения по обряду ингумации, иногда в два яруса, по всей видимости, они являются поздними впускными захоронениями в насыпи VIII–X вв. В женских захоронениях немногочисленны детали убора, у части погребенных – горшки в ногах.

Одиночный курган у озера «четырёх аршин и 11 сажень окружности» был возведен из озерного песка, смешанного с илом, захоронений и вещей в нем не найдено. Н. А. Ушаков предположил, что «как по его содержанию, так и по местности, что это был сторожевой курган» (Ушаков, 1845); по всей вероятности, описанная насыпь оставлена населением VIII–X вв.

Последние раскопки 1844 г. велись с 10 по 14 октября в группе курганов и могил, располагавшейся между дер. Маслово и с. Бустрыгиным, на правом берегу Сорогожи; здесь было раскопано 7 курганов и 4 «могилы». Курганы разбросаны довольно редко, расстояние между насыпями достигало 30–200 саж.

В первом из них, отстоявшем от берега на 200 сажень, были открыты гранитные валуны, располагавшиеся в теле насыпи на нескольких уровнях, и остатки кремации в ее основании (на погребенном дерне или в нем). Еще в одном «высоком» кургане, отстоявшем от первого на 30 сажень, открыто погребение по обряду кремации, помещенное также на уровне погребенного дерна в перевернутом горшке, среди костей находился железный нож. Исследованные «большие» курганы (высотой 3–4 арш и диаметром 12–22 арш.), по всей вероятности, относятся к древностям VIII–X вв., к этому же времени относится и один небольшой курган.

В курганах меньшего размера и в «могилах» открыты трупоположения древнерусского времени, ориентированные головами на запад. В двух женских захоронениях найдены височные кольца, вероятно, трехбусинные, бусина, железные ножи, в курганах с ингумациями и «могилах» при погребенных находились горшки, частью раздавленные землей. Наиболее интересные находки были сделаны в кургане, исследованном 13 октября: справа от уложенного на уровне погребенного дерна мужского скелета, ориентированного головой на запад, с вытянутыми руками, обнаружены нож и топор, а на поясе серебряная пряжка. Также в районе пояса найдена «какая-то железная вещь, но так перержавлена, что трудно угадать ее употребление. Она состоит из маленькой коробочки с ручкой, в виде пробоя; коробочка имеет узкое отверстие сбоку» (Ушаков, 1845). По процитированному описанию можно предположить, что в погребении находился коробчатый навесной замок.

Таблица 2. Датировка погребений из раскопок капитана Н. А. Ушакова, 1844 г.

№ по описи	Тип или датирующий признак	Датировка	Ссылки	Итоговая дата
Курган 3				
3 4	Височное кольцо с завитком наружу	1006–1299, наиболее популярны 1006–1134	Лесман, 2011. С. 404	1116–1134 возм., 1116–1238
6	Перстнеобразное височное кольцо	1055–1299	Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 69.	
8	Бусинный бисер	1116–1340	Лесман, 1984. С. 139	
8	Синие многочастные пронизки	до 1076	Лесман, 1984. С. 140	
8	Черная бусина с глазками в петельке	до 1134, возм., до 1238	Лесман, 2006. С. 247–249	
	6 Саманидских монет. Определено 4 (Наср II, Нух I и II), отчеканены в Маадине, аш-Шаше и Самарканде; 2 сильно стерты	320 /932 333/944 341/952 368 или 378/978 или 988		
Курган 4				
10	Бусина синяя ребристая цилиндрическая	1055–1238	Лесман, 1984. С. 140	1055–1238
	6 Саманидских монет. Определено 5 (Наср II, Мансур I, Нуха II), отчеканены в Раште, аш-Шаше и Самарканде	314/926 366/976 373/983 379/990		
Курган 8				
14 16	Перстнеобразное височное кольцо	1055–1299	Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 69.	1116–1161
17	Бусинный бисер	1116–1340	Лесман, 1984. С. 139	
17	Рубленый бисер	до 1161	Лесман, 1984. С. 139	

Курган 10				
18	Перстнеобразное височное кольцо	1055–1299	Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 69.	1096–1299
19	Сердоликовые бипирамидальные бусы	1096–1299	Лесман, 1984. С. 140	
19	Бусинный бисер	1116–1340	Лесман, 1984. С. 139	
22 23	Браслеты проволочные разомкнутые	до 1340	Лесман, 1990. С. 40	
Курган 13				
26 30	Перстнеобразное височное кольцо	1055–1299	Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 69.	1116–1161
32	Сердоликовые бипирамидальные бусы	1096–1299	Лесман, 1984. С. 140	
33	Бусинный бисер	1116–1340	Лесман, 1984. С. 139	
33	Рубленый бисер	до 1161	Лесман, 1984. С. 139	
Могила 1				
35 37	Височное кольцо трехбусинное	989–1382	Лесман, 1984. С. 134; 1990. С. 70	1116–1281
35 37	Височные кольца, у которых оба конца загнуты или закручены в спираль	1116–1382	Лесман, рукопись	
40	Височные кольца, концы которых существенно заходят друг за друга	1281	Лесман, рукопись	
Могила 2, погр. 1				
45–48	Привески круглые монетовидные сплошные (не иконки)	до 1340	Лесман, 1990. С. 62–63	1116–1134
45–48	Орнамент «волчий зуб»	1025–1281	Лесман, 1989. С. 83	
49–53	Бубенчик грушевидный крестопрорезной	до 1116 до 1134	Лесман, 1984. С. 136; Лесман, 1990. С. 60	
55	Бусинный бисер	1116–1340	Лесман, 1984. С. 139	
55	Бусы лимоновидные желтые	до 1134	Лесман, 1984. С. 140	

Продолжение таблицы 2

Могила 2, погр. 2				
82	Застежка подковообразная спиралеконечная с дугой треугольного сечения	до 1224 до 1197	Лесман, 1984. С. 136; Лесман, 1990. С. 75	до 1197
Могила 3, погр. 1				
87	Бусы лимоновидные желтые	до 1134	Лесман, 1984. С. 140	1096–1134
87	Сердоликовые бипирамидальные бусы	1096–1299	Лесман, 1984. С. 140	
86	Перстень рубчатый	1096–1268	Лесман, 1990. С. 50	
88	Височное кольцо с завитком наружу	1006–1299, наиболее популярны 1006–1134	Лесман, 2011. С. 404	
Могила 3, погр. 2				
89	Нож железный IV типа	до 1197	Лесман, 1984. С. 138	до 1197

Также в этом погребении были найдены куски дерева, полотна, неидентифицируемой медной трубочки и медной обкладки (Ушаков, 1845).

По описаниям Н. А. Ушакова, при раскопках курганов и «могил» в группах у Боровицкой дороги и в сельце Бустрыгино найденные «горшки сделаны очень грубо из необожженной глины с большой примесью крупного песка, очень хрупки и почти всегда находятся раздавленными в черепках» (Ушаков, 1844а); всего, судя по отчету, было обнаружено 10 глиняных сосудов в 9 погребениях. Два горшка описаны как изготовленные из «черной дресвяной глины», еще на одном (курган 7) отмечен «грубый узор». В коллекции МАЭ сохранилось 3 целых лепных (1533/92–94) и 1 круговой сосуд (1533/91) и несколько фрагментов лепного сосуда (1533/95), при последнем рукописная этикетка с № 4, возможно, этот горшок происходит из кургана 4. Предположения о комплексе, в котором был найден единственный гончарный горшок, сделаны выше. Определить погребения, из которых происходят оставшиеся три целых лепных сосуда, пожалуй, не представляется возможным.

Самая загадочная находка коллекции – железный трехногий котел с ручкой (1533/96), отсутствующий в дневниках раскопок, возможно, он оказался «приписан» к коллекции 1533 случайно.

На основании Новгородской хронологии большая часть погребений датируется, к сожалению, довольно широко (середина XI – середина XIII в.), узкие даты получены лишь для пяти комплексов (курган 3 и «могила» 2 погр. 1 – 1116–1134 гг., могила 3 погр. 1 – 1096–1134 гг., курганы 8 и 13 – 1116–1161 гг.) (табл. 2), обоснованием дат служит распространение различных типов стеклянных бисера и бус

в Новгородских слоях. К сожалению, «бусинная» хронология, разрабатывавшаяся Ю. М. Лесманом в рамках общей хронологии новгородских древностей, не была завершена к моменту смерти исследователя, временные рамки бытования части ранее уже датированных типов (*Лесман*, 1984. С. 138–140) (например, рубленного бисера, желтых лимоновидных бус) пересматривались и уточнялись, что, очевидно, и явилось причиной хронологического сбоя (противоречия) при датировке захоронения в кургане 3 (табл. 2). В целом следует заметить, что большое число серебряных украшений и присутствие в бусинных наборах изделий малосерийных типов (например, мозаичных оранжевых, длинных призматических печеночно-красных, синих и зеленых) позволяют предполагать тяготение датировок комплексов к нижним датам приведенных хронологических интервалов.

Литература

- Голубева Л. А.*, 1966. Пестовские курганы // *Культура Древней Руси* / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука. С. 53–60.
- Жукова Е. Н., Степанова Ю. В.*, 2010. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга.
- Колесников П. А.*, 1993. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX веков // *Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. 2* / Гл. ред. М. А. Безнин. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т.
- Лесман Ю. М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли: межвуз. сб.* / Ред. Г. С. Лебедев. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 118–153.
- Лесман Ю. М.*, 1989. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2* / Ред. В. Л. Янин. Новгород. С. 82–87.
- Лесман Ю. М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // *Материалы по археологии Новгорода. 1988* / Ред.: В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. М. С. 29–98.
- Лесман Ю. М.*, 2006. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках) // *Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова)* / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. С. 244–252.
- Лесман Ю. М.*, 2011. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // *Российский археологический ежегодник. 1.* С. 396–420.
- Михайлов К. А., Соболев В. Ю.*, 2000. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // *Археологические вести. № 7.* С. 222–228.
- Новикова Г. Л.*, 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова. Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Ред. Д. А. Адусин. М.: Изд-во МГУ. С. 175–199.
- Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1842. № 86.
- Спицын А. А.*, 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб. (Материалы по археологии России; № 29).
- Соболев В. Ю.*, 2014. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // *Stratum plus. № 5.* С. 287–295.

- Соболев В. Ю.*, 2015. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования. *Археологические вести*. № 21. С. 352–367.
- Соболев В. Ю.*, 2016а. Наборные пояса в Новгородской земле XI–XII вв. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: материалы Междунар. воен.-ист. конф. / Ред.: А. В. Аранович, Д. Ю. Алексеев. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. С. 12–24.
- Соболев В. Ю.*, 2016б. Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции 25–26 ноября 2016 г. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. С. 99–114.
- Указатель выставки при Третьем Археологическом съезде в Киеве, 1874 г., 2–22 августа. Киев, 1874.
- Ушаков Н. А.*, 1843. Древние медали и другие вещи, найденные в курганах Тверской губернии // Отечественные записки. Т. XXX. 1843.
- Ушаков Н. А.*, 1844а. Дневник разрытия курганов в Устюженском уезде // Санкт-Петербургские ведомости. № 262 (15 ноября).
- Ушаков Н. А.*, 1844б. Дневник разрытия курганов в Устюженском уезде [окончание] // Санкт-Петербургские ведомости. № 263 (16 ноября).
- Ушаков Н. А.*, 1844в. Дневник разрытия курганов // Санкт-Петербургские ведомости. № 286 (15 декабря).
- Ушаков Н. А.*, 1845. 1. Дневник разрывания курганов Вышневолоцкого уезда близ села Абакумова. 2. Дневник разрытия курганов Весьегонского уезда Тверской губернии по реке Сырогожи // Санкт-Петербургские ведомости. № 64 (21 марта).
- Чернявский М. П.*, 1869. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской Губернии с 1787 по 1869 г.: С алфавитным указателем и приложением. Тверь.
- Чернявский М. П.* Приложения к генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской Губернии с 1787 по 1869 г.

Сведения об авторе

Соболев Владислав Юрьевич, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ, e-mail: vlad.sobolev@gmail.com

V. Yu. Sobolev

N. A. USHAKOV AND HIS EXCAVATIONS OF 1844

Summary. Archaeological researches of Old Russian monuments of the first half middle of the 19th century carried episodic, often treasure hunters character, the majority of works is characterized by the low level of fixing of the studied objects. Excavations of N.A. Ushakov in 1843-1844 on Mologa and Sorogozha favourably differ to contemporary works as accurately formulated purposes, detailed descriptions of the studied objects, a part of finds preserved in the museum collections.

The article provides brief biographical information about N. A. Ushakov, the short analysis of the monuments investigated by him in 1844 and their dating is given.

Keywords: Old Russian culture, Middle Ages, excavation, funeral monuments, N.A. Ushakov.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

С. В. Очеретина

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА: ИССЛЕДОВАНИЕ РВА «НОВОГО ГОРОДА» В 2017 ГОДУ

Резюме. Статья посвящена исследованиям рва как одного из элементов оборонительных сооружений древнерусского города. В 2017 г. в ходе охранных археологических раскопок был обнаружен ров оборонительных сооружений Нового города – западной части древнего Владимира. В процессе исследований сделан почти полный поперечный разрез рва, позволивший установить, что ров в районе Золотых ворот не является естественным оврагом, он был откопан вручную. Были определены его форма и размеры. Поперечное сечение рва имеет форму треугольника. Угол уклона склонов от 23–35°. Глубина рва в древности составляла 4,3 м, примерная ширина – около 15–16 м. Склоны рва были дополнительно укреплены керамическими неполивными плитками. Находки древнерусского времени представлены бытовыми вещами, не обнаружено следов осады и штурма города врагами в XIII в. на исследованном участке оборонительных сооружений.

Ключевые слова: г. Владимир, древнерусское время, XII–XIII вв., оборонительные сооружения, ров.

Владимир-на-Клязьме как крупный город Северо-Восточной Руси в древности имел сложившуюся систему оборонительных сооружений. Вопросы их топографии, времени возведения, конструкции, сохранности привлекают внимание исследователей (*Воронин, 1961; Глазов, 1978; Заграевский, 2015; Милованов, 2016*).

Не касаясь темы топографии и последовательности возведения фортификационных сооружений древнего Владимира, рассмотрим вопрос об одном из элементов этих сооружений.

«Сочетание вала со рвом является основным внешним признаком остатков укрепленных поселений, поэтому земляные рвы принято считать неотъемлемой частью единого и взаимосвязанного комплекса искусственных защитных сооружений древнего города или крепости» – считает Ю. Ю. Моргунов, посвятивший

свою монографию древо-земляным укреплениям Южной Руси X–XIII вв. (*Моргунов, 2009*).

Если в последнее время валы древнего Владимира изучались неоднократно различными исследователями, и сложились определенные представления об их конструкции и времени возведения, то вопрос о том, что представляют собой рвы древнерусских оборонительных сооружений города до сих пор остается практически неосвещенным.

В научной литературе неоднократно упоминаются оборонительные сооружения Владимира-на-Клязьме, в том числе – рвы. Н. Н. Воронин в монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков» об участке укреплений западной части Владимира пишет: «В центре стояли Золотые ворота. Здесь перед валом был глубокий ров, соединявший овраг, врезавшийся в плато городского холма с севера с начинающимся к югу от Золотых ворот встречным оврагом, идущим к Клязьме (*Воронин, 1961. Т. I. С. 130*).

Об использовании оврагов при рытье рвов упоминает В. П. Глазов: «Рытье рвов было сведено до минимума. 2 оврага соединялись рвом-перемычкой длиной до 200 м, глубиной 10–15 м» (*Глазов, 1978. С. 30*).

Поскольку на территории древнего Владимира располагалась разветвленная сеть оврагов, растущих как от берега Клязьмы, так и от Лыбеди, искусственно прорытых рвов, вероятно, было не так уж много.

В монографии Н. Н. Воронина приводятся размеры искусственно откопанного участка рва, расположенного перед валом Нового города: «К северу от Золотых ворот, в сквере по Первомайской улице ров достигал ширины 22 м при глубине 8,2 м, причем с глубины 5,8 м шел ил, свидетельствующий об обводненности или заболоченности рва. О масштабах этих укреплений позволяют судить данные геолога А. А. Добролюбова, проводившего бурение на месте старого рва XII века» (*Воронин, 1961. Т. I. С. 130*). Таким образом, выводы о ширине и глубине рва были сделаны на основании геологического бурения.

Сегодня существует и иная точка зрения на размеры оборонительных сооружений древнего Владимира. Доктор архитектуры профессор С. В. Заграевский считает, что домонгольские валы Владимира (а значит, и рвы) были не столь внушительны. «Сохранившиеся до нашего времени городские валы в результате многочисленных подсыпок грунта в XV–XVII веках получили гораздо большую высоту, чем в домонгольское время» (*Заграевский, 2015. С. 8*).

О рвах древнего Владимира известно также, что они просуществовали долго, последние из них были засыпаны в конце XIX – начале XX в. (*Глазов, 1978. С. 35*). Содержанию рвов уделялось значительное внимание даже тогда, когда они утратили оборонительное значение. «Рвы постоянно вычищались и поправлялись. Городские отходы даже в XVIII–XIX вв. не выбрасывали во рвы. Рвами же проходили кольцевые дороги вокруг города, объединявшие многочисленные выезды и выходы» (*Глазов, 1978. С. 35*).

Попытка изучения участка рва археологическими методами была предпринята в 1953 г. Н. Н. Ворониным был заложен шурф перед Золотыми воротами, но в нем ров зафиксирован не был (рис. 1). Автор работ следующим образом дал описатель-

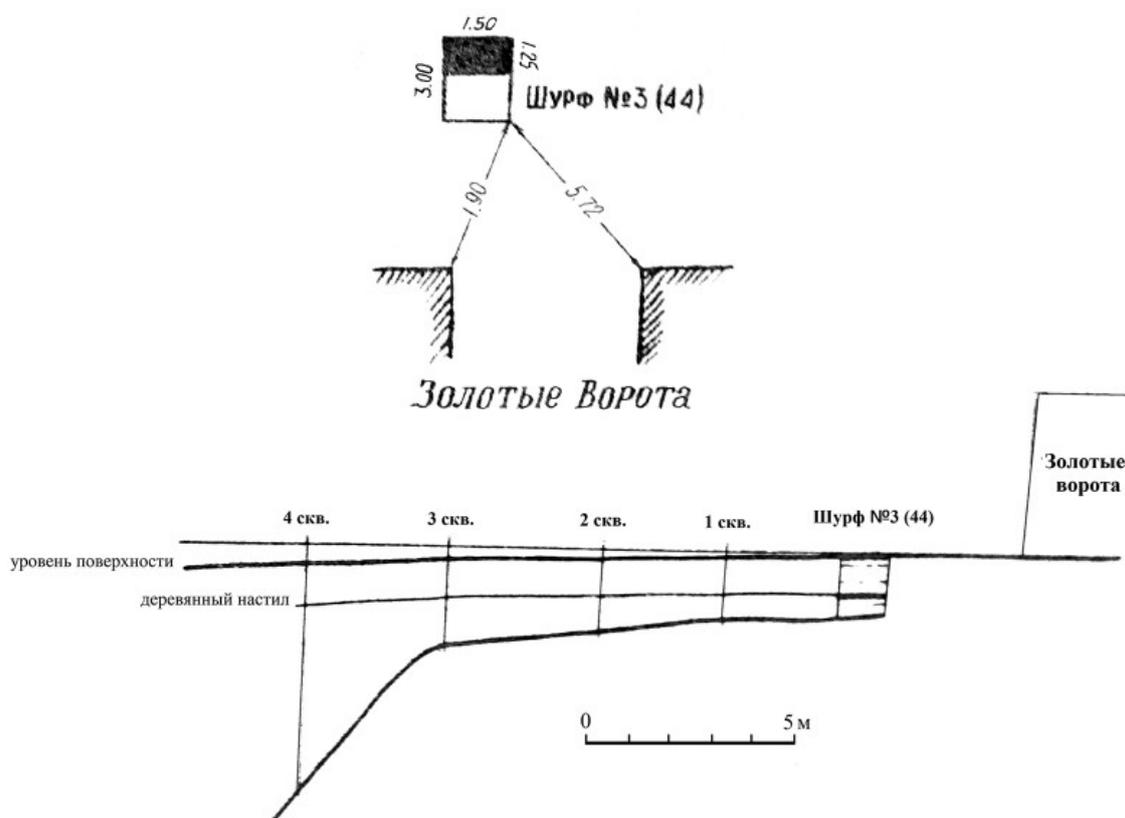

Рис. 1. Шурф № 3 (44). 1953 г. Графические материалы Н. Н. Воронина (из альбома иллюстраций к «Археологической карте древнего Владимира». 1975 г. Архив Владимирской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Инв. № 15279)

ную реконструкцию данного участка: «Снаружи перед воротами шел глубокий ров. Как показало бурение от арки в сторону рва, последний делал перед самыми воротами изгиб, образуя площадку перед ними шириной около 15 м. Через ров был проложен постоянный деревянный мост, который, в случае опасности, мог просто сжигаться» (Воронин, 1961. Т. I. С. 148).

Таким образом, в исторической и краеведческой литературе вопрос о рвах города Владимира освещался неоднократно. Однако археологическими методами этот элемент фортификационных сооружений не изучался.

В полевом сезоне 2017 г. археологической экспедицией, организованной Владимирским областным центром археологии при ВлГУ, в преддверии строительных работ по реконструкции данного здания были проведены охранные археологические раскопки в г. Владимире по адресу: ул. Летне-Перевозинская, д. 1А. Общая площадь исследований составила **251 м²**. Участок исследований располагался у внешнего подножия Козлова вала в 170 м к югу от Золотых ворот.

В ходе проведенных археологических раскопок был обнаружен ров оборонительных сооружений западной части древнего Владимира и определено его направление, которое совпадает с направлением Козлова вала.

В процессе исследований сделан почти полный поперечный разрез рва, зафиксированы и изучены: юго-западный склон, дно и часть северо-восточного склона рва, а также слои заполнения рва.

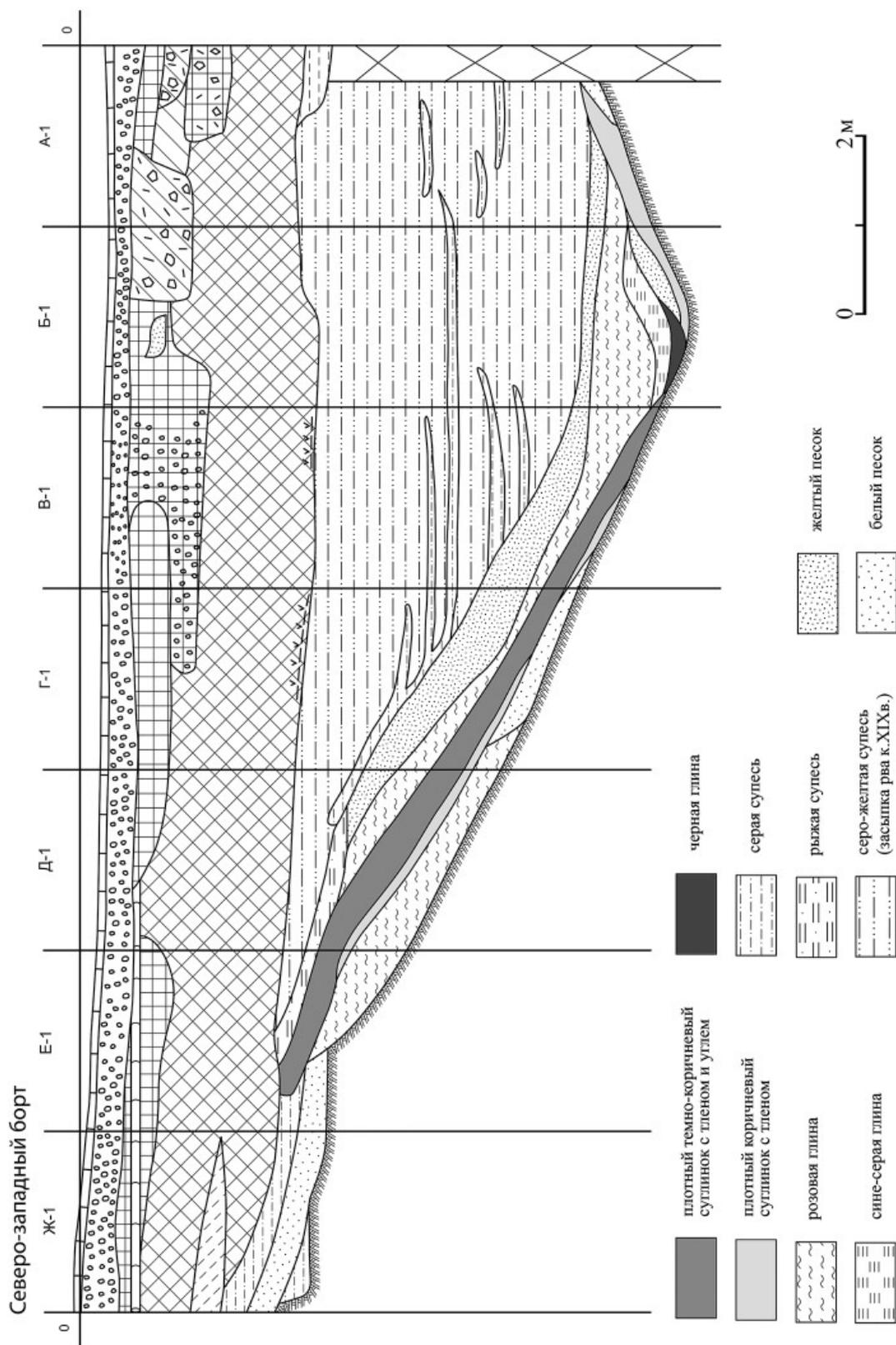

Рис. 2. Профиль северо-западного борта раскопа 2017 г. Разрез рва

Древняя поверхность рва представлена темно-коричневым и коричневым плотными суглинками, спускающимися вниз по склонам рва полосой шириной 40–80 см. Параллельно им расположены слои переотложенной материковой глины, песка и супесей различных цветов. В заполнении рва зафиксирована пестроватая серо-желтая супесь с горизонтальными прослойками серой супеси (рис. 2).

Древний спуск в ров начинается на глубине -220/-240 от дневной поверхности. Дно рва читается на глубине -670. Поперечное сечение рва имеет треугольную форму. Угол уклона склонов рва от 23° в придонной части до 35° – в верхней.

Дно рва слегка скругленное без дополнительных укреплений. На дне зафиксирован сине-серый и даже черный слой глея, образовавшийся при переувлажнении почвы в данном случае, вероятно, водой, связанной с атмосферными осадками. Мощность данного слоя 40–70 см.

В результате археологических работ стало возможным определить размеры рва. Его глубина в древности составляла 4,3 м, примерная ширина около 15–16 м.

В ходе археологических работ собрана коллекция индивидуальных находок, состоящая из 134 предметов. В основном это бытовые вещи: фрагменты ножей, замков, ключ от цилиндрического замка, сверло лучковое для сверления кости, ножницы пружинные, грузила рыболовные, фрагмент донца горшка с клеймом в виде двузубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами зубцов. Наиболее частая находка на исследованном участке – фрагменты стеклянных браслетов различных цветов и форм.

Обращает на себя внимание полное отсутствие предметов вооружения древнерусского времени или иных следов нападения врагов и обороны древнего Владимира в XIII в. на исследованном участке.

Все находки, датируемые древнерусским временем, а также фрагменты керамической посуды с грубыми примесями дресвы и песка происходят из слоев темно-коричневого и коричневого плотных суглинков.

Среди находок интересны многочисленные фрагменты керамических плиток, изготовленных из глиняной массы с примесями дресвы и песка, аналогичной тесту гончарных сосудов XII–XIII вв., найденные на склоне рва (рис. 3). Плитки неполированные, не всегда имеют правильные геометрические очертания и хороший обжиг. На некоторых плитках читаются следы досок.

Подобные половые плитки, изготовленные местными мастерами, наряду с полированными, были найдены при раскопках Н. Н. Воронина 1939 г. в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского (Воронин, 1961. Т I. С. 80).

В данном случае это вторичное использование керамических половых плиток для укрепления склонов рва. Найденные нами плитки располагались в основном в верхней и средней части склона рва. Кроме них, были обнаружены также фрагменты белого камня. Один крупный фрагмент был со следами обработки.

Примеры укрепления склонов рвов облицовками из камня или дерева известны в городищах Южной Руси: в Райках, Галиче склоны напольного рва были облицованы плоскими камнями. Бревенчатое закрепление внутренней стороны рва зафиксировано на городище Горбово (Подесенье), на Донецком городище и Титчихе на Дону (Моргунов, 2009. С. 29, 30).

Рис. 3. Керамические плитки, найденные на древней поверхности рва

Исследованный массовый керамический материал представлен 2608 фрагментами, среди которых преобладают фрагменты гончарной посуды XII–XIII в. с примесью дресвы и песка в тесте. Немногочисленный керамический материал более позднего времени обнаружен в слое пестроватой серо-желтой супеси, расположенной в заполнении рва.

В ходе работ также изучена территория, расположенная с внешней стороны рва оборонительных сооружений Нового города. Был зафиксирован естественный значительный уклон древней поверхности в сторону рва и Козлова вала. В древности эта территория была освоена незначительно. Культурных отложений древнерусского времени и заглубленных в материк ям, точно датирующихся XII–XIII вв., не обнаружено, хотя встречены отдельные предметы и керамический материал этого времени. Активно осваиваться участок, прилегающий к ул. Летне-Перевозинской, начал в XVIII в.

Таким образом, в ходе археологических работ 2017 г. впервые исследован участок рва древнерусских оборонительных сооружений Нового города древнего Владимира. Было установлено следующее:

- ров в районе Золотых ворот не является естественным оврагом, он был откопан вручную;
- размеры рва меньше тех, что приведены в исторической литературе;

– склоны рва были дополнительно укреплены керамическими неполированными плитками и фрагментами белого камня;

– находки древнерусского времени представлены бытовыми вещами, не обнаружено никаких следов осады и штурма города врагами в XIII в.

Так археологическими методами удалось подтвердить или опровергнуть сведения, широко представленные в краеведческой литературе. Материалы, полученные в ходе археологических работ 2017 г., существенно пополняют данные об оборонительных сооружениях древнего Владимира. Дальнейшего более детального изучения требует вопрос о заполнении рва в различные хронологические периоды.

Литература

Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.: в 2 т. Т. I: XII столетие. М.

Глазов В. П., 1978. В лето 6616-е (к топографии Владимира) // О крае родном. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. Ярославль.

Заграевский С. В., 2015. Историческая топография домонгольского Владимира. М.

Милованов С. И., 2016. История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира // АВСЗ. Вып. 6. М.

Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.

Сведения об авторе

Очеретина Светлана Владимировна, ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ», e-mail: svetoch0412@yandex.ru

S. V. Ocheretina

ON THE ISSUE OF THE DEFENSIVE INSTALLATIONS OF THE ANCIENT VLADIMIR: THE STUDY OF A NOVIY TOWN MOAT IN 2017

Summary The article is devoted to the studies of moat – one of the ancient Russian defensive installation elements. During the 2017 protective archaeological excavations the Noviy town moat of the defensive installations was discovered in the western part of ancient Vladimir. Almost complete cross-section of the moat was done during the studying process. It helped to identify that the moat in the Golden Gates area was not a natural ravine, it was dug up manually. Its form and sizes were identified. The cross-section of the moat has the triangle form. The angle of incline of the slopes is 23–35°. The moat depth in the ancient times was 4,3 m, approximate width – about 15–16 m. In addition the slopes were strengthened by the ceramic non-glazed tiles. Ancient Russian finds are represented by household things. Traces of siege and assault of the town by enemies in the XIIIth century were not discovered on the researched area of the defensive installations.

Keywords: Vladimir, old Russian time, XII–XIIIth centuries, fortification, defensive moat.

П. Д. Малыгин, С. В. Богданов

ЭТАПЫ ОКНЯЖЕНИЯ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ В XII – НАЧАЛЕ XIII в.

Резюме. В статье анализируется динамика окняжения Верхневолжья в XII – начале XIII в. С этим процессом авторы связывают установление рубежей новых княжеств и возведение крепостей. На основании анализа сообщений письменных источников авторы выделяют 4 этапа окняжения Верхневолжья, выявляют закономерность и последовательность в расширении суздальских границ вдоль Волги от устья р. Нерли до устья р. Вазузы. Авторы приходят к выводу, что в середине XII в. Волга выше устья р. Медведицы была общерусской дорогой, на этом участке проживали свободные общинники, не подвергшиеся огосударствлению со стороны Новгорода, Суздаля и Смоленска. В конце XII в. владимирскими князьями был окняжен участок Волги от устья Медведицы до устья Тверцы, а в начале XIII в. – от устья Тверцы до устья Вазузы. Авторы проводят критический анализ результатов радиоуглеродного анализа древесины из раскопок укреплений Тверского кремля и заключают, что крепостные сооружения должны быть датированы не ранее 1238 г.

Ключевые слова: Верхняя Волга, окняжение, суздальские князья, Медведица, Тверца, Тверь, Кснятин, Зубцов.

Термин и понятие «окняжение» хорошо известны и используются отечественными историками. Хотя в энциклопедиях, начиная с Брокгауза и Ефрона, этого термина нет, глагол «окняжить», т. е. обратить в собственность князя, встречается в юридических документах начала XVI в. (Словарь..., 1987. С. 327). Термин «окняжить» мы находим и в словаре В. И. Даля, где дается объяснение – «завладеть, присвоить, говоря о князе» (*Даль*, 1979. С. 664).

В знаменитом исследовании Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в России» параграф 56 носит название «Окняжение волости». В нем речь идет о том, как княжеские чиновники «вторгались в управление общин», чтобы получить «право распоряжаться общинными угодьями». Историк видит аналогию древнерусским общинным угодьям в средневековой западноевропейской альменде (*Павлов-Сильванский*, 1988. С. 354, 355) – неразделенных земельных угодьях, находившихся в общем пользовании членов сельской общины или группы общин (БСЭ, 1950. С. 174).

Процесс окняжения фиксируется летописными источниками в различной форме, не меняющей его сути. В 1024 г. князь Ярослав подавил восстание волхвов в Суздале и «устави землю ту» (ПСРЛ, 1949. С. 375). В 1096 г. Олег Святославич «перея всю землю Муро(м)ску и Ростовьску и посажаша посадники своя по городо(м) и дани поча брати» (ПСРЛ, 1997. Стб. 237). В 1148 г. «...Ростилавъ (Юрьевич. – П. М., С. Б.) иде в Городецъ а по городом посажа посадники своя» (ПСРЛ, 1997. Стб. 320). Окняжение – это когда князь или его чиновник «ведает и судит» население (Памятники русского права, 1955. С. 157), а некогда вольные общины превращаются в зависимые от княжеской власти тяглые единицы.

На наш взгляд, окняжение территорий подразумевает также и установление границ, рубежей новых княжеских земель.

Рубежи на западе Владимиро-Суздальского княжества фиксируются разными летописями. Согласно Ипатьевской летописи, в 1180 г. киевский князь Святослав Всеволодич вместе с сыном Владимиром и новгородцами, воюя с Всеволодом Большое Гнездо, сначала «вониде в землю Соуждальскую» (здесь и далее курсив наш. – П. М., С. Б.), а затем «идя и(з) земле Соуждальскоие, пожже городъ Дмитровъ, вышедшу ему и(з) Соуждальской земле» (ПСРЛ, 1997. Стб. 618, 620). В Новгородско-Софийском своде сообщается, что при наступлении Мстислава Мстиславича по направлению к Владимиро-Суздальскому княжеству весной 1216 г. его союзников «Володимера псковскаго съ псковичи и смолнянь на рубежь послаша проводитьи, а сами с новгородьци поидоша по Волзѣ воюючи» (ПСРЛ, 2000б. Стб. 264).

В грамотах Новгорода с князьями XIII–XIV вв. часто фигурирует формула: «А рубежь ти, княже, межю Суждальскою землею и Новгородскою дати ти старьи» (Грамоты..., 1949. № 9. С. 19).

По летописным источникам прослеживаются явные закономерности в освоении Верхней Волги суздальскими, а затем владимирскими князьями.

На протяжении середины – второй половины XII и начала XIII в. главными рубежами суздальско-владимирских земель на Верхней Волге становились устья ее важнейших притоков – Нерли, Медведицы, Тверцы и Вазузы.

Впервые р. Медведица и, скорее всего, устье этой реки фигурирует в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях под 1096 г., когда Медведица становится местом действия сборщиков дани и передовых отрядов двух враждующих князей – Олега Гориславича и Мстислава Великого (ПСРЛ, 1997. Стб. 238; 1998. Стб. 228). Судя по известию, никто в устье Медведицы не закрепился, и ее принадлежность кому-либо из князей еще не определена.

Следующие интересующие нас события на Верхней Волге происходят в 1134 и 1135 гг. (ПСРЛ, 2000а. С. 23, 208; 1998. Стб. 302, 303). В первом случае новгородское войско князя Всеволода идет на Суздаль, но возвращается с реки Дубны из-за противоречий среди участников похода (Кучкин, 2015. С. 309, 313). В январе 1135 г. новгородцы вновь идут на Суздаль и доходят до Ждани горы на р. Кубре, левом притоке р. Нерли Волжской (Кучкин, 2015. С. 313). Для нас важно, что новгородцы в 1134–1135 гг. действуют беспрепятственно на Волге, Дубне и Нерли. Очевидно, что никаких суздальских крепостей здесь в это время нет, и рубежи еще не оформлены.

Ситуация меняется во второй половине 1130-х гг., когда вернувшийся с юга в Ростово-Суздальскую землю Юрий Долгорукий «заложи градъ на усть Нерли

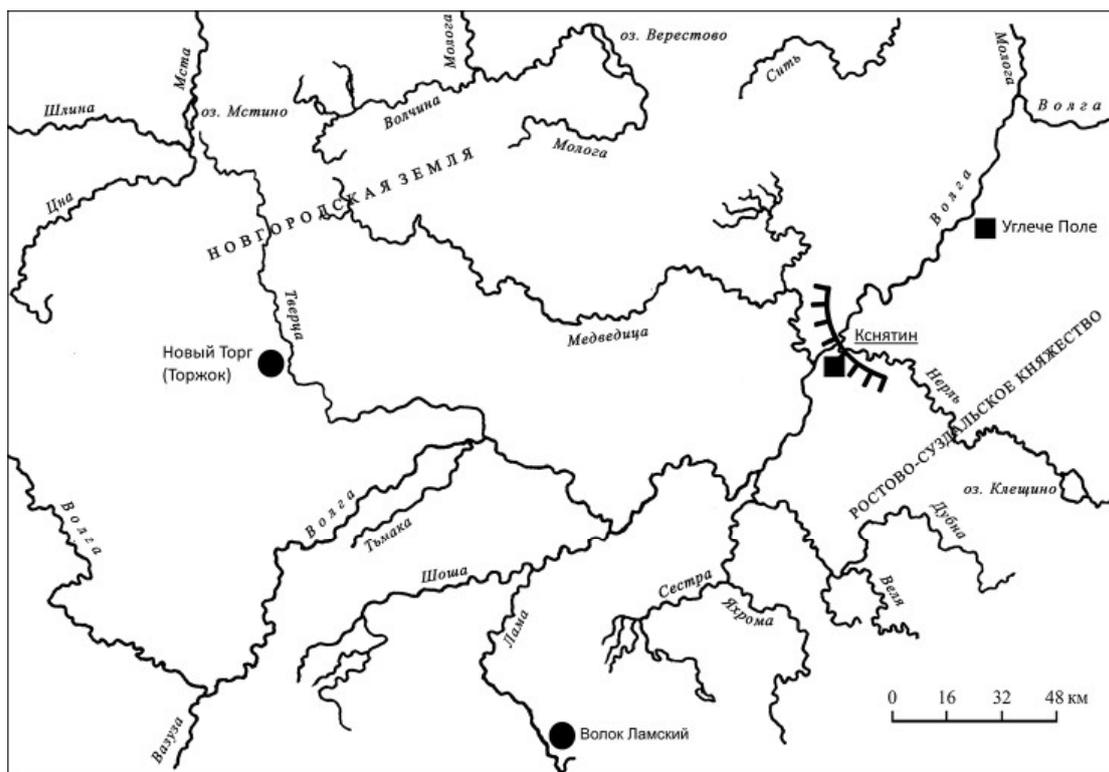

Рис. 1. Ростово-Суздальский рубеж во второй половине 1130-х гг.

на Волге и нарече (имя) ему Константинъ, и церковь въ немъ созда» (ПСРЛ, 1965. С. 158; Кучкин, 1984. С. 80). Нам представляется, что Кснятин (т. е. Константин) стал первой суздальской крепостью на Волге выше Углича (Углича Поля), существующего уже в XI в. (Томсинский, 2004. С. 173, 174) В это время устье Нерли стало рубежом Ростово-Суздальской земли (рис. 1). Следует сказать, что возникновение Кснятина – это не только результат окняжения данного участка Волги, но еще и попытка контроля над важнейшей «хлебной» дорогой из Суздальского ополья в Новгород, которая стала активно использоваться с конца XI в. (Малыгин, 2018. С. 132).

К 1149 г. этот рубеж перемещается на запад выше по Волге к устью Медведицы (рис. 2). С этого рубежа Мстиславичи – Изяслав и Ростислав – начинают военные действия, вторгшись на территорию Юрия Долгорукого.

По Ипатьевской летописи Изяслав «брату Ростиславу приказал... пойти по Волге всимъ снятися на оустъ Медвѣдѣци... и тако поидоша Новгородци съ Изяславомъ всеми силами своими... и приде Изяславъ на Волгоу... на оустъ Медвѣдицѣ и тоу жда брата своего Ростислава... и тоу съвоупиша(с) и поидоста внизъ по Волзѣ... и придоста къ Къснятиноу и тоу имъ от Гюргя вѣсти не бы(с) и начаста городы его (т. е. Юрия Долгорукого. – П. М., С. Б.) жеци и села и всю землю его воевати» (ПСРЛ, 1998. Стб. 369–371). В Ермолинской летописи и родственном ей Тверском сборнике находим: «Тоя же зимы Изяславъ поиде на дядю своего Юрьа за обиду Новгородскую, а с нимъ братъ его Ростиславъ со Смолняны, и с Новгородци, и Псковичи, и с Корелы. Ъздиль бо изъ Смоленска, а самъ Изяславъ к Новуграду, а с братомъ Ростиславомъ и съ всѣми людьми на усть Медвѣдици и оттуду послаша къ Юрью... и оттолѣ придоша ко Снятину, и к Угльчю, и к Молозѣ,

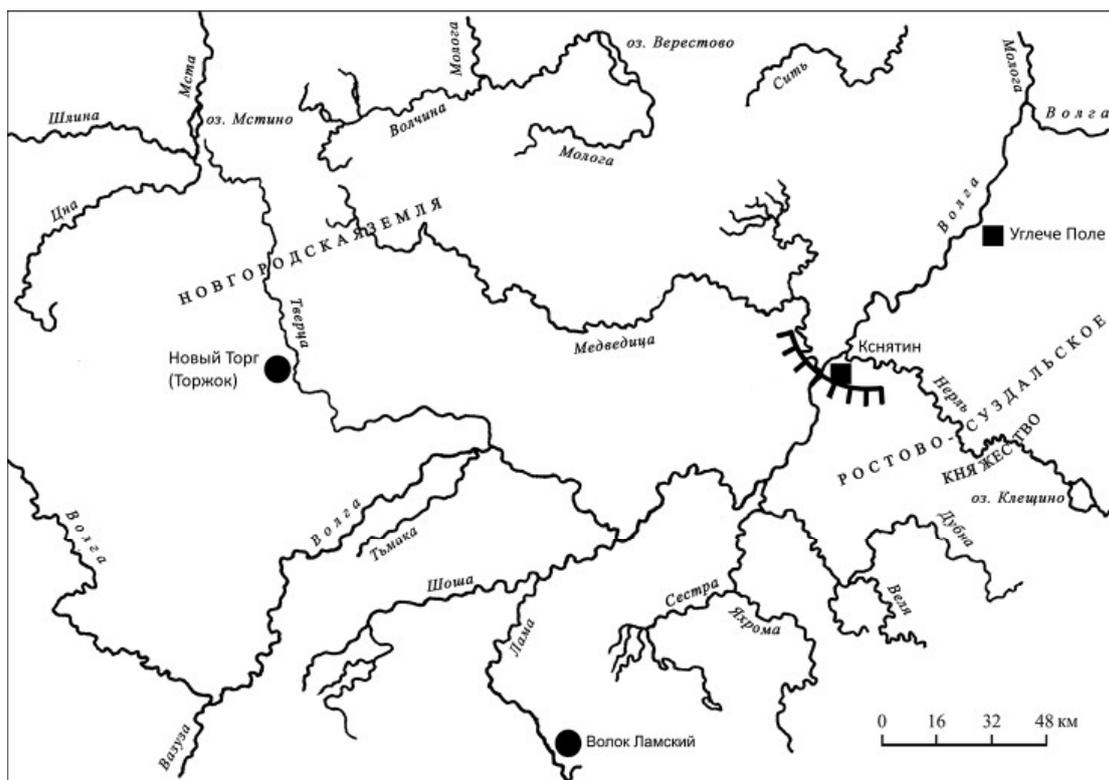

Рис. 2. Суздальский рубеж к 1149 г.

даже и до Ярославля, воюющее и жгуще» (ПСРЛ, 1910. С. 35–36) (Тверской сборник: «... съвкупшиися на Волзѣ, на устьѣ Медвѣдици... и оттолѣ поидоша къ Скнятину, и къ Угличу и къ Молозѣ, и много воеваша людей Юриевыхъ, даже и до Ярославля, по Волзе; и взяша 6 городовъ, и воюючи, и жгучи» (ПСРЛ, 2000в. Стб. 212)).

Следующие события происходят в 1180 г. (рис. 3). В Новгородской первой летописи действия киевского князя Святослава с сыном Владимиром и новгородцами против Всеволода Большое Гнездо под 1180 г. описаны следующим образом. Противники Всеволода, объединившись подобно событиям 1149 г. на устье волжского притока – теперь на устье Тверцы, вторглись в земли владимирского князя: «Томъ же лѣтъ, на зиму, иде князь Святославъ Всѣволодиць, Олговъ вьнукъ, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода, а сынъ его Володимиръ съ новгородци из Новагорода; и съяшася на Вълзѣ устьѣ Тъхвери, и положиши всю Вългу пуну, и города всѣ пожьгоша, и не дошьдъше Переяславля за 40 вѣрствъ...» (ПСРЛ, 2000а. С. 36, 226).

Наконец, к 1216 г. владими́ро-суздальский рубеж максимально продвигается вверх по Волге к устью Вазузы, где возводится крепость Зубцов – первый и единственный владими́ро-суздальский город домонгольского периода, располагавшийся на левом берегу Верхней Волги (рис. 4). После организованной Ярославом Всеволодичем в Торжке в 1215 г. хлебной блокады Новгорода против него и его братьев в марте 1216 г. начинает войну Мстислав Мстиславич Удатный со своими союзниками: «... И поиде Мьстиславъ и възя Зубьчевъ, и быша на Возузѣ; и приде Володимиръ Рюриковиць съ смольняны, идоша по Волзѣ, воююще... И не бы вести, кде Ярославъ, въ Торжку ли, въ Тъхвѣри ли... и поидоша

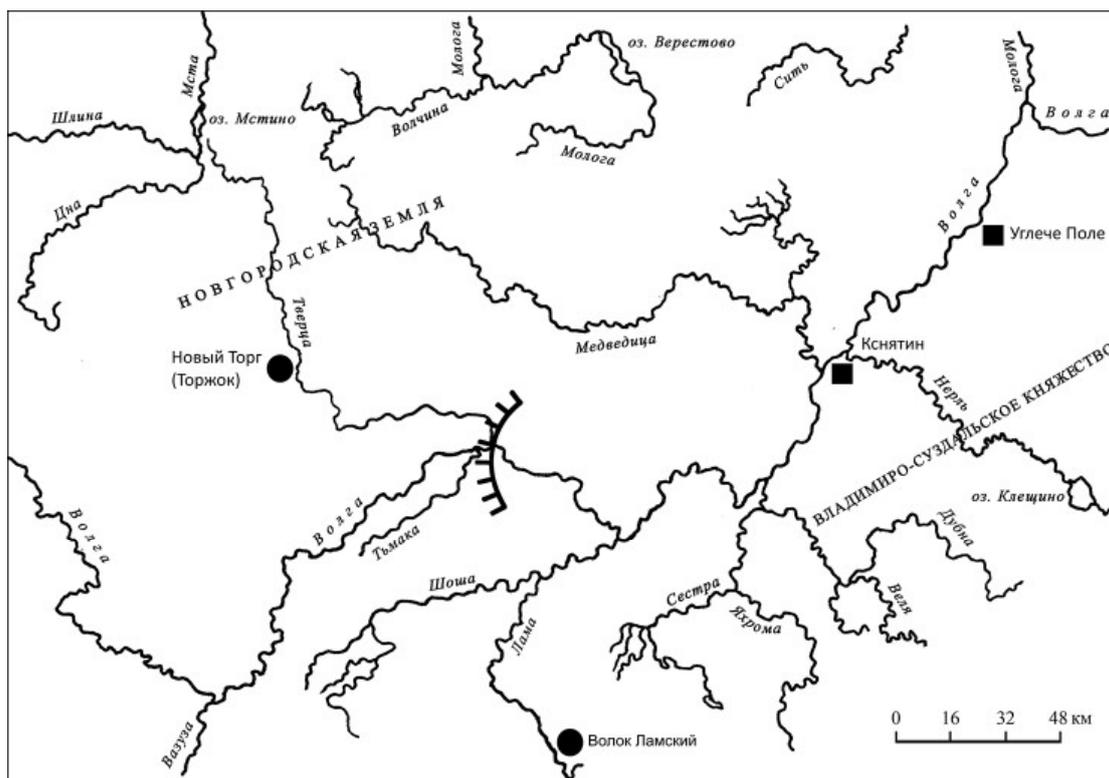

Рис. 3. Владимиро-Суздальский рубеж к 1180 г.

по Волге, воююще; и пожьгоша Шешю, и Дубну, и Къснятинь, и все Поволжье» (ПСРЛ, 2000а. С. 55, 255).

Таким образом, для трех войн против владими́ро-суздальских князей прослеживается четкая закономерность – неприятель объединяет свои силы, придя на суздальские рубежи-пограничья, маркируемые устьями крупнейших волжских притоков. Важно отметить, что в каждом случае союзники приходят на место объединения по двум маршрутам: Волге и ее соответствующему притоку.

Мы видим явную последовательность расширения суздальских границ вдоль Волги, вверх по течению, начиная от Кснятина. На этапе 1130-е – 1149 г. это «робкий шаг» от устья Нерли до устья Медведицы протяженностью всего 10 км. Следующий «шаг» на этапе 1149–1180 гг. – уже «широкий» – от устья Медведицы до устья Тверцы – более 160 км. Наконец, третий «шаг» почти такой же – от устья Тверцы до устья Вазузы – порядка 150 км – на этапе 1180–1216 гг.¹

Такова картина поэтапной суздальско-владимирской колонизации Верхней Волги в домонгольский период (рис. 5). И здесь мы должны согласиться с В. А. Кучкиным, который считает, что в 1149 г. Волга не была новгородской до устья Медведицы (Кучкин, 2015. С. 316). Однако мы берем на себя смелость заявить, что выше устья Медведицы Волга не была и суздальской. В 1149 г. и во второй половине XII в. на этом участке Верхней Волги никаких городков-крепостей

¹С. В. Богданов придерживается мнения о том, что Верхняя Волга на пространстве от устья р. Холохольни до устья р. Шоши в конце XII в. осваивалась новгородцами, и к 1216 г. Владимиро-Суздальские земли тянулись полосой от устья р. Шоши к устью р. Вазузы вдоль р. Шоша и Держа, образуя «клин», на вершине которого располагался Зубцов (Богданов, 2007. С. 336. Рис. 16).

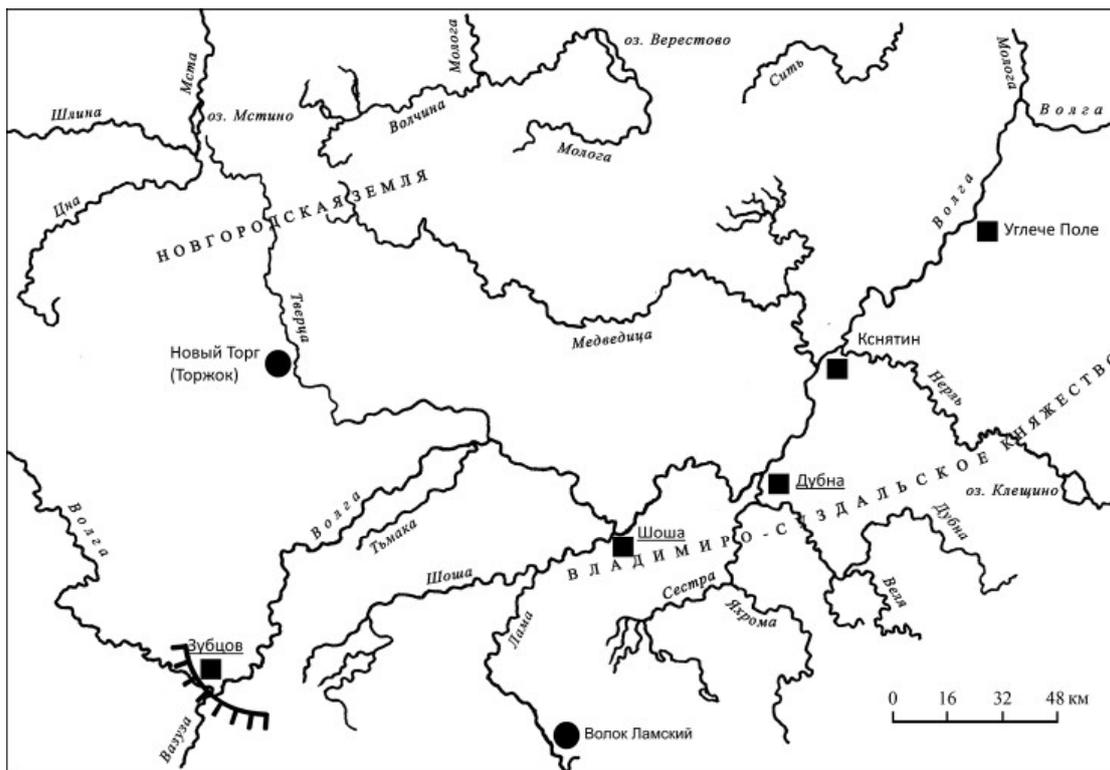

Рис. 4. Владимиро-Суздальский рубеж к 1216 г.

не существовало. Суздальцы закрепились к этому времени лишь на устье Нерли и в низовьях Медведицы, а новгородцы освоили только район верхневолжского озера Стерж и с XI в. – среднее течение Тверцы в районе Торжка (Нового Торга), Бежецкий Верх, верхнее и, видимо, среднее течение р. Медведицы. Показательно, что в ходе упоминавшегося выше противостояния Олега Святославича и Мстислава Владимировича в 1096 г. данники черниговского князя действовали на р. Медведице и были изгнаны воеводой новгородского князя: налицо конфликт интересов, связанных со сбором дани на определенных территориях. Видимо, в поисках плодородных земель новгородцы в это же время основали Волок Ламский (Малыгин, 1989. С. 152, 153). Смоленскими были с XI в. верховья Западной Двины в районе Торопца и, возможно, южные берега озер Селигер и Волго (Алексеев, 1980. С. 41, 55). Самый северо-восточный смоленский город на Волге – Ржевка (Ржева) – был основан между 1211 и 1216 гг. (Малыгин, 2016. С. 50, 53).

Таким образом, мы приходим к заключению, что выше Медведицы в 1149 г. Волга была еще общей древнерусской водной и ледовой дорогой, население этих территорий не входило в данническую зависимость к какому-либо центру.

Многочисленные курганные группы по берегам Волги, которых значительно больше выше Дубны, чем в районе устья Медведицы и летописного Княтина (Степанова, 2009. С. 75, 77, 81–82. Рис. 9; 2010. С. 189–190. Рис. 1; Степанова и др., 2009. С. 104), можно связывать, на наш взгляд, с населением свободных общинников – потомков первых славян, пришедших в лесную зону Восточной Европы, еще не подвергшихся огосударствлению со стороны Новгорода и окняжению со стороны Суздаля и Смоленска.

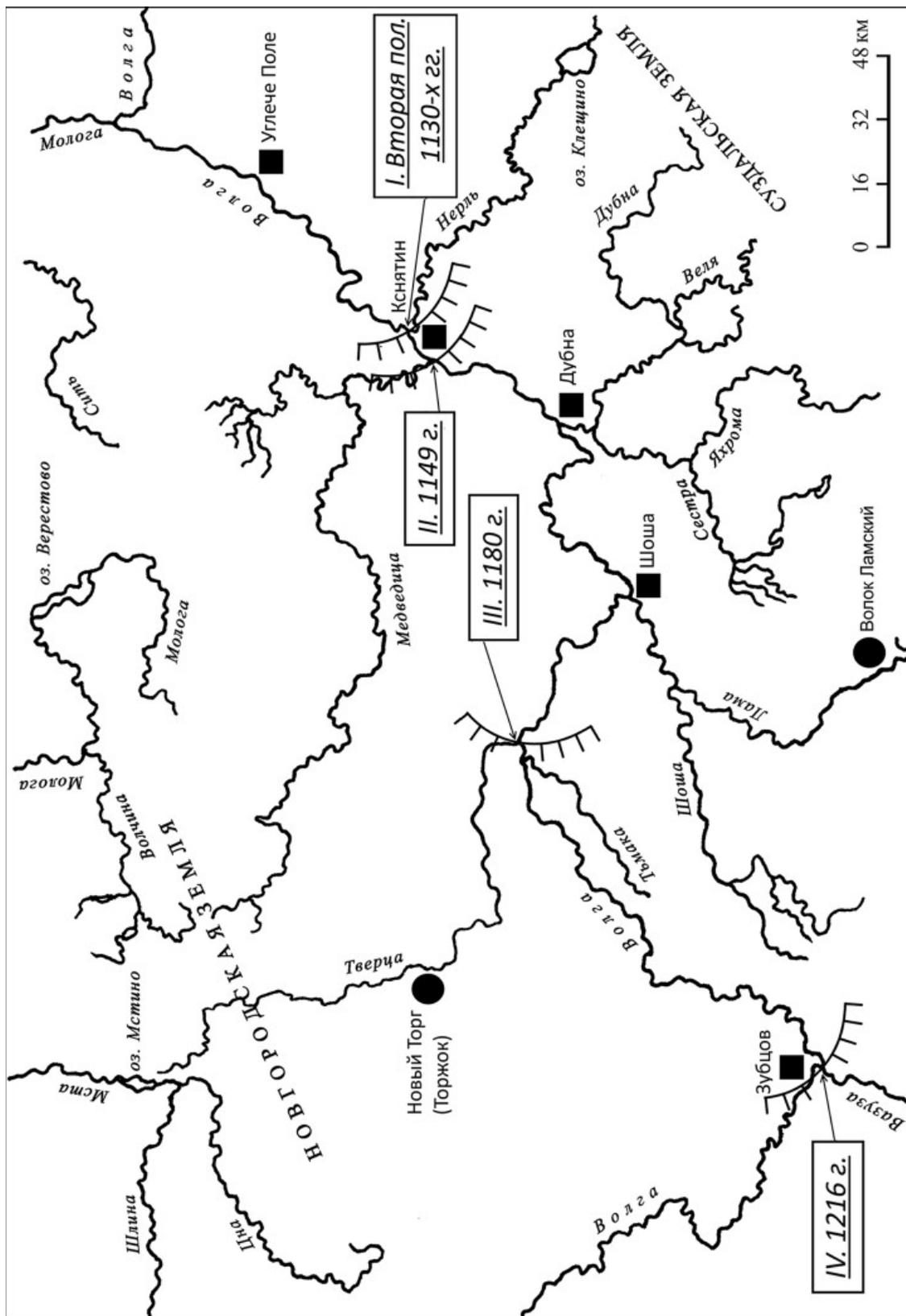

Рис. 5. Этапы окняжения Верхневолжья в XII – начале XIII в.

* * *

Итак, что же нам дает предложенная схема (рис. 5)? Прежде всего – динамику изменения суздальско-владимирских рубежей на Верхней Волге. Кроме того, наша схема позволяет уточнить датировку возникновения княжеских крепостей и городов на отрезке Волги выше Углича.

Так, например, Тверь как суздальский город не могла возникнуть в устье Тьмаки ранее 1180 г., а новгородцам строить крепость в устье Тьмаки было бессмысленно. По мнению современных тверских археологов, древнейшая крепостная стена Твери была возведена в первой половине – середине XII в. Эта дата, с подачи тверских археологов, фигурирует уже в серьезных статьях известных археологов (Макаров, 2017. С. 15, 17, 18, 20, 22; Коваль, 2017. С. 28, 29) и даже в энциклопедических изданиях (Седов, Кучкин, 2014. С. 811–812; Жилина и др., 2016. С. 732).

Однако эта датировка древнейшей дубовой хаковой стены Тверской крепости «не позднее середины 12 в.» (Беляев и др., 2015. С. 89) основана на некорректной интерпретации полученных радиоуглеродных дат.

Всего с дубовой конструкции стены Тверского кремля получено 20 таких дат, и все они опубликованы (Хохлов, Иванова, 2016. С. 32–34). Древнейшую из дат дает образец Ki-18394 – 1200 ± 80 BP (календарный интервал 764–897 при 51,2 -процентной вероятности). По правилам археологической датировки следует использовать только поздние (молодые) радиоуглеродные даты. Из 20 дат единой дубовой конструкции таковых насчитывается пять (при этом две пары дат имеют одинаковые показатели):

- 1) Ki-18390 – 800 ± 40 BP;
- 2) Ki-18091 и 3) Ki-18098 – 830 ± 40 BP;
- 4) Ki-18392 и 5) Ki-18488 – 860 ± 50 BP.

Полученные при калибровке суммарные календарные интервалы (1 σ , cal) выглядят, соответственно, следующим образом:

- 1) 1211–1270;
- 2) и 3) 1183–1255;
- 4) и 5) 1153–1248 (57,1-процентная вероятность).

По мнению Н. А. Кренке, любезно проконсультировавшего нас по вопросу корректного использования результатов радиоуглеродного анализа, полученные календарные интервалы позволяют датировать дубовые хаковые конструкции Тверского кремля концом XII – первой половиной XIII в.

Интереснейший эксперимент был проведен В. А. Лапшиным по датировке деревянных сооружений раскопа 11 (1993–1997 гг.) в центре Тверского кремля. С пяти срубов были получены и дендродаты, и календарные интервалы калиброванных радиоуглеродных дат (Лапшин, 2009. С. 219. Табл. 7). В результате сравнения результатов дендрохронологического и радиоуглеродного анализов было убедительно доказано, что при датировке деревянных конструкций по C14 нужно основываться на верхних границах календарных интервалов (Лапшин, 2009. С. 194). В случае с хаковыми дубовыми конструкциями в Тверском кремле верхние границы календарных интервалов – это 1248–1270 гг.

Кроме того, по стратиграфии и наличию сохранившихся конструкций очевидным становится тот факт, что хаковая стена была двухчастной – с внутренней стороны к ней примыкали сосновые «полусрубы», с которых получены дендрода-

ты (Хохлов, Иванова, 2016. С. 53, 54), свидетельствующие, что вся оборонительная конструкция с хаками возводилась не ранее 1238 г. Все это четко согласуется с известием Воскресенской летописи об основании города Твери в устье Тьмаки «по Батыеве пленении» (ПСРЛ, 2001. С. 245).

Литература

- Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука. 261 с.
- Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н., 2015. Новые сведения о средневековой Твери // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН. С. 89–91.
- Богданов С. В., 2007. Новгородско-Суздальский рубеж на Верхней Волге в конце XII – 1-й трети XIII вв. и основание Твери // Тверской археологический сборник. Вып. 6, т. II. Тверь. С. 330–338.
- БСЭ. Изд. 2-е. Т. 2. М.: БСЭ, 1950.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Даль В., 1979. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык. (Репринт 1881 г.).
- Жилина Н. В., Конявская Е. Л., Павлинов П. С., 2016. Тверь // Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 732–734.
- Коваль В. Ю., 2017. Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. М.: ИА РАН. С. 25–32.
- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 349 с.
- Кучкин В. А., 2015. Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 308–319.
- Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Макаров Н. А., 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.: размеры городских территорий // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. М.: ИА РАН. С. 11–24.
- Малыгин П. Д., 1989. Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М.: Наука. С. 149–158.
- Малыгин П. Д., 2016. Краткая история города Ржева // Тверская старина. 2016. № 37. С. 50–55.
- Малыгин П. Д., 2018. Из истории торговли средневекового Торжка // «Нескончаемое лето»: сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич. С. 131–134.
- Павлов-Сильванский Н. П., 1988. Феодализм в России. М.: Наука. 696 с.
- Памятники русского права. Вып. 3. М.: Изд-во юридической литературы, 1955.
- ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- ПСРЛ. Т. 9–10: Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
- ПСРЛ. Т. 3: НПЛ. М.: Языки русской культуры, 2000а.
- ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000б.

- ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000в.
- ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000г.
- ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Седов В. В., Кучкин В. А.*, 2014. Тверь // Древняя Русь в средневековом мире. М.: Ладомир. С. 811–812.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987.
- Степанова Ю. В.*, 2009. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: пространственный анализ // Вестник Тверского государственного университета. Вып. 3. С. 72–92.
- Степанова Ю. В.*, 2010. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова: материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею профессора И. К. Лабутиной. Псков: ИА РАН. С. 187–195.
- Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н.*, 2009. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского государственного университета. Вып. 1. С. 90–107.
- Томсинский С. В.*, 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 320 с.
- Хохлов А. Н., Иванова А. Б.*, 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь.

Сведения об авторах

Малыгин Петр Дмитриевич, Институт археологии РАН, e-mail: pmalygin@tversu.ru;
Богданов Сергей Владимирович, Тверской государственный университет, e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

P. D. Malygin, S. V. Bogdanov

STAGES OF DISTRIBUTION OF THE PRINCELY POWER IN THE UPPER VOLGA REGION IN THE XII – EARLY XIII CENTURIES

Summary. The article analyzes the dynamics of circulation in the princely property of the territory of the Upper Volga region in the XII – early XIII century. With this process, the authors associate the establishment of the frontiers of new principalities and the construction of fortresses. Based on an analysis of written sources, the authors identify 4 stages of conversion to princely property in the Upper Volga region, reveal the pattern and sequence in expanding the Suzdal' borders along the Volga from the mouth of the Nerl' to the mouth of the Vazuza River. The authors come to the conclusion that in the middle of the XII century the Volga, above the mouth of the Medveditsa River, was an all-Russian road; free members of the community lived on this site, who did not pay tribute to Novgorod, Suzdal' or Smolensk. At the end of the 12th century, the princes of Vladimir converted the princely property of the territory on the Volga from the mouth of the Medveditsa River to the mouth of the Tvertsa River, and in the early 13th century – from the mouth of the Tvertsa River to the mouth of Vazuza River. The authors conduct a critical analysis of the results of radiocarbon analysis of wood from the excavations of fortifications of the Tver' Kremlin and conclude that they should be dated no earlier than 1238.

Keywords: Upper Volga, Suzdal' princes, oknyazheniye, Medveditsa, Tvertsa, Tver', Ksnyatin, Zubtsov.

О. В. Данилов, Д. В. Абрамов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БОГАТЫРЕВОЙ ГОРЕ В МУРОМЕ В 2017 ГОДУ

Резюме. Археологические раскопки 2017 г. выявили культурный слой, относящийся практически ко всем этапам развития Муром. Особенно ярко представлены горизонты XII–XIII вв. и XVI–XVII вв.

Характерный ряд столбовых ям указывает на существование в древнерусский период оборонительного сооружения, ограждавшего наземные постройки. Археологический материал этого периода типичен для древнерусских городов. Выделяются две парные бронзовые миндалевидные пришивные накладки, на щитках которых в технике выемчатой эмали изображен процветший крест. Интересны также железное писало и фрагмент стеклянного бокала с росписью золотом и красной краской.

Значительная часть материала, собранного в ходе раскопок, принадлежит периоду XVI–XVII вв. и происходит в основном из большой подпольной ямы наземной жилой постройки. Здесь следует отметить фрагменты впервые встреченной в Муроме турецкой керамики с полихромной подглазурной росписью, изготовленной в г. Изник.

Ключевые слова: Владимирская область, культурный слой г. Муром, Богатырева гора, древнерусский горизонт, усадьба XVI–XVII вв.

В 2017 г. сотрудниками экспедиции ГБУК ВО «Госцентр» (г. Владимир) и ООО НИАБ «Артефакт» (г. Муром) были произведены археологические исследования на Богатыревой горе в Муроме по адресу: Комсомольский переулок, д. 12.

Первое письменное упоминание о территории Богатыревой горы встречается в писцовых книгах города Мурома XVI в.: «... въ Муромѣ жь на посадѣ, въ Подокстовѣ, на Богатыревой горѣ противъ Оки рѣки ...» (Сотная..., 1838. С. 249). Во второй половине XIX в. Тихонравов К. Н. предпринял попытку исследовать курганы на Богатыревой горе, существовавшие по устному преданию, но обнаружил, что на всей территории предполагаемого расположения курганов грунт скрыт при устройстве откоса к реке (*Тихонравов*, 1864. С. 129).

Раскоп площадью 224 м² размещался в Комсомольском переулке в районе дома № 12. Он был расположен в центрально-восточном секторе северной части

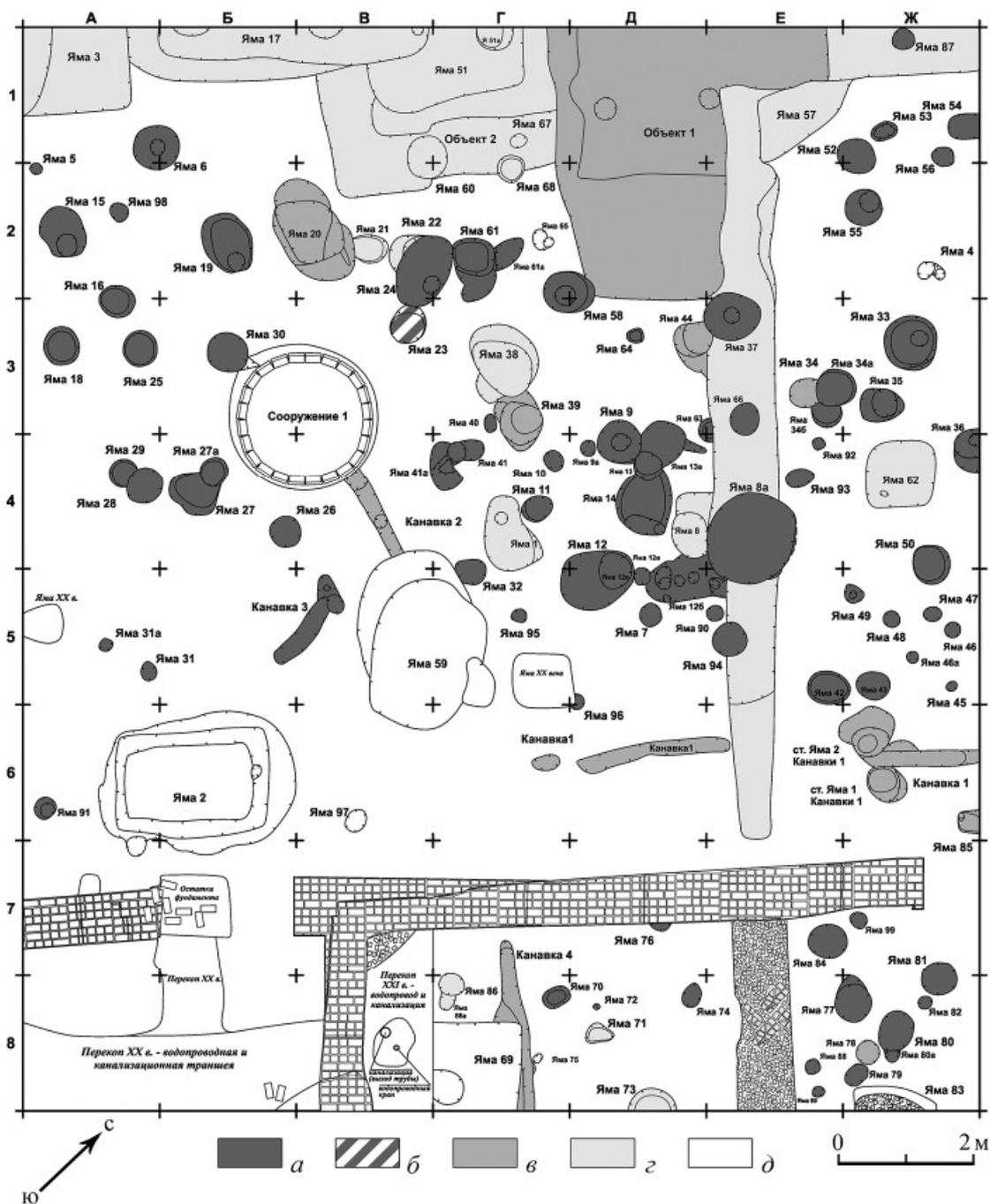

Рис. 1. План раскопа с выбранными углубленными в материк объектами: а – горизонт XII – начала XIII в.; б – горизонт середины XIII – XIV в.; в – горизонт XVI–XVII вв.; г – горизонт XVIII–XIX вв.; д – горизонт XIX–XX вв.

территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Муром, X–XIX вв.», на плато западного коренного берега р. Ока (на расстоянии около 15 м к западу – юго-западу от берегового края). Территория исследований относится к городскому кварталу № 42, ограниченному с востока улицей Губкина и береговым краем, с юга и запада – двумя участками Комсомольского переулка, с севера – южным берегом Окского оврага.

В ходе археологических полевых работ установлено, что на площадке исследованного участка культурные напластования от современной дневной поверхности (после снятия застройщиком огородного слоя) до материка имели мощность около 20–30 см, возрастающую в северном и северо-восточном направлениях. В углубленных в материк объектах она достигала 1,85 м.

Полная коллекция индивидуальных находок, обнаруженных в ходе исследования, составляет 190 предметов, а разновременной массовый керамический материал насчитывает более 11 тысяч фрагментов. К древнерусскому времени относятся 1935 фрагментов круговой керамики, изготовленной из красножгущейся и беложгущейся глин, а также 22 фрагмента лепной керамики.

Культурные отложения в целом имеют довольно простую структуру и представлены в основном слоем темно-серого суглинка с различными включениями в виде вкраплений желтой глины и древесных угольков, кирпичной крошки, колотых кирпичей и извести. В большом количестве встречены кости животных, фрагменты красноглиняных изразцов, покрытых белой глазурью и расписанных синей краской, битого стекла от бутылок и штофов. Керамический материал представлен в основном фрагментами сосудов XVIII–XIX вв., но также наблюдалось большое количество средневековой керамики. Нумизматический материал, найденный при раскопках, в основном датируется XVIII в. – периодом правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Самая поздняя монета, найденная в этом слое, датируется 1801 г. Одна из монет является редкой для европейской территории России, так как ее чеканили исключительно для обращения в Сибири. Это «сибирская монета» 1774 г. номиналом 5 копеек (рис. 2: 4). Индивидуальные находки также относятся к разным историческим периодам от домонгольской Руси до XIX в. По-видимому, такой сложный состав выявленного археологического материала является следствием планировочных работ, проведенных в Муроме в шестидесятых годах XIX в., когда все культурные напластования, включая древнерусские, были практически полностью срезаны и перемешаны с более поздними отложениями. В дальнейшем – вплоть до XXI в. – территория использовалась под огороды.

С периодом XVIII–XIX вв. связаны ямы 1, 3, 17, 21, 22, 38, 57, 62, 72, 86, 86а, 97 и объект 2 (рис. 1). В заполнении ям часто встречались фрагменты красноглиняных изразцов, включая найденный в яме 3 крупный фрагментарный образец с белой поливой и синим сюжетным рисунком, содержащим надпись «ПОЮ ПЕЧАЛНО» (рис. 2: 3). Такие изразцы датируются второй третью XVIII в. (Маслих, 1983). Различными вариантами представлены курительные трубки (рис. 2: 1, 2). В яме 57 была обнаружена аптечная стеклянная посуда, представляющая собой ступку и пестик (рис. 2: 12, 13). Ступка из толстого зеленоватого стекла в виде чаши на поддоне предназначена для приготовления порошковых смесей.

Над объектом 2 были обнаружены многочисленные заготовки и фрагменты изделий из кости и китового уса (примеры таких находок показаны на рис. 2: 5–11). Вероятно, что на данной территории была косторезная мастерская. Часть костяных заготовок представляет собой тонкие пластинки с формой в виде различных геометрических фигур. По-видимому, они предназначались для инкрустации каких-либо изделий (например, мебели). Таким образом, описанная выше стеклянная посуда,

Рис. 2. Находки периода XVIII–XIX вв.: 1 – трубка курительная красноглиняная, покрытая черным лаком, с медными обкладками; 2 – трубка курительная чернолощенная; 3 – фрагмент красноглиняного изразца; 4 – медная монета; 5 – заготовка костяная дисковидной формы; 6 – заготовка костяная треугольной формы; 7 – заготовка костяная прямоугольной формы; 8 – заготовка костяная; 9 – фрагмент гребня из китового уса; 10 – фрагмент изделия из китового уса; 11 – заготовка из китового уса; 12 – стеклянная ступка и ее реконструкция; 13 – стеклянный пестик

традиционно считающаяся аптечной, могла применяться при подготовке порошков для материалов, используемых при обработке кости или дерева.

Выявленные на раскопе фундаменты строений, зафиксированные в квадратах E1-E8, A7-Ж7, B8 (рис. 1), по-видимому, также относятся к концу XVIII – XIX в. (до 1863 г.), когда производились планировочные работы.

Период XVI–XVII вв. представлен на исследованной территории ямами 20, 34, 39, 44, 73, 78, канавками 1, 2 и 4, столбовыми ямами 1 и 2, а также объектом 1 (рис. 1).

Объект 1 вошел в исследуемую территорию частично в виде котлована, ориентированного по линии СЗ – ЮВ. Судя по форме, он принадлежал жилой постройке с глубоким подвалом и пандусом с юго-восточной стороны. По заполнению и обна-

Рис. 3. Находки периода XVI–XVII вв.: 1 – железный навесной замок; 2 – железная обувная подковка; 3–5 – фрагменты стеклянного сосуда с филигранью синего и молочного цвета; 6 – бронзовый наперсный крест; 7 – бронзовая петелька для одежды; 8 – железный наконечник стрелы; 9 – пряжка из белого металла; 10 – фрагмент белокаменного креста; 11 – медная монета-«чешуйка»

руженным в нем вещам можно предположить, что эта постройка просуществовала относительно недолго на рубеже XVI–XVII вв. Это подтверждается керамическим материалом, имеющим общие черты с «коломенской керамикой», и рядом находок: навесной замок треугольной формы (рис. 3: 1), аналогичный описанным А. В. Никитиным (*Никитин*, 1971) и встреченным в Москве при археологических работах в Романовом дворе (*Археология...*, 2009. С. 346); три обувные врезные подковки на шипах (рис. 3: 2); фрагменты сосуда из прозрачного с серо-зеленым оттенком стекла и филигранью синего и молочного цвета (рис. 3: 3–5), похожие на найденные в Москве (Там же. С. 144). В заполнении котлована постройки найдены также бронзовый наперсный двусторонний крест и фрагменты кожаной обуви. Наперсный крест (рис. 3: 6) имеет на лицевой стороне «Распятие Христово» с поясными парными изображениями предстоящих Богоматери и святой Марии, апостола Иоанна Богослова и мученика Лонгина сотника. На верхнем конце – Троица Ветхозаветная, на нижнем – великомученик Никита, побивающий беса. Обратная сторона: Богоматерь Знамение (в ромбе) с символами Евангелистов, на концах – избранные святые. Аналогичные кресты датируются XVI в. (*Гнутова, Зотова*, 2000). Фрагменты кожаной обуви, по экспертному заключению А. В. Курбатова, принадлежат сапогам и датированы им не позднее третьей четверти XVI в. На фрагментах головки сапога хорошо сохранился декор в виде поперечного линования, который появляется на Руси вместе с моделями обуви «жесткой конструкции» в конце XV в. и широко распространен в XVI в. (*Курбатов*, 2012. С. 214, 225. Рис. 206–208, 321).

Интересной находкой являются фрагменты керамического сосуда с полихромной подглазурной росписью (рис. 4). Они принадлежали кувшину, относящемуся к типу 4 турецких полуфаянсов по классификации В. Ю. Ковалья (*Коваль*, 2017. С. 745). Такая керамика производилась в г. Изник и наибольшее распространение получила во второй половине XVI и XVII в. Исследование глазури и пигментов на найденных образцах методом спектроскопии комбинационного рассеяния показало присутствие характерных материалов, использовавшихся в мастерских Изника (*Colomban et al.*, 2004. P. 527–535): цветного стекла (смальта) для создания протяженных элементов росписи и хромосодержащих минералов – для линейных. В частности, при создании зеленого ленточного орнамента был применен уваровит (хромосодержащий гранат). Спектр прозрачной покрывающей глазури имеет вид, характерный для турецких щелочно-свинцовых глазурей. Фрагменты сосудов из Изника в центральных районах России встречаются нечасто, тяготея в основном к территории Москвы. В культурном слое других средневековых городов этого региона отмечены единичные находки такой керамики. В Муроме она встречена впервые.

Вероятно, рассматриваемая постройка погибла при разорении Мурома отрядами Лисовского в 1615 г. (*Чернышев*, 2010. С. 5). По-видимому, канавки 1 и 2, выявленные на участке исследования, относились непосредственно к объекту 1. Расположение канавок позволяет предположить, что они ограждали связанную с ним постройку.

Среди находок, относящихся к периоду XVI–XVII вв., выделяются также найденные в переотложенном грунте железный наконечник стрелы (рис. 3: 8), фрагмент лопасти белокаменного креста (рис. 3: 10), бронзовая петелька для одежды

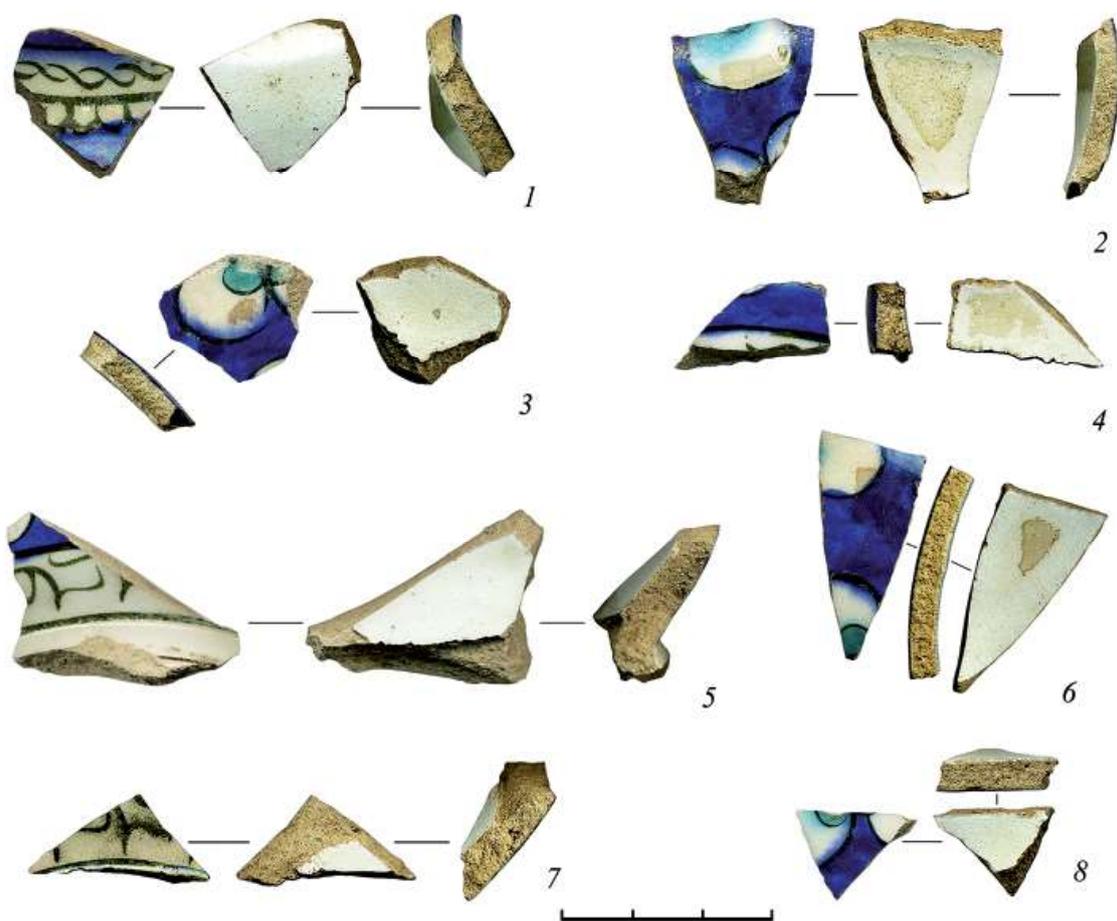

Рис. 4. Фрагменты полуфаянсового кувшина с полихромной подглазурной росписью

(рис. 3: 7), пряжка из белого металла (рис. 3: 9), медная монета-«чешуйка» с неразборчивой надписью (рис. 3: 11), прямоконечные нательные кресты из медных сплавов. Черешковый плоский ромбовидный наконечник стрелы имеет линзовидное сечение, расширение в нижней трети длины пера и вытянутую шейку с упором. Пропорции пера 1:4. Шейка круглого сечения, приплюснутая у основания пера. Наконечник относится к типу 6б по О. В. Двуреченскому (*Двуреченский, 2007. С. 284*). Подобные наконечники происходят из Москвы, Коломны, Твери и южных пограничных городов русского государства XVI–XVII вв. Фрагмент лопасти белокаменного креста принадлежал изделию «ижорского» типа (*Панченко, Федоров, 2017. С. 80–88*), изготовленному из известняковой плиты. Толщина обломка 7,5 см. Его высота 25,4 см, а ширина 21 см. Аналогичные кресты известны на северо-западе и датируются XIV–XVI вв. Возможно, появление крестов такого типа на Муромской земле связано с переселением новгородцев во времена правления Василия III и Ивана III.

Период середины XIII – XIV в. проявился на исследованной территории в виде столбовой ямы 23 и в присутствии переотложенного керамического материала в грунтах раскопа (226 фр.). К нему же относится фрагмент ручки от причерноморского красноглиняного сосуда, покрытого зеленой глазурью по ангобированной

поверхности. Аналогичные сосуды описаны В. Ю. Ковалем (*Коваль*, 2010. С 108, 109). Фрагмент ручки был найден в переотложенном состоянии в объекте 1.

Домонгольский период развития Муром на исследованной территории был представлен углубленными в материк объектами и отдельным участком в квадрате Д4 (рис. 1) неразрушенного древнерусского культурного слоя, представляющего собой серый суглинок с вкраплениями древесного угля, желтой глины и пачины и содержавшего в себе исключительно древнерусский керамический материал из красножгущейся и беложгущейся глины, включая фрагмент глиняного светильника «киевского» типа (*Розенфельдт*, 1968. С. 9. Табл. 1. Рис. 19; 1997. С. 10–12, 249. Табл. 3; *Каргер*, 1958. С. 449, 450. Табл. LXXVIII). В этом грунте были найдены два уникальных предмета – бронзовые пришивные накладки (пуговицы?) с остатками белой эмали, изготовленные в одной матрице (рис. 5: 1, 2). На лицевой поверхности щитка в технике выемчатой эмали изображен процветший крест. Аналогов этих изделий не найдено. Под указанным грунтом на материке зафиксированы пятна от столбовых конструкций и очажной ямы округлой формы, выложенной камнями, которые, возможно, принадлежали одной древнерусской наземной постройке.

Главной особенностью планировки территории является группа мощных столбовых углублений древнерусского времени, выстроенных в ряд с интервалом от 200 до 280 см по направлению ЗЮЗ – ВСВ (ямы 15, 19, 24, 58, 37, 33), в северной части исследованной площади (рис. 1). Ямы имеют близкие размеры (около 90 см) и заглубление в материк (глубина от 52 до 68 см). Такая планировка характерна для частокольного ограждения, предположительно, являвшегося оборонительным сооружением.

На всей площади исследования и в ямах древнерусского периода встречено значительное количество фрагментов стеклянных браслетов (рис. 5: 5–8). Помимо стеклянных браслетов, в грунте рассматриваемого периода присутствовали фрагменты стеклянных бокалов (рис. 5: 11–15). Один из таких фрагментов найден в яме 15. Он изготовлен из тонкого прозрачного стекла с росписью золотом и красной эмалью (рис. 5: 11). Предположительно, он является частью изделия, импортированного из Сирии или Византии. Аналогичные фрагменты стеклянной посуды найдены в Херсонесе и датируются XII–XIII вв. (*Колесникова*, 1973. С. 249–256).

Часть древнерусских вещей найдена в переотложенном состоянии. Так, фрагмент стеклянного сосуда со следами несохранившейся росписи встречен в постройке XVI–XVII вв. (рис. 5: 12). В той же постройке найдена бронзовая подковообразная фибула со спирально подвернутыми концами, изготовленная из тонкой проволоки (рис. 5: 4). В северной части раскопа в грунте поздних культурных напластований кроме фрагментов стеклянных браслетов также были встречены: в кв. Б1 – рубленая стеклянная бисеринка желтого цвета (рис. 5: 9), в кв. Г4 – стеклянный бисер синего цвета (рис. 5: 10) и в кв. Г4 – железное писало (рис. 5: 3). Писало имеет лопаточку в форме изящного бокальчика с отогнутыми краями. Аналогичные стили для письма описаны А. Ф. Медведевым (*Медведев*, 1960. С. 63–88) как относящиеся к типу 7, широко распространенному на всей территории древней Руси, и датируются XII–XIII вв. Индивидуальные находки из красножгущейся глины, найденные на раскопе, представлены фрагментами амфорной тары (рис. 5: 17),

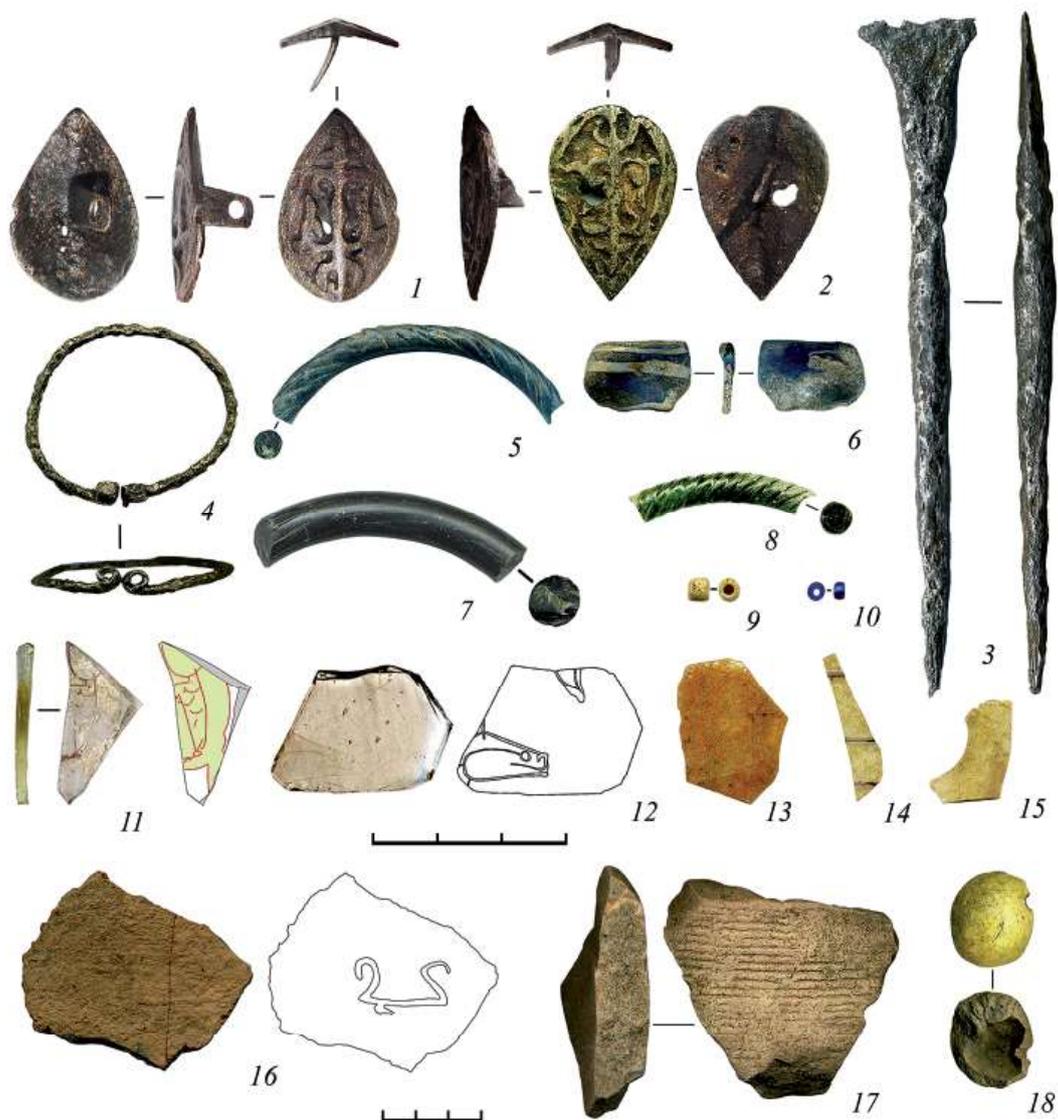

Рис. 5. Находки домонгольского периода: 1, 2 – бронзовые пришивные накладки; 3 – железное писало; 4 – бронзовая фибула; 5–8 – фрагменты стеклянных браслетов; 9, 10 – стеклянный бисер; 11 – фрагмент стеклянного бокала с росписью золотом и красной эмалью и его прорисовка; 12 – фрагмент стеклянного бокала со следами росписи и его прорисовка; 13 – фрагмент стеклянного сосуда; 14 – фрагмент стеклянного бокала с декором из фиолетовых стеклянных проволочек; 15 – фрагмент стеклянного бокала; 16 – фрагмент днища сосуда из красножгущейся глины с клеймом «знак Рюриковичей» и его прорисовка; 17 – фрагмент амфоры; 18 – фрагмент писанки с желтой глазурью

писанки с желтой глазурью (рис. 5: 18), стенки сосуда с коричневато-желтой поливой и днища сосуда с клеймом «знак Рюриковичей» (рис. 5: 16).

Таким образом, на участке исследования зафиксированы практически все этапы развития г. Мурома. Следов древнерусских курганов, описанных Тихонравовым К. Н., не выявлено. Предположительно, что в домонгольское время на этой территории располагались оборонительные сооружения крепости, свидетельства о которой до нас не дошли.

Литература

- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М., 2009.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева. М.
- Двуреченский О. В., 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмоскovie. Вып. 3. М. С. 254–276.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.
- Коваль В. Ю., 2017. Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань; Кишинёв. С. 739–763.
- Колесникова В. Г., 1973. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // Византийский временник. Т. 34. М.
- Курбатов А. В., 2012. Кожевенное ремесло в средневековой России: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
- Медведев А. Ф., 1960. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. № 2. М. С. 63–88.
- Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М. (САИ; вып. Е1-34).
- Панченко В. Б., Федоров И. А., 2017. Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования // Новгород и новгородская земля: история и археология. Вып. 31. Великий Новгород. С. 80–88.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII веков. М. (САИ; вып. Е1-39).
- Розенфельдт Р. Л., 1997. Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура. М. (Археология).
- Сотная на Муромской посадь (Писцовая книга гор. Мурома, 1574 г.) // Акты юридические или собрание форм старинного дѣлопроизводства. СПб., 1838.
- Тихонравов К. Н., 1864. Археологические исследования во Владимирской губернии // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. II. Владимир. С. 113–150.
- Чернышев В. Я., 2010. Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. // Памятники истории Мурома. Вып. 1. Владимир.
- Colomban Ph., Milande V., Le Bihan L., 2004. On Site Raman Analysis of Iznik Pottery Glazes and Pigments // Journal of Raman Spectroscopy. Vol. 35, 7. P. 527–535.

Сведения об авторах

Данилов Олег Владимирович, ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия», e-mail: olegpervui@yandex.ru;

Абрамов Дмитрий Владимирович, ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия», e-mail: awraam@mail.ru

O. V. Danilov, D. V. Abramov

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON BOGATYRYOVA MOUNTAIN
IN MUROM IN 2017**

Summary. The archaeological excavations discovered a cultural layer which relates to almost all stages of the development of the Murom. The horizons of the 12th–13th and the 16th–17th centuries are especially emphatically represented.

A characteristic row of postholes indicates the existence of a defensive fence in ancient Russian period. Land-type buildings were located inside it. The finds of this period are typical for ancient Russian cities. We can distinguish two bronze almond-shaped sewing badges with the image of a vine cross. The image was made in the technique of champlevé enamel. An also interesting finds are an iron stylus and a fragment of a glass goblet with gold and red ornament.

A significant part of the collected material belongs to the period of the 16th–17th centuries and was found mainly in a large cellar pit of a residential building. Fragments of Turkish pottery with polychrome underglaze painting are most interesting. Such ceramics was found in Murom for the first time.

Keywords: Vladimir region, cultural layer of the Murom, Bogatyryova mountain, Old Russian horizon, city manor of the 16th–17th centuries.

С. В. Томсинский

ИССЛЕДОВАНИЯ В УГЛИЧСКОМ КРЕМЛЕ В 2018 г.

Резюме. В статье представлены результаты раскопок 2018 г., продолжающих исследования памятника, начатые в 1980-х гг., важнейшими из которых можно считать уточнение хронологии начального периода существования княжеского двора, на периферии которого было заложено 25 раскопов, и подтверждение предположений о распространении ареала культурного слоя финно-угорского поселения VII–X вв. с террас левого берега Волги в западной части плато вдоль устья оврага, впадающего в Шелковку. Восточная часть плато за время существования этого поселения, как установили исследования предыдущих сезонов, подвергалась интенсивной вспашке («ближняя пашня»), а перед мысом, отделяющим устье Волги от Каменного Потока, в X в. находилось языческое святилище.

Ключевые слова: Древняя Русь, Углич, кремль, финно-угры, Государственный Эрмитаж.

Продолжая исследования Угличского кремля, Древнерусская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2018 г. вернулась к западной части мысовой площадки, образованной Каменным ручьем и Шелковкой при впадении в Волгу, где первые раскопы перед Спасским собором были заложены еще в 1985–1986 гг. Целью раскопок было уточнение стратиграфии и хронологии антропогенных отложений этой части мысовой площадки в соотношении с результатами исследований территории вдоль левого берега Каменного ручья, производившихся в 1993–2002 гг. и в 2014 г., и проверка результатов исследований остатков дворца угличских удельных князей и Спасского собора XV в., проводившихся в 1985–1986 гг.

Раскоп 25 был заложен в ЮЗ части мысовой площадки угличского кремля, к СВ от здания Спасского собора, возведенного в 1700–1713 гг. Выбор площадки заложения раскопа определился результатами исследований 1985–1986 гг., производившихся экспедицией ЛГУ под руководством Вал. А. Булкина: между раскопом 2 1986 г. и раскопом, на котором раскрыты в 1985–88 гг. остатки дворца угличских удельных князей, остался участок общей площадью около 100 кв. м, исследование которого и было проведено нами в 2018 г. (рис. 1). Раскоп 25 общей

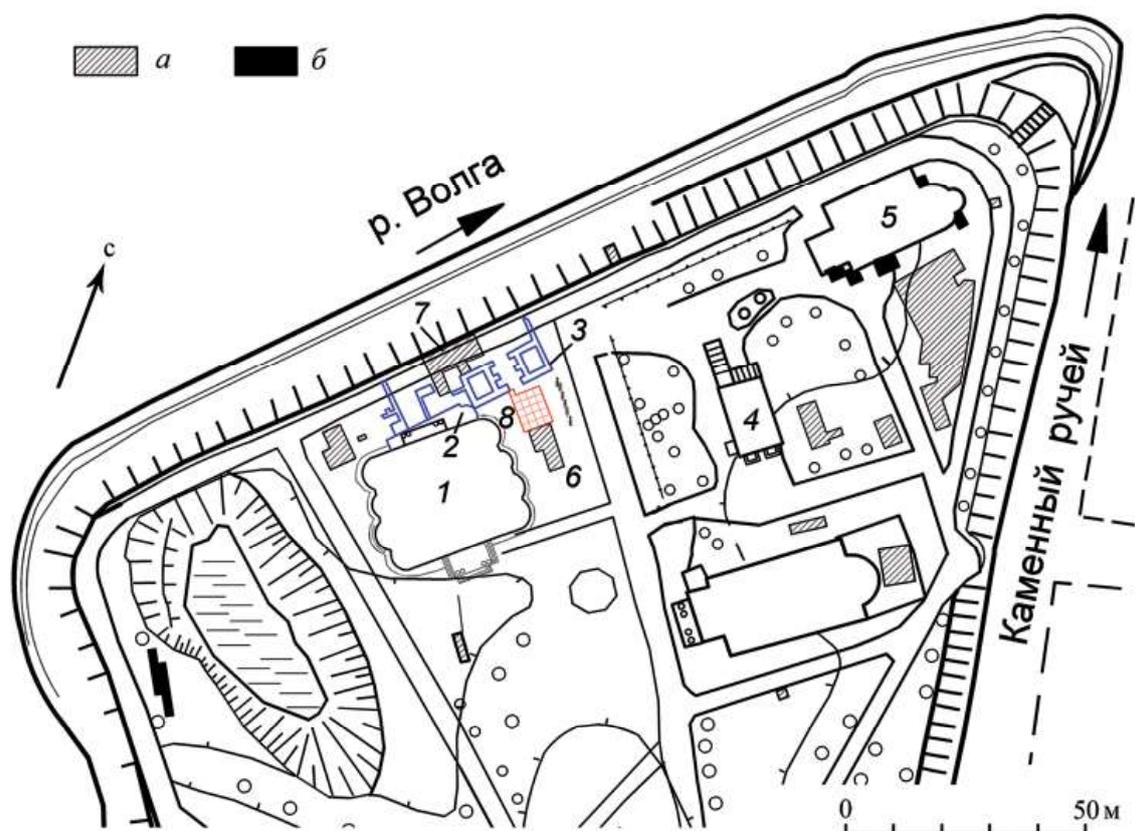

Рис. 1. Углич-2018. Раскоп 25. Топография: *а, б* – раскопы и шурфы Угличской экспедиции ГЭ (*а* – археологического отряда, *б* – архитектурного отряда); *1* – Спасо-Преображенский собор 1700-х гг.; *2, 3* – кладки Спасо-Преображенского собора и палат дворца удельных князей XV в., открытые для обзора с 1989 г. до начала 2000-х гг.; *4* – палата дворца удельных князей XV в. («Палата царевича Дмитрия»); *5* – церковь Св. Царевича Дмитрия; *б* – Раскоп № 2 1986 г.; *7* – раскоп № 12 1996 г.; *8* – раскоп № 25 2018 г.

площадью 80 кв. м (20 квадратов 2×2 м, с буквенно-цифровыми обозначениями А1-Д4) был ориентирован углами по странам света. Однако уже в процессе разбивки раскопа стало ясно, что площадь вскрытия антропогенных отложений будет значительно сокращена из-за наличия на исследуемом участке установленного в 2010-е гг. столба подсветки Спасского собора, не подлежащего сносу, и проложенной тогда же без предварительных исследований новой траншеи теплотрассы, ориентированной по линии СВ – ЮЗ, над которой пришлось оставить неразборную бровку. В итоге площадь вскрытия антропогенных отложений на раскопе 25 сократилась до 50 кв. м. Бровка разделила раскоп 25 на два неравных по площади участка: северный – кв. А1-Б3 и южный – кв. Г1-Д4. К моменту начала работ площадка раскопа 25 была равномерно задернована и имела небольшой уклон по линии В – З. На исследованной в 2018 г. небольшой площади обнаружено 169 индивидуальных находок и 9332 фрагмента лепной и гончарной керамики.

Раскопки показали, что именно на месте заложения раскопа 25 локализовалось понижение плато коренного берега к береговой террасе; соответственно, на северном участке общая мощность антропогенных отложений достигала 2,3 м,

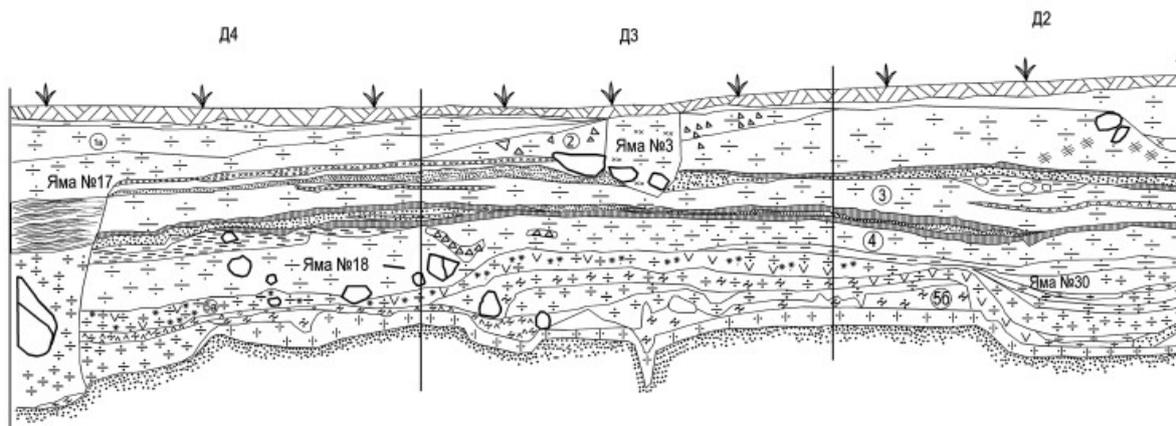

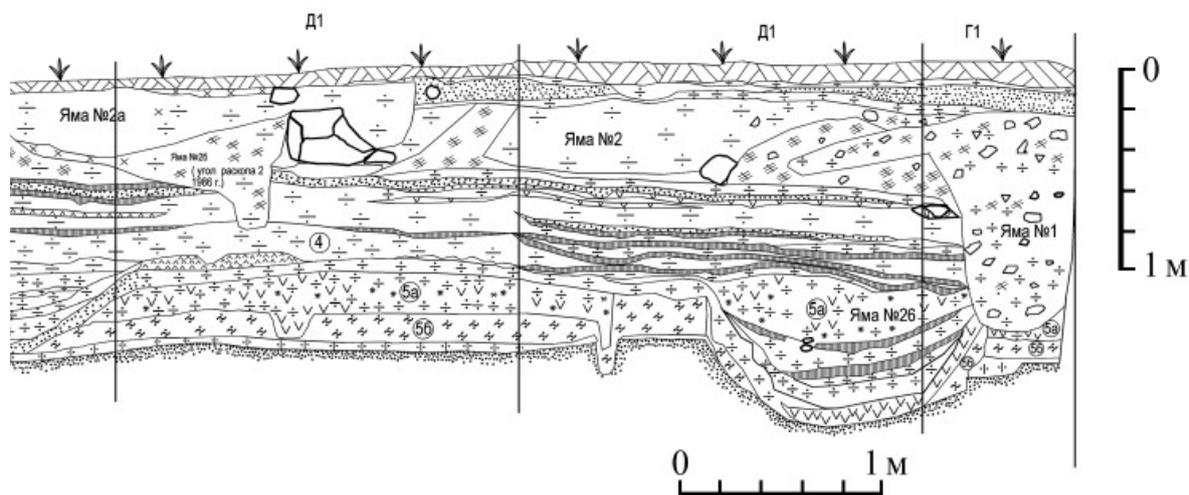
Рис. 2. Углич-2018. Раскоп 25. ЮВ и ЮЗ стенки. Стратиграфия

а на южном – 1,7 м. (рис. 2). К западу от участка раскопа 25 локализовался возвышенный мыс, образованный руслом оврага, впадавшего в устье Шелковки, и террасой левого берега Волги, на котором в XIII в. был возведен первый деревянный Спасский собор, а затем и каменные соборы того же посвящения в XV и XVIII вв.

Стратиграфия раскопа 25, как и следовало ожидать, в целом соответствовала стратиграфии участков, исследовавшихся нами в 1993–2002 и 2014 гг. (рис. 2). Непосредственно под дерном по всей площади раскопа зафиксирован **слой 1**, сформированный **прослойками 1 – 1ж и 2** (светлый речной нивелировочный песок и серая супесь с обильными включениями строительного мусора, костей животных и многочисленных фрагментов фресок) и датируемый XVIII–XX вв. В период формирования прослойки 2 в антропогенные отложения до уровня материка были впущены две глубокие ямы – № 6 и № 11, заполненные строительным мусором (битый кирпич, известковый раствор, валуны) и серой супесью. В округлой яме № 1, пробившей антропогенные отложения до уровня материка, помимо строительного мусора, обнаружены кости животных, многочисленные фрагменты гончарных горшков, датируемых XVI–XIX вв., столовый нож XVIII в. Обе ямы с достаточной степенью достоверности датируются 1713 г. – годом завершения строительства Спасского собора. Обращает на себя внимание большое количество костей животных и в слое вне заполнения ям: несомненно, это кухонные отбросы строителей, питавшихся здесь же, на площадке производимых ими работ.

Индивидуальные находки из слоя 1 датируются XVIII–XX вв.: сапожные подковки, железные ножи, в т. ч. столовый нож XVIII в. из ямы №11, обломок янтарного мундштука, монеты чеканки 1819, 1936 и 1997 гг., фрагмент железного кровельного подзора, осколки расписных стеклянных штофов XVIII в.

Под слоем 1 на участке раскопа 25 отложился, как и по всей мысовой площадке кремля, **слой 2**, стратиграфически четко разделенный на два горизонта, сформированные **прослойками 3 и 4**, которые датируются соответственно концом XV – XVII в. и второй половиной XIII – XV в. Эти прослойки, по составу в целом

однородные (коричнево-серая супесь с включениями органических остатков – навоза и древесного тлена) соответственно направлению склона береговой террасы от плато коренного берега, наибольшую мощность имели на северном участке раскопа и наименьшую – до 0,3 м – на южном. В **прослойке 3** зафиксированы заметные включения угольков; этой же почвенной структуре принадлежат прослойки строительного мусора, отложившиеся при строительстве и разрушении в Смутное время кирпичного дворца угличских удельных князей, возведенного князем Андреем Васильевичем Большим не ранее 1480-х гг.

Самой интересной находкой из этой прослойки стала массивная квадратная железная пластина, вшивавшаяся в самый распространенный в XVI–XVII вв. стеганный доспех – тигиляй, надо полагать, выпавшая в культурный слой исследованного участка в Смутное время (рис. 3: 1). Помимо этого предмета, в прослойке 3 обнаружены: серьга с напускной стеклянной бусиной (рис. 3: 8), пуговица-бубенчик (рис. 3: 12), фрагмент медного крестика-тельника XVII в. (рис. 3: 9), обломанный плоский наконечник стрелы с широким рассекателем и уступами перед черенком (рис. 3: 2), граненый бронебойный наконечник стрелы (поднят перекопами из прослойки 4) ромбовидного сечения (тип 97 по А. Ф. Медведеву, IX–XIV вв.) (Медведев, 1966. С. 86) (рис. 3: 5).

Датирующие индивидуальные находки из **прослойки 4**: ключи типа Г, бытовавшие в первой половине XIII – середине XV в. (рис. 3: 4), замкнутый плоский перстень с продольным рубчатым валиком (рис. 3: 6) и ложновитой перстень (рис. 3: 7), датируемые новгородскими аналогиями соответственно XIV–XV вв. и XII–XV вв., медное тверское пуло XV в. (рис. 3: 10), фрагмент железной шпору типа IV по А. Н. Кирпичникову (Седова, 1981. С. 125, 131, 132; Колчин, 1982. С. 160; Кирпичников, 1973. С. 120) (рис. 3: 3). Из прослойки 4 также происходит синяя прозрачная зонная бусина, датируемая XII–XIV вв. (Щапова, 1956. С. 168, 169; Колчин, 1982. С. 167; Лесман, 1984. С. 130; Захаров, 2004. С. 145; Самойлович, 2006. С. 372) (рис. 3: 11).

Рис. 3. Уglich-2018. Раскоп 25. Индивидуальные находки из слоя 2

В историческом контексте формирование прослойки 4 соотносится с периодом существования на уже сивелированной антропогенными отложениями верхней террасе левого берега Волги двора первых угличских князей и первого – деревянного? – Спасского собора, в котором в 1249 г. был погребен князь Владимир Константинович (ПСРЛ, 1846. Т. I. С. 202). Этот период начинается перепланировкой исследованно-

Рис. 4. Углич-2018. Раскоп 25. Находки из верхнего горизонта слоя 3

го участка, появлением в северной его части приспособного кладбища и завершается строительством нового белокаменного храма не позднее 1536 г. (см. статью Е. А. Туровой в настоящем сборнике). Следует отметить, что на участках раскопов предшествующих сезонов формирование слоя 2 начинается несколько позже, а именно не ранее конца XIII в. («Дюденева рать» 1292 г.) (Томсинский, 2004. С. 192, 198–200).

Под слоем 2 на участке раскопа 25, как и по всей площади угличского кремля, отложился *слой 3*, сформированный двумя *прослойками*: *5А* (плотная, интенсивно-углистая супесь с обильными включениями дресвы) и *5Б* (более рыхлая углесто-золистая супесь). Мощность слоя 3, как и мощность залегающего выше слоя 2, определялась рельефом исследованного участка.

В период формирования прослойки 5А на исследованном участке появился производственный комплекс кузнечно-литейной мастерской, остатки которого зафиксированы на северном участке раскопа 25 в виде многочисленных фрагментов железных шлаков, осколков цилиндрических тиглей, мощных прослоек прокаленного песка и обожженной глины и миниатюрного земляного горна для разовой плавки цветного металла с выплеском медного сплава. Этот комплекс, как особо значимый для реконструкции планировки мысовой площадки кремля в эпоху раннего Средневековья, заслуживает специальной публикации.

Индивидуальные находки и фрагменты керамики из прослойки 5А с достаточной степенью достоверности позволяют датировать эту почвенную структуру второй половиной X – первой половиной XIII в. Самую многочисленную группу предметов из железа образуют *ножи и фрагменты ножей* – с прямой спинкой (до первой четверти XI в.), широкосрединный с длинным тонким черенком (до первой четверти XII в.) и с симметричными уступами при переходе от черенка к лезвию (с XII в.) (*Леонтьев*, 1996. С. 104–106; *Минасян*, 1980. С. 68–74) (рис. 4: 1–3). Единственный наконечник стрелы из этого слоя – плоский клиновидный с плоским черенком, тип 44 по А. Ф. Медведеву, датируемый IX–XI вв. (*Медведев*, 1966. С. 67) (рис. 4: 4). Заслуживают внимания находки инструментов деревообработки – струга и ложкарей (рис. 4: 5, 6). Железная спиралеконечная уплощенно-ромбического сечения фибула датируется X – первой четвертью XI в. по многочисленным аналогиям на памятниках лесной зоны Восточной Европы, в т. ч. и Верхнего Поволжья (*Мальм*, 1967. С. 156) (рис. 4: 7). Тем же временем можно датировать железные иглы с кольцами. (рис. 4: 16, 17).

Предметы из цветного металла представлены перстневидным височным кольцом (рис. 4: 8) и двумя крестиками-тельниками. Один из них, с «пухлыми» завершениями перекладин, не закончен производством – у него не пробито ушко, что дает все основания предполагать местное производство. Датируются такие крестики многочисленными аналогиями XI–XII вв. (рис. 4: 9). Другой крестик с дугами в средокрестии и шариками на концах и в центре датируется XII в., и относительно места его изготовления ничего определенного сказать нельзя (*Николаева, Недошвина*, 1997. С. 173; 349. Табл. 103: 18, 22) (рис. 4: 10).

Из костяных предметов, помимо проколов, следует упомянуть расколотый томар – наконечник стрелы из трубчатой кости для стрельбы по пушному зверю, аналогии которому известны в материалах раскопок Сарского городища (рис. 4: 11), и шахматную фигурку ладьи, близкую к фигуркам, датируемым XIII в. (рис. 4: 12). Предметы из камня представлены шиферными пряслицами (рис. 4: 18).

Помимо перечисленных выше предметов, для датировки прослойки 5А большое значение имеют стеклянные желтые, синие и полосатые бусы-«лимонки», которые в соседнем Ростове, как и в Новгороде, не переживают начала XI в. (*Самойлович*, 2006. С. 380) (рис. 4: 13–15).

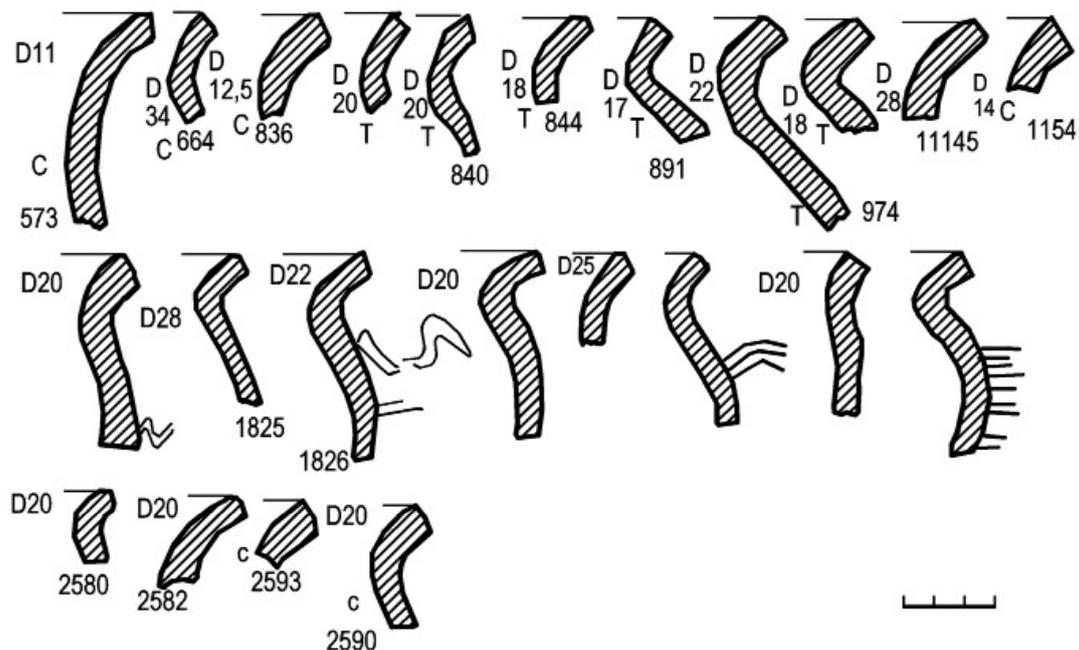

Рис. 5. Углич-2018. Раскоп 25. Гончарная керамика

Исходя из этих данных, верхний горизонт слоя 3 – *прослойку 5А* – следует датировать второй половиной X – началом XI в. – первой третью XIII в. Такая датировка в целом не противоречит хронологии слоя 3, установленной исследованиями предшествующих сезонов, хотя, как отмечалось выше, на участке раскопа 25 формирование слоя 3 завершается несколько раньше в связи с перепланировкой княжеского двора и возведением первого Спасского собора.

Находки из *прослойки 5Б*, образовавшей нижний горизонт слоя 3, немногочисленны: костяные проколки, железный нож с прямой спинкой и фрагменты лепной керамики. Нижняя дата *прослойки 5Б* по материалам раскопок 2018 г. не может быть определена с должной степенью достоверности; однако здесь уместно напомнить о находке крестовидной бронзовой фибулы с железной иглой VII–VIII вв. н. э. в предматериковых отложениях на участке раскопа 2 1986 г., непосредственно примыкавшего к раскопу 25 с ЮВ. (Томсинский, 2004. С. 87) Следовательно, можно уверенно предполагать, что она сформировалась в период существования на мысовой площадке и береговых террасах поселения финно-угров, на месте которого был основан древнерусский город Угличе Поле (Томсинский, Турова, 2006).

Коллекция фрагментов керамики с участка раскопа 25 весьма выразительна как иллюстрация выводов исследователей средневековых древностей Волго-Окского междуречья о взаимодействии финно-угорских и древнерусских традиций гончарства в X–XII вв. В прослойке 5А присутствуют фрагменты как лепной керамики финно-угорской традиции, так и древнерусской развитой гончарной, что вполне соотносится с представлениями о длительном – до XII в. – бытовании лепной керамики в регионах с заметным финно-угорским субстратом. В прослойке 5Б обнаружены только фрагменты лепной керамики.

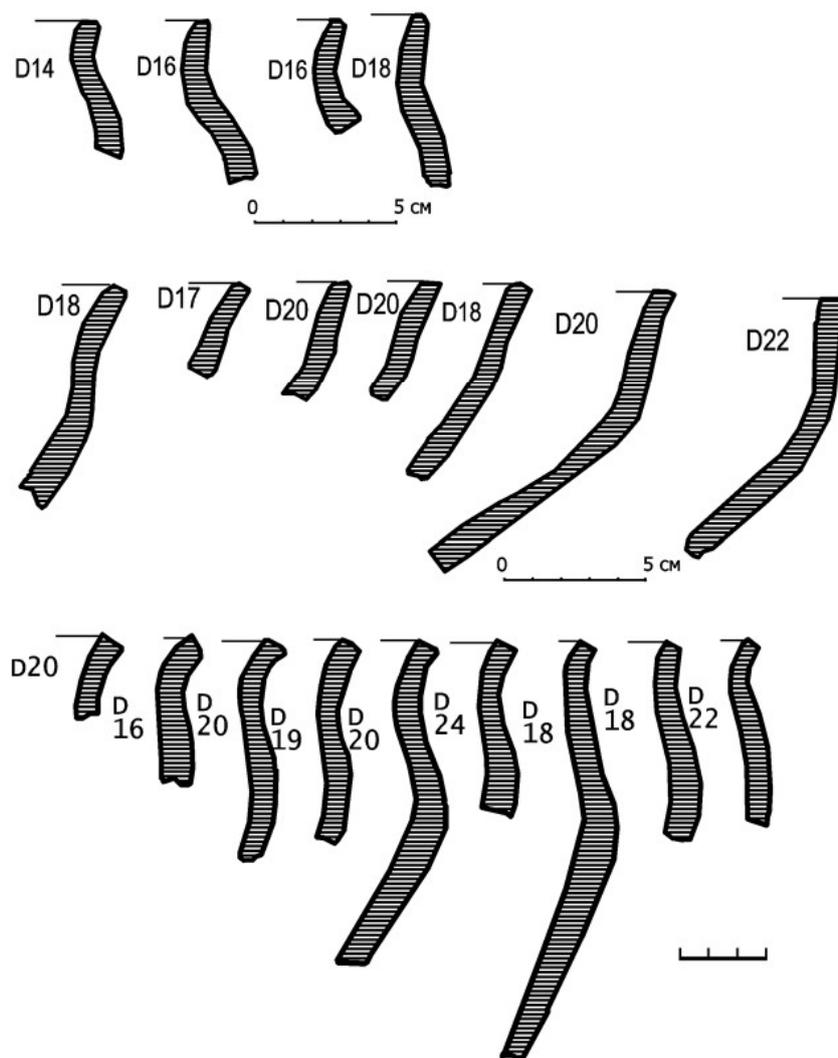

Рис. 6. Углич-2018. Раскоп 25. Лепная керамика

Древнерусская гончарная керамика с участка раскопа 25 из прослойки 5А обнаруживает многочисленные аналогии в материалах раскопок синхронных памятников Волго-Окского междуречья и сопредельных регионов (рис. 5). Следует отметить преобладание фрагментов гончарных горшков с косо срезанным венчиком, бытовавших в XI–XII вв. (Лапшин, 1992. С. 96). Такое оформление венчика могло, очевидно, соотноситься с традицией аккуратно уплощенных венчиков финно-угорской лепной керамики, сосуществовавшей какое-то время с гончарной.

Финно-угорская лепная керамика с участка раскопа 25 характеризуется теми же признаками, которые уже зафиксированы в процессе раскопок на других участках территории угличского кремля и на поселениях ближайшей округи Углича: примесь мелкой дресвы или песка в тесте, тщательная обработка (однако без следов лощения) наружной поверхности сосуда, аккуратно уплощенный, реже закругленный, венчик. Реконструированные формы находят многочисленные аналогии в материалах раскопок раннесредневековых памятников округи Ростова и Суздальского Ополя (рис. 6).

Под слоем 3 на участке раскопа 25, как и по всей мысовой площадке кремля, отложился слой 4 – предматериковая оподзоленная супесь. В отличие от раскопов, заложенных в восточной части мысовой площадки вдоль Каменного ручья, здесь не зафиксирована распашка предматериковой почвенной структуры, зато обнаружены вполне отчетливые следы кустарниковой растительности, покрывавшей склон береговой террасы еще до возникновения финно-угорского поселения.

Таким образом, работы 2018 г. на участке раскопа 25 дали новый и весьма важный для реконструкции планировки мысовой площадки угличского кремля материал – хотя и без таких находок, которые при желании можно было бы представить как «сенсационные». Наиболее значимыми результатами этих исследований можно считать уточнение хронологии начального периода существования княжеского двора, на периферии которого оказался раскоп 25, и подтверждение предположений о распространении ареала культурного слоя финно-угорского поселения VII–X вв. с террас левого берега Волги на западную часть плато вдоль устья оврага, впадавшего в Шелковку. Восточная часть плато в период существования этого поселения, как установлено исследованиями предшествующих сезонов, подвергалась интенсивной распашке («ближняя пашня»), а перед мысом, отделявшим от Волги устье Каменного ручья, в X в. возникло языческое святилище. (Томсинский, 2017). Появились основания окончательно признать, что именно мыс, образованный оврагом и устьем Шелковки, и был изначально ядром поселенческой структуры финно-угров, из которой со второй половины X в. и начал развиваться укрепленный центр древнерусского города Угличе Поле.

Литература

- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде / Ред. Б. А. Колчин. М.: Наука.
- Латишин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Ред. С. А. Плетнева. М. С. 90–102.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. М.: ИА РАН. 339 с.
- Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. СПб. С. 118–153.
- Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. [Вып. 3]. М. (Труды ГИМ; вып. 43).
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIII вв. М.: Наука. 182 с. (САИ; вып. Е1-35).
- Миносян Р. С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 21. С. 68–74.
- Николаева Т. В., Недошивина Н. Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука / Ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. С. 166–178. (Археология).
- ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 267 с.

- Самойлович Н. Г.*, 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья: К 80-летию К. Н. Комарова / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. С. 371–386.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) М.: Наука. 195 с.
- Томсинский С. В., Турова Е. А.*, 2006. Новые данные о мерянском компоненте в культуре Углича Поля в конце I – начале 2 тыс. н. э. // Археология Верхнего Поволжья: К 80-летию К. Н. Комарова / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. С. 387–395.
- Томсинский С. В.*, 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 320 с.
- Томсинский С. В.*, 2017. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 г. // АВСЗ. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М. С. 154–163.
- Щапова Ю. Л.*, 1956. Стекланные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1 / Ред. А. В. Арциховский. М.: Наука. С. 164–179. (МИА; № 55).

Сведения об авторе

Томсинский Сергей Владимирович, Государственный Эрмитаж,
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

S. V. Tomsinskiy

RESEARCH IN THE UGLICH KREMLIN IN 2018

Summary. The article presents the results of excavations 2018, continuing research of the monument began in the 1980s, the Most important results of these studies can be considered a refinement of the chronology of the initial period of the existence of a princely court, on the periphery of which was a 25 excavation and confirmation of the assumptions about the distribution of the area of the cultural layer of the Finno-Ugric settlement of the VII–X centuries from the terraces of the left Bank of the Volga river in the Western part of the plateau along the mouth of the ravine, which flows into Shelkovka. The Eastern part of the plateau during the existence of this settlement, as established by the investigations of previous seasons, was subjected to intensive ploughing (“near arable land”), and before the promontory separating from the Volga mouth of Stone Creek, in the X century there was a pagan sanctuary.

Keywords: Ancient Russia, Uglich, Kremlin, Finno-Ugric, the State Hermitage Museum.

Е. А. Турова

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА СЕЗОНА 2018 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КОМПЛЕКСА ДВОРЦА УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ В УГЛИЧСКОМ КРЕМЛЕ

Резюме. Древнерусская экспедиция Государственного Эрмитажа в 2018 г. провела археологические исследования в Угличском кремле. На участке перед алтарем Спасо-Преображенского собора (1700 г.) раскопками зафиксирован горизонт строительства старейшего белокаменного Спасского собора Угличского кремля. Стратиграфия антропогенных отложений на участке и датировка комплекса находок позволяют отнести строительство храма ко времени ок. 1436 г. и связать его с именем Дмитрия Шемяки. Изучение более поздних строительных слоев позволило говорить о коренной перестройке собора с возведением его каменных портиков в царствование Андрея Васильевича Великого (после 1462 г.). Впоследствии, примерно в 1480–1484 гг., собор и притвор были включены в перестроенный для Андрея Большого дворцовый комплекс, построенный из кирпича. Результаты раскопок уточняют датировку и атрибуцию археологических исследований И. А. Тихомирова (1900) и Вал. А. Булкина (1985–1989) в Угличском кремле.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, XV в., Углич, кремль, Спасо-Преображенский собор, дворцовый комплекс, Государственный Эрмитаж.

Начало археологическому изучению ансамбля дворца удельных князей в Угличском кремле было положено в июле 1900 г. исследованиями И. А. Тихомирова. Раскопки в северо-западной, приволжской, части территории кремля были проведены методом трассировки стен. Их результатом стало раскрытие остатков разобранных единовременно каменных и кирпичных кладок основания главного собора кремля и примыкавших к нему строений (рис. 1).

Комплекс разновременных зданий Тихомиров определил как кладки северной абсиды древнего Спасо-Преображенского собора, датированного им XV в., кладки,

Рис. 1. План дворца угличских удельных князей, составленный И. А. Тихомировым по результатам раскопок 1900 г. (по: Тихомиров, 1906. К стр. 402)

как он считал, более позднего собора XVII в., занявшего место древнего и предшествовавшего ныне существующему храму 1700–1706 гг., и комплекс гражданских построек, располагавшихся между северным фасадом собора и кромкой высокого берега Волги.

Все постройки были замкнуты, по мнению исследователя, т. н. волжской стеной, шедшей по краю волжского откоса. Ширину стены Тихомиров обозначил в 160 см, длина определена не была. По предположению исследователя, стена продолжалась вдоль всего берега и служила аналогом возведённой позднее деревянной крепостной стены, зафиксированной в 17 столетии. (Тихомиров, 1906. С. 401–414).

С 1985 по 1989 г. раскрытый Тихомировым комплекс построек был вновь исследован археологической экспедицией Ленинградского государственного университета под руководством Вал. А. Булкина. Конфигурация раскопов повторяла абрис раскрытых в 1900 г. кладок с тем отличием, что в части помещений раскрывалось внутреннее пространство. Снаружи от кладок слой разбирался на расстояние, необходимое для раскрытия вертикальной поверхности стен. Во вновь заложенных шурфах внутри существующего собора XVIII в. были открыты примыкавшие к утраченной южной стене древнего храма пирамидальные конструкции из белого камня и кирпича (рис. 2, 3).

В ходе неудачной попытки консервации кладок в 1989–90-х гг. стенки раскопа 1980-х гг. были подрезаны под углом и подсыпаны грунтом для формирования пологого склона. Когда стало очевидно, что уложенная на открытые стены цементная стяжка способствует стремительному разрушению кладок, их засыпали песком (рис. 4).

Результаты исследований Спасского собора были тезисно (без иллюстраций) опубликованы в 1991 г. (Булкин, 1991) Данные раскопок 1985–1989 гг. по дворцовому комплексу при жизни Вал. А. Булкина опубликованы не были. После кончины Вал. А. Булкина, в 2016 г., материалы раскопок были переданы наследниками А. М. Салимову, который осуществил их публикацию уже под двумя фамилия-

Рис. 2. Кладки нижних частей стен северной апсиды древнего Спасо-Преображенского собора (ок. 1436 г.), основания столбов папертей (ок. 1470 г.), стен и пола нижнего этажа палаты дворца угличских удельных князей (ок. 1480–1484 гг.), раскрытых в 1985–1986 гг. под рук. Вал. А. Булкина. Фото 1986 г. Коллекция Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея

Рис. 3. Кладка апсиды древнего Спасо-Преображенского собора (ок. 1436 г.), папертей (ок. 1470 г.), и палаты дворца угличских князей (ок. 1480–1484 гг.), раскрытых в 1985–1986 гг. под рук. Вал. А. Булкина. Фото 1986 г. Коллекция Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея

Рис. 4. Кладки нижних частей стен воротного проезда дворца угличских удельных князей после консервации начала 1990-х гг. Вид со стороны внутреннего двора дворца. Фото 2002 г.

ми (Булкин, Салимов, 2017). Публикация, введя в научный оборот часть чертежей и фотографий (разрезы и стратиграфии опубликованы не были), в трактовке результатов раскопок продемонстрировала позицию, по ряду существенных положений отличающуюся от позиции автора исследований, опубликованной в 1991 г.

В основу датировки собора В. А. Булкиным был положен тот факт, что сохранившаяся кладка в нижней, цокольной части была выполнена из белого камня, а выше – из кирпича, размером $28\text{--}30 \times 17,5\text{--}19,5 \times 6\text{--}7$ см. Принимая тезис, что смешанная техника кладки была характерна для построек Москвы начиная с середины XV в., автор раскопок отнес собор к этому периоду и, находя аналоги кирпичу кладки собора в конце 1470-х – начале 1480-х гг., связал его постройку с именем Андрея Васильевича Большого, сына Василия Темного, княжившего в Угличе с 1462 по 1491 г. Такая датировка соответствовала традиции, зафиксированной письменными источниками с XVII в.

Подчеркнем, что «гипотезу о первоначальном чисто белокаменном храме» Вал. А. Булкин был вынужден «решительно отвести, поскольку слой строительного развала, образовавшийся в ходе возведения храма, един, хотя и неоднороден, в нижней части слой состоит из белокаменных отщепов, а в верхней из кирпичного боя» (Булкин, 1991. С. 242).

Исследователем был сделан принципиально важный вывод о том, что храм и примыкающие к нему дворцовые постройки относятся к разным периодам в силу различий технико-технологического и стратиграфического характера, а именно:

- храм имел белокаменную часть, дворцовые постройки целиком сложены из кирпича;
- кирпичи храма и гражданских построек отличаются по размеру и принадлежат разным строительным периодам;
- стратиграфически различны уровни, с которых была осуществлена закладка фундаментов храма и дворца, уровень впуска дворцовых фундаментов выше.

Разводя постройку храма и дворца по времени, Вал. А. Булкин, «по кирпичу и аналогиям в декоре», датировал строительство дворца также в пределах времени княжения Андрея Большого (1461–1491), Стратиграфические датировки в позиции, аргументирующие датировку собора и дворца, включены не были.

Почти диаметрально противоположно излагает результаты тех же исследований А. М. Салимов. Отмечая ступенчатый характер верхней части кладки стены северной абсиды храма, он подчеркивает, что единый уровень поверхности цоколя формируется за счет вставок кирпичной кладки. Заметим, что так происходит при разборке кладки и возведении стены вновь из другого материала. Но А. М. Салимов видит в этом смену технологии и материала на «более прогрессивный?» или смену «строительной организации» в процессе строительства, поскольку «в стратиграфическом разрезе фиксируется незначительный перерыв в строительстве между белокаменной и кирпичной частями храма, маркированный тонкой прослойкой гумуса» (Булкин, Салимов, 2017. С. 85–86) Означает ли это, что прослойка времени строительства не едина, как утверждал Булкин, и какими характеристиками должна обладать «тонкая прослойка гумуса», чтобы по ней делать вывод о перерыве в строительстве, а не о том факте, что рабочие пришли в один из дней на площадку в дождь по грязной дороге? Но, по мнению А. М. Салимова, разборка храма не имела места, поскольку не было найдено прослойки разборки.

Обращаясь к имеющимся материалам раскопок, мы видим, что стратиграфия антропогенных отложений у фундамента собора была доступна, исходя из текстов публикаций и плана раскопа, только на одном небольшом участке – восточном участке северной стены храма, площадью ок. 1,5 × 1 м (Булкин, Салимов, 2017. С. 83, 85, 86. Илл. 6, 8, 9). На остальной линии стены фундамент закрыт примыкающими кладками, которые неизбежно должны были уничтожить такую прослойку. Вопрос о смешанной технике, как датирующей характеристике и основании для дальнейших построений, остался в этом случае повисшим в воздухе.

Вал. А. Булкин однозначно утверждает: «храм был четырехстолпным, имел подклет, фасады завершались закомарами, а весь объем завершался одной главой на постаменте... Каких либо пристроек с севера и юга храм не имел, а упоминаемые в описи приделы находились внутри» (Булкин, 1991. С. 242).

Публикация Салимова постулирует, что при уничтожении древнего собора на рубеже XVIII в. «был уничтожен значительный по площади и набору помещений подклет Похвальского придела и окружавшие собор паперти» (Булкин, Салимов, 2017. С. 76).

Крайне важным с этой точки зрения представляется момент атрибуции белокаменных кладок, сложенных в полубутовой технике, определенных И. А. Тихомировым как «собор XVII в.» (*Тихомиров*, 1906. С. 404, 405. Илл. к стр. 402), а В. А. Булкиным как «контрфорсы», возведенные при первом каменном соборе (*Булкин*, 1991. С. 240).

Допуская постройку собора, т. н. контрфорсов и дворцовых построек, в рамках трех технологически не соотносимых строительных мероприятий, в пределах княжения Андрея Большого, исследователь вынужден ответить на вопрос о причинах, по которым вновь отстроенный собор в течение менее чем тридцатилетнего периода правления перестраивался трижды в разных техниках. Объединив белый камень и кирпич при строительстве собора смешанной техникой, автор работ 1980-х гг. объяснил необходимость скорой перестройки собора аварийным состоянием недавно возведенного здания из-за слабости грунтов (что не подтверждается археологическими исследованиями 1990-х гг.) и неглубокой (70–90 см) закладкой фундамента. Эта позиция делала логичной атрибуцию белокаменной обстройки как укрепляющих здание контрфорсов.

Но в практике древнерусского строительства неизвестны случаи возведения подпорных конструкций в подобных случаях. Была принята разборка до цоколя или подклета и возведение нового здания.

Публикация А. М. Салимова сохраняет эту атрибуцию автора исследования. (*Булкин, Салимов*, 2017. С. 86, 94). Но остается открытым и вопрос о паперти собора. Ее локализация так и не определена, и ее конструкции не отождествлены ни с одной из кладок.

Согласно писцовой книге 1674–1976 гг., паперть имела «стены и столбы каменные без сводов, мосты деревянные, да на той же паперти колокольница рубленая шатровая, на ней благовестный колокол двадцать пуд, другой благовестной колокол в пятнадцать пуд, два колокола восемь пуд, два ж колокола меньших зазвонных полчетверти пуда» и «часы боевые» (*Выпись с писцовых книг...*, 1892. С. 39).

Учитывая, что кладки кирпичных палат вплотную примыкают, а в северо-восточной части просто врезаны в белокаменные конструкции т. н. «контрфорсов», места для размещения папертей просто нет. Подклетами Похвальского придела, вынесенного, вопреки позиции Булкина, в его посмертной публикации, за пределы основного объема храма, Салимов предлагает считать собственно дворцовые помещения (*Булкин, Салимов*, 2017. С. 75, 76), не оставляя места и самому дворцу.

Работы Древнерусской экспедиции ГЭ сезона 2018 г. одной из целей ставили соотнесение стратиграфических характеристик и датировок, полученных в результате исследования площадки, прилегающей к кладкам дворцового комплекса, с ранее исследованной кладкой воротного проезда дворца¹. Северной стенкой раскоп 25 (2018 г.) был прирезан к участку раскопа ЛГУ 1985–1989 гг. Для раскрытия кладки был выбран участок у западного пилона воротного проезда дворца, где на ширину около 2 м культурный слой в ходе исследований 1980-х гг. не разбирался (прирезка 1). Кроме того, кладки во время предшествующих исследований раскрывались только до нижнего обреза стен.

¹ План-схему расположения раскопа 25 см. на рис. 1 к статье С. В. Томсинского в данном сборнике.

Рис. 5. Углич 2018. Раскоп 25 Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Прирезка 1. Западная стенка. Стратиграфия. Фрагмент кирпичной кладки стены и кладка фундамента воротного проезда дворца удельных князей. Вид с ЮВ. Фото 2018 г.

Выяснилось, что напластования времени разрушения кладок дворца сохранились частично, а расположенные ниже – сохранились непо потревоженными.

По результатам работ сезона 2018 г. формирование антропогенных отложений на исследуемом участке происходило следующим образом (рис. 5).

Выше предматериковой оподзоленной супеси отложились углистые прослойки и линзы (5Б, 5А) мощностью до 60 см, сформировавшиеся, согласно выводам С. В. Томсинского, в период существования на участке комплекса производственного назначения, верхняя дата которого не выходит за пределы первой трети XIII в.

Далее на площадке начинает формироваться прослойка 4, мощностью до 35 см, однородной серо-коричневой супеси со следами травянистой растительности и, местами, прослойками погребенного дерна.

В северо-западной части раскопа 25 прослойка 4 теряет однородность. В ней зафиксированы линзы перекопов и три ямы погребений, трапециевидного профиля, глубиной до 0,6 м, преимущественно исследованные в прирезке 1. В одной из ям обнаружены в перекопе мелкие фрагменты берцовых костей плохой сохранности, а в одной – кости нижних конечностей в анатомическом порядке (фаланги не сохранились). Зафиксированы остатки нижних частей двух ям, возможно,

от надгробных сооружений. Линзы перекопов между впусками ям отлагались на всем протяжении формирования прослойки. На остальной части раскопа прослойка 4 отлагалась как почти не поврежденный перекопами участок с длительное время существовавшей травянистой растительностью. Датировка прослойки 4, по материалам раскопа, середина XIII – середина XV в.

Очевидно, что северо-западный участок раскопа 25 затронул крайние погребения на южной границе кладбища, основная часть которого располагалась ближе к Волге, под кладками дворца (Томсинский, 1997. С. 54). Его существование следует связывать с существованием деревянного Спасо-Преображенского собора, первое упоминание о котором фиксируется московским летописным сводом под 1249 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 141).

Ранее границы кладбища определены не были. Данная локализация свидетельствует о том, что первый деревянный собор располагался значительно ближе к Волге, а также о том, что к моменту строительства дворца факт существования кладбища был уже прочно забыт.

В верхнем горизонте прослойки 4 на всей площади раскопа зафиксирована прослойка огоревшего древесного тлена – остатки деревянного мощения, местами с засыпкой речного песка. Ближе к погребениям прослойка местами имеет нитевидный характер, но перекопами не повреждена, что может быть маркером прекращения функционирования кладбища. Формирование прослойки 4 после пожара было не очень длительным. Мощность микрогоризонта 2–4 см.

Выше на северном участке раскопа отложилась прослойка (4А) отесов белого камня без примеси каких-либо других составляющих. Ее мощность 1–5 см, максимальная – в западной стенке, что соответствует положению абсид древнего каменного Спасского собора. Это самый ранний строительный горизонт на исследуемом участке. Есть все основания связывать его со строительством первого каменного собора Углича. Никаких следов кирпича, даже в виде крошки, на этом уровне не обнаружено.

Таким образом, на заключительном этапе формирования прослойки 4 площадка с деревянным мощением, примыкавшая к кладбищу с юга, пострадала от пожара, после чего функционирование кладбища прекратилось, а территория некоторое время зарастала травой, после чего было начато строительство каменного собора. Есть основания утверждать, что между пожаром, маркирующим прекращение функционирования кладбища, и строительством нового собора прошло некоторое время, возможно, до одного-двух десятилетий.

Стратиграфически, по материалам раскопа, прослойка белокаменного строительства может быть широко датирована в пределах первой половины XV в.

Следующий строительный горизонт связан с постройкой кирпичных стен дворцового помещения. Общая мощность напластований, разделяющих белокаменное строительство и возведение стены дворца, от 12 до 18 см, что дает основания значительно разводить их по времени.

Состав и характер этих напластований также не дает возможности говорить об их формировании в течение короткого периода. Прослойка отесов белого камня перекрыта линзами (1 мм–3 см) органического тлена и угля, местами с крошкой белого камня. Выше отложился нижний горизонт прослойки 3, серо-коричневой супеси,

с выраженными следами травянистой растительности, мощностью 4–11 см. В среднем и верхнем горизонтах прослойки фиксируются линзы (мощность ок. 1–2 мм) мелкой крошки белого камня и линзы (мощность 1–3 мм) органического тлена.

Выше фиксируется прослойка древесного тлена, мощностью до 4 см, возможно, остатки мощения. С его верхней границы впущен фундамент кирпичной стены дворцовой постройки.

Технологически этот фундамент по всем параметрам кардинально отличается от исследованного в 1980-х фундамента собора. Фундамент дворцовой стены, мощностью 90 см, уложен в траншею, сложен не очень аккуратно из небольших (ок. 20 см в поперечнике) гранитных валунов с обильной проливкой плохо промытым известковым раствором, местами практически без песка.

В уровне верхнего обреза фундамента выполнена двуслойная подсыпка 2Д, состоящая из линз строительного мусора от разрушенных кладок. В верхнем горизонте – по преимуществу из развала крошки белого камня и крошки белого, с примесью речного песка, известкового раствора; встречено несколько мелких фрагментов фресковой штукатурки, фрагменты непромешанного раствора (возможно, раствора забутовки). В нижнем горизонте подсыпка преимущественно состоит из развала кирпичной крошки и мелкого щебня. Тот факт, что фундамент впущен с нижней границы подсыпки, а кладка стены частично перекрывает подсыпку, однозначно свидетельствует об их одновременности. На подсыпку уложено и кирпичное мощение воротного проезда.

Выше сформировался верхний горизонт прослойки 3, серо-коричневого суглинка, местами со следами травянистой растительности, мощностью до 10 см, перекрытый на нескольких участках раскопа линзой полуобожженной глины, мощностью 4–8 см.

Аналогичное по характеристикам мощение из глины, зафиксированное во внутреннем дворе дворца, с противоположной стороны от воротного проезда, в раскопе 12 в 1996–1997 гг. (Томсинский, 2004. Рис. 8), позволяет атрибутировать линзу глины раскопа 25 как остатки позднейшего мощения перед воротами. В раскопе 90-х гг. оно подстилало уверенно датированную прослойку, отложившуюся в ходе литовского разорения начала XVII в.

На площадке раскопа 2018 г. глиняное мощение также перекрыто углисто-золистой прослойкой, но на подавляющей части раскопа эти напластования уничтожены при строительстве существующего собора, начало которого датируется письменными источниками и материалами раскопа 1700 г.

Эти стратиграфические характеристики дают основание относить строительный горизонт времени возведения дворца к последней четверти XV в. Невыраженные линзы крошки белого камня, отложившиеся между горизонтами белокаменного строительства и строительства кирпичного дворца, могут быть, с известной долей осторожности, соотнесены с работами по перестройке белокаменного здания, занимающими срединное положение между двумя строительными горизонтами.

Невыраженность строительных прослоек может быть объяснена данными по стратиграфии заполнения оврага, располагавшегося в этот период к югу, у существующего собора. Стратиграфия предоставлена нам жителем г. Углича, работавшим в 2007 г. на устранении аварии теплосети.

Полученные данные дают основание высказать ряд соображений, касающихся датировок и атрибуции кладок, раскрытых экспедицией ЛГУ.

Анализируя экономико-политическую ситуацию в Угличском княжестве первой половины XV в., наиболее вероятной представляется возможность строительства каменного храма в княжение Константина Дмитриевича, сделавшего Углич своим местопребыванием с конца 1420-х гг. (ок. 1427 г.) до его смерти в 1433 г. и в княжение Дмитрия Юрьевича Шемяки, владевшего Угличем, как основным уделом, с 1434 по 1448 г. (*Экземплярский*, 1891. С. 141). Кандидатура последнего представляется более вероятной, поскольку зимой 1436 г. Дмитрий Шемяка был «пойман» в Москве, куда поехал приглашать великого князя на свадьбу. (ПСРЛ. Т. 25. С. 252). Такое приглашение и само венчание в Угличе, а не в Успенском соборе, как это было принято по обычаю, могло состояться только при наличии в Угличе в это время каменного храма.

Отнесение постройки каменного храма ко времени ок. 1436 г. и связь его с именем Дмитрия Шемяки делают объяснимой последующую перестройку собора в княжение Андрея Большого. К началу его правления в 1462 г. храм существовал бы уже около 30 лет. Связь его с личностью Шемяки, организатора ослепления его отца Василия II и заточения его в Угличе, равно как и возможное повреждение собора в 1447 г. при взятии города Василием II (вероятно, его маркируют углистые линзы, перекрывающие прослойку строительства собора), давали все основания для его радикальной перестройки.

Полное отсутствие каких-либо следов кирпича в нижнем строительном горизонте дает основание говорить о том, что наиболее вероятным следует считать возведение Угличского Спасского собора целиком из белого камня. Единая двухкомпонентная строительная прослойка, отнесенная Вал. А. Булкиным к строительству собора и давшая основание для заключения о смешанной технике при возведении древнего храма и далее о принадлежности всех последующих строений периоду правления Андрея Большого, вероятнее всего, является подсыпкой времени строительства дворца. Примененная исследователем методика трассирования кладок могла привести к подобной ошибке. Другой аргументации в пользу изначального возведения собора в смешанной технике известные нам материалы раскопок 1980-х гг. не дают.

Вероятнее предположить, что по вступлении во владение Угличем Андрей Васильевич перестроил собор в кирпиче (вероятнее, около 1470 г., перед вступлением в брак). Материал от разборки белокаменных кладок пошел на возведение полубутовых конструкций обстройки.² Местоположение и бессмысленная для контрфорсов конфигурация белокаменных столбов, в промежутках между которыми были сделаны валунные выкладки, дают веские основания переатрибутировать кладки т. н. «контрфорсов» как основание папертей и крылец собора.

Остальная часть Спасского собора была выполнена в кирпиче. Этот факт косвенно подтверждается тем, что развалы разборки собора 1700 г., зафиксированные в раскопе 2018 г., практически не содержат белокаменных обломков. Несколько

² Подобная обстройка была произведена в 1416 и в 1482–1489 гг. при перестройке Благовещенского собора Московского кремля, разбивавшегося по подклет (*Федоров*, 1974. С. 125–129).

белокаменных квадров происходят, очевидно, из кладки цоколя древнего собора, выбранной при постройке северного портика Похвальского придела, датируемой около 1837 г. (*Горстка*, 2002. С. 18).

Фрагменты кирпича, извлеченного из заполнений ям и напластований, сформировавшихся в ходе работ 1700-х гг. по разборке собора, демонстрируют более широкий диапазон форматов (17,3–19,3 × 5,5–7,3 см; 14–15,8 × 6–6,8 см; 12,8–13,5 × 6–7 см, длина не фиксируется), чем отраженные в публикациях по исследованиям 1980-х гг.³ и несколько модификаций известкового раствора, только один из которых визуальным образом отождествим с раствором кладок дворцовых построек кремля. Раскрытая незначительная часть кладки кирпичной стены дворца также демонстрирует на участках, не имеющих следов перекладок, размеры кирпича, ранее в научный оборот не введенные (28,5–29,8 × 13,5–15 × 5,5–8,5 см).⁴

Строительство каменного дворца требовало включения собора в новый ансамбль, в связи с чем соборные паперти были вновь перестроены. Их столбы и крыльца были надложены до нужной конфигурации кирпичом наиболее распространенного «дворцового» формата.

Такая строительная инициатива наиболее вероятна с 1480 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 328), когда было подписано окончание, примирившее Андрея Васильевича с братом и создавшее возможность обустройства удела без угрозы новой войны, и до 1484 г., года смерти его матери, Марии Ростовской (*Экземплярский*, 1889. С. 187), покровительствовавшей сыну и служившей ему защитой.

Литература

- Булкин В. А.*, 1991. К ранней истории Спасо-Преображенского собора в Угличе // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: материалы 2-й регион. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород. С. 238–243.
- Булкин Вал. А., Салимов А. М.*, 2017. Строительство Андрея Большого в Угличском кремле по материалам архитектурно-археологических исследований 1985–1989 гг. // SEMINARIUM BULKINIANUM. IV: К 80-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб. С. 72–104.
- Выпись с писцовых книг писма и меры стольника Михаила Феодоровича Самарина да подъячева Михаила Русинова 132 и 133 и 134 годов // Труды Ярославской ученой архивной комиссии. Вып. 2. М., 1892. С. 33–39.
- Горстка А. М.*, 2002. Спасо-Преображенский собор в Угличе. М. ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 1949.
- Тихомиров И. А.*, 1906. Раскопки в Угличском кремле // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Издание Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь. С. 401–422.

³Размер кирпича раскрытой в 1980-х гг. кладки северной апсиды собора: 28–30 × 17,5–19,5 × 6–7 см (*Булкин*, 1991. С. 239) Публикация А. М. Салимова сужает диапазон размеров кирпича той же кладки до 29 × 19,5 × 6 см, в другой части работы повторяет данные статьи 1991 г. (*Булкин, Салимов*, 2017. С. 82, 84). Известный по публикациям формат кладки дворцовых построек: 30–32 × 14–16 × 5,5–6,5 см (*Булкин*, 1991. С. 240; *Булкин, Салимов*, 2017. С. 87).

⁴Такой диапазон, вероятнее всего, свидетельствует о наличии в кладках кирпича нескольких форматов. Их характеристики требуют дальнейшей систематизации, выходящей за пределы задач данной работы.

Томсинский С. В., 1997. Угличская экспедиция в 1996 году // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1996 год. СПб. С. 53–55.

Томсинский С. В., 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.

Федоров В. И., 1974. Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960–1972 гг. // СА. № 2. С. 112–130.

Экземплярский А. В., 1889. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб.

Экземплярский А. В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб.

Сведения об авторе

Турова Екатерина Алексеевна, ООО «Еврогрупп», e-mail: e.turova@yandex.ru

E. A. Turova

THE RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL WORK OF THE OLD RUSSIAN EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM OF THE 2018 SEASON IN THE CONTEXT OF STUDIES OF THE PALACE OF PRINCES IN THE UGLICH KREMLIN

Summary. The ancient Russian expedition of the State Hermitage in 2018 conducted archaeological research in the Kremlin of Uglich. On the site in front of the altar of the Transfiguration of the Savior Cathedral (1700), the excavations recorded the layer of construction of the oldest white-stone Savior Cathedral of the Uglich Kremlin. The stratigraphy of anthropogenic deposits on the site and the dating of the complex of finds allows the construction of the temple to be attributed to the time of approx. 1436 and associate it with the name of Dmitry Shemyaka. The study of the later construction layers made it possible to speak of a radical restructuring of the cathedral with the building of its stone porches in the reign of Andrey Vasilyevich the Great (after 1462). Subsequently, around 1480–1484, the cathedral and the porch were included in the rebuilt for Andrei Bolshoi palace complex, built in brick. The results of the excavations correct the dating and attribution of archaeological research I.A. Tikhomirov (1900) and Val.A. Bulkin (1985–1989) in the Uglich Kremlin.

Keywords: ancient architecture, XV century, Uglich Kremlin, Transfiguration of the Savior Cathedral, the Palace, the State Hermitage Museum.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

С. Н. Вахтанов

РЕЗНЫЕ ЛИКИ СУЗДАЛЬСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА XIII в. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО БЕЛОКАМЕННОГО ЗОДЧЕСТВА И СИСТЕМЫ ФАСАДНОГО ДЕКОРА

Резюме. Статья является продолжением ряда исследований, посвященных белокаменной резьбе суздальского Рождественского собора. В ней рассматривается один из самых дискуссионных элементов программы резного декора собора – рельефы женских ликов на консолях фасадных полуколонн. Автор представляет новую интерпретацию роли этих рельефов в архитектуре и декоре храма и демонстрирует развитие семантики этого сюжета в традиции владими́ро-суздальского белокаменного зодчества и фасадной резьбы.

Результаты исследования дают дополнительную информацию для реконструкции первоначальных архитектурных форм Рождественского собора XIII в. и его фасадного декора.

Ключевые слова: суздальский Рождественский собор, белокаменная резьба, владими́ро-суздальское белокаменное зодчество.

Даже то немногое, что сохранилось от фасадного резного декора суздальского Рождественского собора, позволяет тем не менее проследить, как происходило переосмысление и развитие богатейших традиций владими́ро-суздальской школы резьбы по белому камню в начале XIII в. Остатки резьбы, архитектура собора, технология его строительства во многом отличают от предшественников этот один из последних белокаменных памятников домонгольского времени.

Рельефы, имеющиеся сегодня на стенах древнего храма, а также материалы его лапидария демонстрируют целый ряд совершенно новых элементов, появившихся впервые именно на Рождественском соборе в Суздале. Вот наиболее важные из нововведений: резьба на колонках порталов и фасадных пилястр, круглые колонки на южном портале, резные «дыньки»-кронштейны, делящие их пополам

Рис. 1. Резные женские лики на пилястрах южного фасада Рождественского собора: 1 – западный рельеф; 2 – центральный рельеф; 3 – восточный рельеф

Рис. 2. Резные женские лики на пилястрах северного фасада Рождественского собора: 1 – восточный рельеф; 2 – центральный рельеф; 3 – западный рельеф

и совместно с базами и капителями закрепляющие эти колонки в кладке портала (позднее, в XVI–XVIII в.х, на храмах Суздаля первоначальное конструктивное назначение этих «дынек» полностью уступает место декоративности). Следует здесь отметить и орнаментальную ленту, проходящую по фасадам выше аркатурно-колончатого фриза и делящую пилястры надвое, и, наконец, резной наличник, великолепно усвоенный последующей каменной архитектурой Руси.

К элементам традиционным для белокаменных памятников владимиросуздальского зодчества, но получившим здесь особую трактовку, относятся резные женские лики (рис. 1, 2). На Рождественском соборе Суздаля они выступают не в качестве самостоятельных рельефов плоских участков стен, а выполняют слу-

жебную функцию в архитектуре храма, украшая полуколонны, находившиеся первоначально на пилястрах южного и северного фасадов.

Женские лики суздальского собора – это один из самых непростых для понимания элементов программы фасадной резьбы, при объяснении которого удалось бы полностью преодолеть все связанные с этими ликами противоречия.

Одна из особенностей их заключается в том, что все шесть ликов в разной степени отличаются друг от друга. Если рельефы южного фасада более близки по стилю, декоративности и тщательности исполнения резьбы, то северные рельефы выполнены более упрощенно. Обращая внимание на разное качество резьбы ликов, Г. К. Вагнер видел причину этого в работе мастеров разной квалификации. По его мнению, в изготовлении шести ликов участвовали четыре резчика. Наиболее опытные выполнили центральные и левые рельефы на обоих фасадах. Авторство же двух правых рельефов он приписывал подмастерью (*Вагнер, 1975. С. 90*). Причем об одном из них – западном лице северного фасада (рис. 2: 3) – исследователь даже высказал предположение, что этот самый слабый по исполнению рельеф, возможно, не является оригинальным (Там же. С. 70).

Технические и художественные различия рассматриваемых блоков в большой степени касаются и трактовки киотов, в которые помещены женские лики. В отличие от рельефных тщательно проработанных киотов южного фасада (рис. 1), резьба северных киотов выполнена плоскостно, почти графично. На восточном блоке северного фасада (рис. 2: 1) декор киота решен упрощенно, рельеф низкий. На центральном же блоке (рис. 2: 2) киот еще более примитивен, очень скромный орнамент – в виде перекрестной штриховки – имеется только на его капителях. Западный лик (как уже отмечалось, самый «слабый») лишен киота вообще (рис. 2: 3).

Отличия касаются не только качества резьбы и художественно-стилистических характеристик, но есть и конструктивные расхождения.

Во-первых, точно не известна сама форма этих блоков. В историографии принято считать, что блоки с рельефами ликов имеют прямоугольную, близкую кубической, форму. Это мнение никем не оспаривается, и какие-либо иные предположения по этому поводу никогда не выдвигались. Напротив, представление о кубической форме блоков как будто подтверждалось свидетельством А. Д. Варганова о наличии подобных рельефов с женскими ликами и на боковых гранях этих квадр (*Варганов, 1960. С. 146, 147*). Правда, сообщение это было им сделано без конкретного указания на то, какое количество граней и на каких именно блоках подверглось обследованию. Так или иначе, но сегодня одно обстоятельство заставляет усомниться в том, что все шесть блоков имеют одинаковую кубическую форму. На южном фасаде собора в кирпичной стене слева от западного блока с женским ликом находился небольшой зондаж (рис. 3), благодаря которому была измерена толщина этого блока. Она составляет, без учета высоты рельефа на лицевой грани, всего 13 см. То есть блок имеет форму не куба, а плиты. В настоящее время упомянутый зондаж не существует, так как был заложен реставраторами в августе 2007 г.

Во-вторых, существует одна резная деталь, вызывающая целый ряд вопросов благодаря своему характерному конструктивному назначению. Речь идет о полукруглом выступе в виде полукольца с орнаментальной насечкой «елочкой», который из шести камней с ликами присутствует только на западном блоке южного

Рис. 3. Зондаж в кирпичной кладке южного фасада Рождественского собора у западной боковой грани западного блока с женским ликом: 1 – крупный план; 2 – общий вид

фасада. Это кольцо находится под ликом в нижней части блока (рис. 1: 1). Попытка объяснить его назначение была сделана Г. К. Вагнером (*Вагнер, 1975. С. 70*). Он писал, что подобные кольца делались под капителями при переходе последних в фуст колонны. По его мнению, наличие такого кольца рассматриваемого рельефа выглядит странно, так как использованию рельефов с ликами в качестве капителей противоречит призматическая форма блоков камня, на которых они высечены, а также полукруглый выступ сверху, явно служивший основанием для полуколонны. Размышляя о причинах такого конструктивного несоответствия, Г. К. Вагнер предположил, что при перестройке в 1222–1225 гг. гипотетического собора Юрия Долгорукого «в начале, предполагалось заменить простые лопатки нижнего яруса более сложными, с полуколонкой, поэтому на блоке с женской маской № 1 и было предусмотрено кольцо. Но затем от этой мысли отказались; на остальных блоках с масками эти полукольца отсутствуют» (*Вагнер, 1975. С. 167, 168*).

Заметим, что вывод Г. К. Вагнера базируется на его убежденности в существовании собора 1148 г., вся нижняя часть которого (до аркатурно-колончатого пояса) вошла в 1222–1225 гг. в состав Рождественского, сохранив свои плоские пилястры (Там же. С. 20–22, 26). Отстроенный заново верхний ярус собора имел пилястры более сложного вида с резными полуколоннами по их центральным осям. На основе подобных представлений Г. К. Вагнер вслед за А. Д. Варгановым считал камни с рельефами ликов базами этих полуколонн (Там же. С. 25, 74, 90), употребляя термин «база» непременно в кавычках, а иногда называя их более обобщенно и нейтрально – консолями (*Вагнер, 1969. С. 94, 436*). Как известно,

Н. Н. Воронин не разделял версию «промежуточного» собора 1148 г. и рассматривал блоки с женскими ликами в качестве капителей, а не баз (*Воронин*, 1962. С. 28, 36, 486).

Вновь обратиться к вопросу конструктивной принадлежности этих блоков и попытаться объяснить такую избирательность в использовании упомянутого выше капительного вала под ликами (то есть его наличие не во всех, а только в единичных случаях) позволяет ряд выводов относительно архитектурной истории собора, сделанных и озвученных нами в предшествующих публикациях (*Вахтанов*, 2015. С. 104–106; 2016. С. 40, 41). Суть этих выводов в том, что имеющийся нижний ярус Рождественского собора 1225 г. не является частью его предшественника середины XII в., но он и не сохраняет в неизменности первоначальный вид здания начала XIII в. Вся нижняя белокаменная часть собора есть результат восстановительных работ, проведенных во второй половине XV в. после его обрушения в 1445 г.¹ Белокаменная облицовка стен собора и притворов подверглась масштабной переборке. Это, в свою очередь, привело к изменению вида пилястр. Они утратили свои полуколонны и стали плоскими. Изменившаяся архитектура храма уже не позволяла повторить резной декор фасадов в первоначальном виде, но основные его элементы (порталы, наличники, аркатурно-колончатый фриз с горизонтальной лентой плетеного орнамента, женские лики и угловые львы), насколько возможно, были восстановлены. Утраченные или сильно пострадавшие рельефы заменялись новой резьбой, как это мы видим на примере угловых львов северного фасада (*Вахтанов*, 2015. С. 106; 2016. С. 42).

Далее, чтобы определить, какое место в системе фасадного декора собора занимали камни с женскими ликами, и какую роль выполняло упомянутое выше полукольцо, немаловажно учесть следующие обстоятельства, наглядно демонстрирующие на примере Рождественского собора активное развитие традиции владими́ро-суздальского белокаменного зодчества.

Итак, первое из них – это подчеркнутая ярусность здания, возросшее значение архитектурно-декоративных горизонталей. Кроме таких привычных и ставших уже обязательными элементов, как профилированный цоколь и аркатурно-колончатый фриз, в систему фасадного декора суздальского собора были впервые введены архитектурно-художественные средства, четко разделившие верхнюю и нижнюю части здания, не нарушив при этом общее вертикальное членение стен чередующимися пряслами и пилястрами. Речь идет об орнаментальной ленте над аркатурным поясом (о ней подробнее в другом месте), а также об угловых львах и женских ликах. Все вместе они выполняют одну общую задачу – перебивают и делят надвое пилястры, а фасады – на ярусы. О том, что эти «разделители»

¹В первой Новгородской летописи записано, что Рождественский собор рухнул из-за пожара: «месяца априля 20...начашася напрасно святительскыя гробы внутри горети и падати, а на завтрее, в самый праздник Преполовения, падеся церкви сборная святая Богородица» (Новгородская первая летопись..., 2001. С. 424). В связи с этим важно иметь в виду, что и Н. Н. Воронин, и Г. К. Вагнер относили время восстановления собора, обрушившегося в 1445 г., к 1528 г., то есть только через 83 года после постигшей его катастрофы. Подобное мнение об отсутствии восстановительных работ до 1528 г. противоречит свидетельству иеромонаха Иоасафа о том, что к этому году на Рождественском соборе имелись своды и три главы (*Иоасаф*, 1857. С. 98).

Рис. 4. Западные колонки портала южного притвора Рождественского собора

разработки и не имела местных аналогов. Перед зодчими встала задача увязать между собой, с одной стороны, уже сложившиеся традиционные элементы фасадного декора, а с другой – новые архитектурные объемы, наилучшим образом учитывая все их конструктивные особенности. Эти особенности обусловлены самим

или «перехваты» не случайный элемент декора, а часть хорошо продуманной системы, убеждает наличие подобных «перехватов»-кронштейнов и на круглых колонках южного портала (рис. 4). Здесь эти кронштейны (или «дыньки») удерживают колонки в стенной кладке портала и также делят их надвое, создавая при этом впечатление особого богатства резьбы. Обращает на себя внимание еще одна фасадная горизонталь – линия профилированного карниза, прошедшая по стенам верхнего яруса в уровне закомарных пят. И хотя этот карниз был устроен на соборе только в XVI в., правомерно было бы задаться вопросом, не существовал ли в какой-либо форме его прообраз и раньше – в XV или в XIII в.?

Следующее важное обстоятельство, дающее возможность увидеть и понять логику применения полукольца (или, напротив, отказа от него) под рельефами ликов, по нашему мнению, напрямую связано с наличием у собора притворов. Отметим, что в белокаменном зодчестве Владимира и Суздаля этот архитектурный элемент у предшественников Рождественского собора практически неизвестен.² Из этого следует, что практика возведения белокаменного храма с притворами в начале XIII в. еще находилась в стадии своей

² Лишь предположительно Н.Н. Воронин (1961. С. 166, 167) допускал притворы у андреевского Успенского собора во Владимире.

способом пристройки притворов к зданию собора. Примыкая к его фасадам по осям центральных нефов, притворы не только занимают всю ширину соответствующих прясел, но и заходят на их боковые пилястры, присоединяясь к ним и закрывая их торцами своих стенок.

Далее, анализируя имеющиеся факты и не считая их издержкой изменения задач, мы приходим к следующим выводам. Орнаментированное кольцо под рельефом западного лика на южном фасаде свидетельствует только об одном – пилястры собора имели полуколонну не только в верхней своей части (то есть выше аркатурно-колончатого пояса), но по всей их высоте от цоколя до комар.

Это самым естественным и логичным образом соответствует всей динамике и результатам развития школы владимиро-суздальского белокаменного зодчества с той лишь поправкой, что впервые именно на суздальском соборе полуколонны на пилястрах становятся резными. При этом реально свою полную высоту имели не все, а только пилястры, находящиеся на углах здания, и две пилястры южного и северного фасадов, несущие на себе рельефы западных женских ликов. Именно поэтому кольца были сделаны не на всех шести камнях с ликами, а лишь на этих двух. До нашего времени из двух сохранилось только южное кольцо, а северное было утрачено вместе с ликом в XV в. при обрушении и последующем восстановлении собора. Таким образом, вслед за Г. К. Вагнером мы считаем западный лик северного фасада новоделом XV в. (рис. 2: 3).

Что касается остальных пилястр, то на трех фасадах они оказались значительно укорочены притворами. Причем на западном фасаде они короче более чем на половину высоты и, вероятно, над высоким западным притвором они могли быть сделаны изначально плоскими по техническим причинам, о которых будет сказано ниже. На восточном фасаде над апсидами пилястры (за исключением угловых), видимо, отсутствовали полностью, как это мы видим и на других белокаменных памятниках.

Отсутствие колец на остальных рельефах с ликами доказывает, что короткие участки пилястр от ликов до крыш притворов были плоскими. Это требовалось для удобства, надежности и долговечности устройства примыканий двускатных крыш притворов к стенам собора. В том случае, если бы такое примыкание пересекалось сложной, объемной, да еще и полукруглой пилястрой, невозможно было бы избежать появления «пазух» или «карманов», которые, задерживая снег, лед и воду, стали бы причиной быстрого разрушения самой пилястры, белокаменной кладки и, как следствие, протекания кровли притвора.

Таким образом, мы наблюдаем не только декоративное значение блоков с женскими ликами, но и чисто конструктивную их роль в качестве элемента, создающего на пилястре переход от участка со сложным объемным профилем к «техническому» участку этой пилястры – более упрощенному и плоскому. В подобном решении практической задачи нет ничего необычного. Необычными здесь были сами задачи, вставшие перед зодчими, – необходимость соединения новых архитектурных объемов с элементами очень развитой системы фасадного декора. И мы видим, что мастера решают эти новые задачи очень традиционно. Достаточно обратить внимание на то, что на владимирских соборах, даже с очень сложным и богатым резным декором, восточные фасады в промежутке от крыш алтарных апсид

до закомар лишены не только капителей и полуколонн, но и пилястр как таковых. Сегодня приходится только восхищаться тем, как наши предки умели сочетать красоту и соразмерность с практической целесообразностью.

Исходя из вышесказанного об архитектурной принадлежности блоков с женскими ликами, следует заключить, что эти блоки не являются ни базами, ни капителями, как они порой интерпретируются в историографии. Правильнее называть их просто консолями, как это в некоторых случаях делает Г. К. Вагнер. При этом надо отметить, что такая консоль, хотя и «перебивает» пилястру, но не «разрезает» ее на две – верхнюю и нижнюю: верхнюю с полуколонной и нижнюю плоскую. Даже если пилястра изменяла конфигурацию в разных своих частях, она все равно сохраняла свое единство и целостность точно так же, как и круглые колонки с «дыньками» на южном портале собора.

Теперь обратимся еще к одному элементу фасадного декора, который нуждается в определенной увязке с высказанными наблюдениями. Это ленточный фриз с плетеным орнаментом из двойного жгута и пальметт, проходящий над аркатурно-колончатым поясом и пересекающий все имеющиеся в этом уровне фасадные пилястры. Здесь достаточно будет ограничиться замечанием по поводу одного естественного вопроса: если одна из основных задач фриза – подчеркивать ярусность фасадов собора, образуя на них сплошную горизонтальную ленту, то как он мог проходить по тем пилястрам, полуколонны которых как будто бы полностью исключали его присутствие? Строго говоря, только на двух пилястрах действительно не было места для этого фриза. Имеются в виду те пилястры, которые украшены блоками-«перехватами» с рельефами ликов и полукольцами под ними.

Здесь нам остается либо признать, что упомянутый фриз на эти две пилястры не заходил, либо допустить, что переход от консоли с ликом и полукольцом к нижней полуколонне осуществлялся с использованием дополнительной декоративной вставки, которая зрительно компенсировала отсутствие ленты плетеного фриза. На плоских частях других пилястр под ликами этот фриз, видимо, сохранялся так же, как и под львами на углах здания, хотя на этих угловых пилястрах располагалась трехчетвертная колонна. Аналогия такого соединения колонны с прямоугольным блоком в качестве капители имеется тут же на соборе – это «львиные» капители его южного портала (рис. 4).

Об одной из самых любопытных особенностей блоков с женскими ликами на суздальском соборе – присутствии аналогичных рельефов на их боковых гранях – стало широко известно в 1960-м гг. благодаря публикации А. Д. Варганова, упомянувшего, впрочем, что впервые это открытие было сделано П. Д. Барановским. Описывая эти рельефы, А. Д. Варганов не сообщает их местонахождение и количество обследованных блоков. Сами же блоки он предположительно называет базами полуколонок (Варганов, 1960. С. 147). Исследователь считает боковые рельефы более ранними, чем «фасадные маски», которые, по его мнению, бесспорно, были сделаны для собора 1222–1225 гг. Он пишет: «Боковые маски наполовину стесаны, они плоскостны и как бы более архаичны; фасадные же – более рельефны и сложны: они обрамлены декоративными резными «киотами», состоящими из орнаментированной арочки, опирающейся на капители полуколонок с базами.

Все это вытесано за счет частичной срубки старых боковых изображений» (*Варганов*, 1960. С. 146).

Эта информация вызвала в историографии заметный резонанс, но интерпретировалась она исследователями по-разному. Например, Н. Н. Воронин считал, что эти камни, имеющие аналогичные маски и на боковых сторонах, являются трехликовыми капителями, которые не использовали по назначению. Он допускал также, что они могли предназначаться для столбов проемов алтарной преграды (*Воронин*, 1962. С. 28, 486.).

Г. К. Вагнер видел замысел резного декора Рождественского собора в идее возблагодарения Троицы и Богоматери. Для подтверждения этого тезиса он также привлекает материалы А. Д. Варганова о трехликих блоках, указывая на их символическую связь с Троицей и Девой Марией. Ссылаясь на статью А. Д. Варганова 1960 г., он дает при этом несколько иную информацию и пишет следующее: «В свое время П. Д. Барановский установил, что на боковой грани камня с женской «маской» тоже имеется рельефный лик. По словам А. Д. Варганова, видевшего этот рельеф, женский лик на боковой грани не идентичен фасадному, но ближе к формам ликов на боголюбовской четырехликой капители. Он высечен с нимбом, причем нимб имеет по краю «шнур перлов». Трактовка самого лика тоже ближе к боголюбовской капители» (*Вагнер*, 1975. С. 74). В другом месте, также обращаясь к сообщению А. Д. Варганова о наличии бокового рельефа на камне с женским ликом, Г. К. Вагнер пишет: «К сожалению А. Д. Варгановым была обследована только одна такая консоль, и остается неизвестным, были ли боковые лики у других консолей» (*Вагнер*, 1969. С. 436). В поисках причин появления боковых рельефов Г. К. Вагнер предположил, что в процессе работы была изменена первоначальная задача по изготовлению для фасадных полуколонн трехликих консолей по типу боголюбовской капители. В результате чего консоли были сделаны одноликовыми и без нимбов, а уже готовый рельеф на боковой грани одной из консолей был развернут внутрь стеной кладки (*Вагнер*, 1969. С. 94).

По нашему мнению, наличие второго рельефа на боковой грани того или иного блока с женским ликом на Рождественском соборе не только не удивительно, но и вполне оправданно, если иметь в виду известные драматичные моменты его архитектурной истории. Не вызывает сомнения то, что весь годный для строительства камень от рухнувших в 1445 г. стен и сводов собора был использован при восстановительных работах XV в., но хорошего белого камня для строительства явно не хватало. Это видно из свидетельства иеромонаха Иоасафа о том, что собор до 1528 г. был «низменным» (*Иоасаф*, 1857. С. 98), то есть почти в два раза ниже нормальной высоты. Поэтому белокаменные блоки большого размера и хорошей сохранности были очень востребованы, тем более, что была сделана попытка по возможности восстановить основные элементы резного декора собора. При дефиците хорошего белого камня отказались от восстановления резных полуколонн на пилястрах. Сами пилястры стали плоскими, причем в их кладке, наряду с белым камнем, был использован и рыхлый пористый известняковый туф.

Блоки с резными женскими ликами по размеру достаточно большие: высота 74 см, ширина 60 см. Подобрать новый такой блок для изготовления вновь и замены утраченной либо сильно испорченной при обрушении резьбы было крайне

сложно, поэтому использовали тот же самый блок, развернув его наиболее хорошо сохранившейся стороной, и заново наносили рельеф. Сказанное вполне соответствует описанию А. Д. Варганова смежных рельефов на таком блоке, когда фасадный новый рельеф создавался за счет частичной срубки старого, который к тому же был очень плохой сохранности. В любом случае важно то, что оба рельефа одновременно находиться на фасаде не могли. Таким образом, говорить о «трехликости» этих блоков неправомерно.

В отношении женского лика с нимбом по причине его единичности, видимо, следует согласиться с мнением Г. К. Вагнера о том, что изображение было забраковано в процессе работы из-за изменения задачи и отказа от подобного типа иконографии лика (*Вагнер, 1969. С. 94*).

Большой интерес представляет появление на камнях с ликами такого нового художественного элемента, как орнаментированный киот. До суздальского Рождественского собора женские лики в киотах не встречались. Г. К. Вагнер связывал появление киотов на «базах» полуколонн с необходимостью создать некое промежуточное звено для опоры этих полуколонн, то есть чтобы фуст полуколонны не ставился прямо на женскую голову, символизирующую Богородицу (*Вагнер, 1975. С. 90*). Но только ли ради служебной функции были введены в фасадный декор собора эти элементы?

Проследим вместе с Г. К. Вагнером изменение семантики женских ликов в белокаменном зодчестве Владимирской земли. Впервые они появляются в Боголюбове на четырехликой капители, которая венчала, по мнению исследователя, некий столп перед Рождественским собором как особый памятник богоизбранности места для основания Боголюбова. (*Вагнер, 1969. С. 30–92*). Лики изображены с нимбами. На их символическое посвящение Богородице указывает трехлистная пальметта в верхней части прически. На самом соборе также имелись женские лики с трехлистной пальметтой, но без нимбов. Посвящаясь Деве Марии – служительнице ветхозаветного храма, они проводили символическую параллель между храмом Соломона и собором Андрея Боголюбского (*Вагнер, 1969. С. 78–81*).

На владимирском Успенском соборе женские лики уже не связаны с образом Богоматери, в их прическе нет трехлистной пальметты. В программе скульптуры главного собора Владимира, наряду с образами княжеского величия, речь шла и о народе, о подвиге во имя веры, о стойкости в убеждениях, о сплочении (Там же. С. 116). Женские лики здесь олицетворяют единение (или призыв к единению) народа под властью могучего правителя.

В фасадном декоре церкви Покрова на Нерли многочисленные женские лики даны без пальметт и без нимбов. Они создают поэтичный образ жителей Владимиро-Суздальской земли и шире – русского народа, на который распростерто покровительство Богородицы (*Вагнер, 1969. С. 142*). Кроме фасадов церкви женские головки имеются на некоторых консолях аркатурно-колончатого фриза на апсидах храма и символизируют добрые силы в борьбе добра и зла (Там же. С. 148). В этом же значении они присутствуют и на консолях аркатуры всеволодовых галерей Успенского собора (Там же. С. 210), и на консолях аркатуры апсид Дмитриевского собора (Там же. С. 212, 258).

За исключением четырехликой капители и женских головок на консолях аркатуры все эти лики находятся на пряслах названных храмов, и только женские лики суздальского собора, как уже отмечалось, помещены на конструктивную архитектурную деталь, то есть на консоли фасадных полуколонн. Посвящение их Деве Марии очевидно. Об этом свидетельствует трехлистная пальметта. Но, видимо, здесь обозначена более конкретная символическая связь – то есть связь с Богородицей как столпом веры, ее заступничеством и опорой. В этом смысле расположение женских ликов на консолях полуколонн лучше всего согласуется с приведенным Г. К. Вагнером известным символом Богоматери, как «церкве непоколебимый столпе», встречающимся в богослужебных канонах (*Вагнер, 1975. С. 74*).

Выше приводилось уже мнение Г. К. Вагнера, что программа фасадного декора собора в Суздале построена на идее благодарения и прославления Троицы и Богородицы. С темой Троицы он связывал и трехглавие храма, и три притвора, и присутствие в орнаментальной резьбе дельтодона – символа божественного триединства, и «первоначальную трехликость» упомянутых консолей полуколонн, не состоявшуюся из-за смены задач при строительстве Рождественского собора (*Вагнер, 1975. С. 28–34, 64, 74, 77*). Но даже если отказаться от трехликости, все равно мы видим, что на символическую связь архитектуры и резного декора с идеей Троицы указывает уже само число ликов на фасадах – по три на южном и на северном. В этом же качестве, на наш взгляд, выступают и орнаментированные кियो́ты, как символ божественности, символ престола Царицы небесной, символ особой ее приближенности к самому Творцу как Матери Божией.

Итак, на Рождественском соборе в Суздале размещение рельефов женских ликов на крупных консольных блоках полуколонн фасадных пилястр, усложнение декора и появление новых акцентов в символической трактовке образа Богоматери выполняло две основные задачи. Первая отвечала требованиям декоративно-конструктивным. В этом случае консоли с ликами, как и консоли с рельефами львов, выполняли роль чисто декоративного элемента, делившего пилястры надвое и создававшего, где это было необходимо, переход от участка пилястры со сложным профилем к участку более упрощенному. Вторая задача была связана с семантикой. Если в боголюбовском соборе женские лики, символизируя Деву Марию – дьяконессу соломонова храма, устанавливали как бы символическое тождество этих двух храмов, что возвеличивало самого Андрея как второго Соломона, то в суздальском соборе акцент совершенно иной. Необычная трактовка ликов, идея Троицы, многократно подчеркнутая в архитектуре и декоре Рождественского собора в Суздале, призваны были прославить триединого Бога через прославление Богородицы. Здесь она не просто служительница божьего храма, она – богоизбранный путь, которым в мир пришел Спаситель. Суздальские лики символизируют не только заступницу русского народа, но – Царицу небесную, под духовной властью которой Русь, распавшаяся на враждующие уделы, снова должна стать единой. Эта идеологическая программа в начале XIII в. вполне отвечала растущему национальному самосознанию, зафиксированному такими литературными памятниками, как «Слово о полку Игореве». Она вполне соответствовала и чаяниям великих владимирских князей, со времен Андрея Боголюбского мечтавших о политической гегемонии.

Литература

- Вагнер Г. К.*, 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII век. М.
- Вагнер Г. К.*, 1969. Скульптура Древней Руси. М.
- Варганов А. Д.*, 1960. Новые данные по архитектурной истории суздальского собора XI–XIII вв. // СА. № 4. С. 145–151.
- Вахтанов С. Н.*, 2015. Конструктивные особенности некоторых архитектурных деталей фасадного резного декора суздальского Рождественского собора XIII века // Художественное наследие Владимирского края: материалы VII межрегион. науч. конф. Александров. С. 101–114.
- Вахтанов С. Н.*, 2016. Первоначальная резьба суздальского Рождественского собора XIII века и вопрос о её возобновлении в XV – XVI веках // Художественное наследие Владимирского края: материалы VIII межрегион. науч. конф. Александров. С. 39–56.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. (XII столетие) М.
- Воронин Н. Н.*, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. (XIII–XV столетия). М.
- Иоасаф*, 1857. Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. НПЛ. Рязань, 2001. (Русские летописи; т. X).

Сведения об авторе

Вахтанов Сергей Николаевич, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, e-mail: vakhtanov@vladmuseum.ru

S. N. Vakhtanov

**CARVED FACES OF THE SUZDAL NATIVITY CATHEDRAL
OF THE XIII CENTURY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT
OF VLADIMIR- SUZDAL WHITE STONE ARCHITECTURE
AND FASADE DECORATION SYSTEM**

Summary. The article is a continuation of a number of studies devoted to the white stone carving of the Suzdal Nativity Cathedral. It considers one of the most debatable elements of the program of carved decor of the Cathedral – reliefs of female faces on the consoles of facade semi-columns. The author presents a new interpretation of the role of these reliefs in the architecture and decor of the temple and demonstrates the development of the semantics of this plot in the tradition of Vladimir-Suzdal white stone architecture and facade carving.

The results of the study provide additional information for the reconstruction of the original architectural forms of the Nativity Cathedral of the XIII century and its facade decoration.

Keywords: Suzdal Nativity Cathedral, white stone carving, Vladimir-Suzdal white stone architecture.

Т. П. Тимофеева

ГРОБНИЦА ИЗ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В СОБРАНИИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Резюме. В статье выясняется происхождение белокаменной гробницы из Владимиро-Суздальского музея-заповедника, которая приписывалась святому князю Александру Невскому. Поместиться в ней мог только человек, рост которого не превышал 156 см. Князь, согласно Житию, составленному через 20 лет после его смерти, отличался высоким ростом. Его первоначальное погребение находилось в соборе Рождественского монастыря г. Владимира. В «Описании древних гробниц» первой половины XVII в. в соборе упоминаются, кроме Александра Невского, еще три погребения неизвестных лиц. По описям XIX в., после переноса мощей святого в 1723 г. в Петербург о них напоминала только решетка в форме гроба. В 1930 г. при сносе собора, перестроенного в XIX в., под его фундаментом обнаружилось 4 белокаменные гробницы. Одна из них оказалась во Владимирском музее. На фотографии, хранящейся в музее, запечатлена гробница из Рождественского собора с останками человека. Именно в ней можно предполагать мнимую гробницу Александра Невского.

Ключевые слова: гробница, Александр Невский, Житие Александра Невского, Рождественский собор, опись, фотография, Владимирский музей.

Среди экспонатов Владимиро-Суздальского музея-заповедника имеется некая белокаменная гробница (инв. № В-32843). Музейная традиция приписывала ее Александру Невскому. Гробница представляет собой прямоугольный ящик шириной 66 см с одной стороны и 53 см с другой, высотой около 40 см и длиной 180 см, вытесанный, как долгое время считалось, из цельного белокаменного блока и расколотый на несколько частей (рис. 1). На поверхности местами как будто заметны следы инструмента, каким на Руси пользовались при теске белого камня в XII–XIII вв., по крайней мере, до XVIII в. (Новаковская, 1986. С. 72, 73). При толщине стенок 8 см внутреннее пространство составляет 166–167 см в длину. Это значит, что рост погребенного не превышал при жизни 156 см. Это рост женщины или

Рис. 1. Белокаменная гробница в Исторической экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника до ноября 1993 г.

подростка; таким мог быть и старец-монах. Для сравнения приведем размеры некоторых других местных гробниц. Боголюбовский саркофаг из раскопок Н. Н. Воронина имеет в длину 222 см (обмер мой. – Т. Т.), саркофаг Святослава Юрьевича из раскопок А. Ф. Дубынина в Рождественском соборе Суздаля – 212 см (*Дубынин*, 1945. С. 98), длина гробницы Всеволода III во владимирском Успенском соборе – 197 см (*Археологические исследования...*, 1941. С. 98). При этом толщина стенок этих гробниц не более 6 см. Мог ли прославленный и непобедимый князь-полководец быть человеком столь ничтожного роста – 156 см?

Обратимся к литературному источнику – Житию Александра Невского. Исследователям известно 13 списков текста. Так называемая Первая редакция относится к 1282–1283 гг., а создана она была книжниками из окружения митрополита Кирилла. Автор называет себя «домочадцем» и «самовидцем возраста» великого князя, т. е. свидетелем его жизни. К созданию Жития очень близкое отношение имел Рождественский монастырь, где и был погребен князь. «Рождественский монастырь был средоточием культа князя-инока Алексия-Александра, в то время как по всей русской земле он еще не был известен как святой, а только как полководец» – считает исследователь; другие же прямо указывают на Рождественский монастырь как место создания Жития Александра Невского (*Бегунов*, 1965. С. 58–62). Житие неоднократно касается внешности Александра. «Но и взор его паче инех человек, и глас его аки труба в народе, лице же его аки лице Иосифа... Сила же бе его – часть от силы Самсоня» (*Бегунов*, 1965. С. 160). В близкой к Первой редак-

ции «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» вместо «взор» стоит слово «взраст» (Там же. С. 187). Слово это возможно истолковать как «рост» (*Срезневский*, 1989). Но и в самом Житии Первой редакции отмечена выдающаяся внешность князя: «И сего ради некто силен от Западныя страны... хотя видети дивный взраст его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именем Андряш, видев князя Александра и възвратися к своим, рече: «Прошед страны, язык, не видех такового ни в царех царя, ни в князех князя... И видев его царь Батый, и подивися, и рече вельможам своим: «Истину ми сказаста яко несть подобна сему князя» (*Бегунов*, 1965. С. 161, 162).

Поскольку Житие составлено всего через 20 лет после смерти Александра, и читать его могли люди, знавшие или видевшие князя, вряд ли стоит предполагать, даже с учетом агиографических канонов, известной панегиричности, тенденциозности и т. д., что малорослого человека стали бы выставлять перед современниками и очевидцами богатырем. Текст Жития очень близок Лаврентьевской летописи, где под 1263 г. содержится «житье» князя Александра: «...слыша от отец своих и самовидец есмь взрасту его... взраст его паче инех человекъ и глас его якы труба в народе и лице его акыи лице Есифа... сила бе его часть от силы Самсоныя... и сего ради некто от западныя страны... от тех приде хотя видети дивныи то взраст его якож древле царя Оужская приходи к Соломону хотящи слышати премудрость его такоже и се именем Андряшъ видевъ князя Александра, възвратися к своимъ и рече: прошедь страны и языки не видех такового и въ цесарихъ цесаря ни в князихъ князя...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 477–478).

Приведем еще один вариант Жития. Это рукопись полууставом на церковнославянском языке. На ней есть надпись: «Списано с экземпляра, имеющегося во Владимирской семинарской библиотеке. Принадлежит Владимирскому Архиерейскому дому. 1853 г.» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564). Семинария первоначально находилась в Рождественском монастыре, где помещался Архиерейский дом, поэтому можно думать, что оригинал рукописи также оттуда. Этот текст гораздо более поздний, чем Первая редакция; в нем есть рассказ о событиях 1380 г., обретении мощей и других более поздних чудесах. В этом списке также уделено изрядное внимание внешности, а еще более силе князя. «Видом благородия телесного благолепия вельми украшен паче всех не точию сродников своих, но и всех иноплеменных стран, земных царей благородием и благолепием лица превзыде яко солнце всех светил... Вид же святого его подобия и телесный образ таков бяше, зело благообразен и благолеп, якоже древле Иосиф прекрасный, сын Иаковль. Взраста же видением высок весьма, силы же его указание, храбрость воинственная его показывает. Силен бяше и храбр, яко же часть бе от силы Сампсоновы. Глас же его бяше слышати яко труба в народе...» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 9 об.–10).

О росте князя есть еще один фрагмент – с Андрияшем: «Прииде на Россию некто в великий Нов-город муж славен, именем Андрияш, видети желаше предивный взраст святого великого князя Александра... Егда же Андрияш святого видев и слышав словеса его, зело удивися о доброте его, и благолепию и чудному его взрасту» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 12). В Степенной книге о росте князя сказано еще отчетливей: «Бе же взрастом велик зело» (Степенная книга..., 2007).

Рис. 2. Рождественский монастырь во Владимире. Литография Е. Ф. Лилье с рисунка Ф. Д. Дмитриева. Середина 1850-х гг. (ГВСМЗ. Инв. № В-10412)

С. 517). Вопрос о росте князя мог бы окончательно решиться путем медицинской экспертизы его мощей. Так, в 1965 г. экспертиза была предпринята для мощей суздальских святых Иоанна, Ефросиньи и Евфимия. Для определения роста использовались кости конечностей (Научный архив ГВСМЗ. Д. 247 а). Общеизвестна экспертиза мощей Андрея Боголюбского, останков палеолитического человека стоянки Сунгирь. Но и без анатомии понятно из Жития, что вряд ли князь-полководец был таким малорослым, чтобы поместиться в нашу гробницу.

Рассмотрим теперь обстоятельства погребения и обретения мощей. Как известно, скончался князь в 1263 г. и был погребен в Рождественском монастыре г. Владимира, под сводами белокаменного собора (рис. 2). Древние списки Жития сообщают об интересующих нас подробностях немного: «Положено же бысть тело его в Рождестве святыя Богородица, в архимандритыи велицей... Егда убо положено бысть святое тело его в раку...» (*Бегунов*, 1965. С. 179). Поздняя рукопись из Архиерейского дома более подробна: «Тело святого... предавше земле честно погребоша, в честном храме Пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества, во общем монастыри» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 40). С 1381 г. нетленные мощи его находились «на вскрытии» (*Тихонравов*, 1869. С. 12). В этой же рукописи описано обретение мощей: «Архиерей великий... самодержца великого раскопавше место, идеше многоцелебныя всесвятыя мощи святого положены быша, обретоша их нетленны и целы от мног лет... положиша в раце верху земли в церкви Пречистыя Богородицы, в ней же положен бысть прежде» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 42). В Степенной книге это событие описано так: «Они же (священный собор. – *Т. Т.*) много молировавше и дръезнуша копати место, идеже положен бысть и обретоша честныя его мощи целы и тлению не причастны, и с многим благоговением вземше и положиша их честно в раце верху земли» (Степенная книга..., 2007. С. 534). А.В. Сиренов высказал сомнение в том, что тело выкопали. По его версии, гроб с самого начала положили поверх земли, и «обретения» мощей как такового не потребовалось. Во Владимирской редакции Жития, составленной после канонизации князя на соборе 1547 г., первое чудо от мощей отнесено ко времени Куликовской битвы, а дата возникает из редакции Жития Ионы Думина 1591 г., где главным инициатором назван митрополит. Поскольку в 1380 г. митрополита в Москве не было, а митрополит Киприан прибыл в Северо-Восточную Русь только в 1381 г., то обретение мощей Александра Невского и датируется 1380 или 1381 гг. (*Sirenov*, 2016. С. 100–109).

Оставим пока вопрос о первоначальном погребении, заметим лишь, что и в Первой редакции, и в других списках первоначальный гроб назван ракой. Более поздние тексты, в которых содержится рассказ об обретении и чудесах от мощей, упоминают тот гроб, где мощи почивали «на вскрытии», т. е. открытые, поверх земли, над полом храма: так, в 1491 г. «внутри церкви тоя все выгоре и с людьми. Чудотворные же мощи святого великаго князя Александра Невского, на них же аще и бысть видети нечто огненнаго знамения, но обаче Богом тако сохранены быша. Яко и пелена яже бяше во гробе его обретесе не вреждена от непостоянного того огня» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 43; ПСРЛ. Т. 8. С. 222). Отметим попутно, что в более ранних летописных текстах ничего не говорится об избавлении мощей от огня. Например, в летописном своде 1497 г. так рассказано о пожаре 1491 г.: «Того же лета месяца маия в 23 день, в неделю, згоре град Володимирь весь, и посады, и церковь Рожество в монастыри, внутри города, и тело великого князя Александра не въскоре згоре, а всех церквей во граде згорело 9, а на посаде 13, и много беды тогда градским людем и христианству» (ПСРЛ. Т. 28. С. 155, 156). В летописном своде 1518 г. о том же событии читаем: «Того же месяца маия в 23, в понедельник, загоре город Володимирь весь, и с посады, и церковь Рожество пречистые в монастыре внутри города выгоре, и тело великого князя Александра Невского згоре; а всех церквей в граде згорело 9, а на посаде 13, и много беды тогда град-

ским людям и христианству» (ПСРЛ. Т. 28. С. 321). В Воскресенской летописи, в параллельном чтении в том же месте также говорится, что тело великого князя Александра Невского «згоре» (ПСРЛ. Т. 8. С. 221). Пожар в сентябре 1640 г. был для монастыря не менее опустошительным: «выгорел Рожественной монастырь вес, на церквах, и у трапезы, и у келарские полаты верхи погорели, и в тех церквах, и в трапезе, и в келарской полате горело же, и кельи, и житницы с хлебом, и всякие монастырские службы, и около монастыря городба, и за монастырем конюшенной двор – все погорело, да в монастырской слоботке...» (Памятники деловой письменности XVII века, 1984. С. 174).

В рассказе о другом чуде – явлении святых Бориса и Глеба – есть указание на местоположение мощей в храме: «По внегдаже вшедшим им, светообразным юношам за столп идоша, идеже святыи Александр положен возлежаше» (ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Л. 50). Вкладная книга Рожественского монастыря более точно обозначает это место: «за правым столпом, в темном месте» (Вкладная книга..., 1864. С. 34). Архитекторы Н. А. Артлебен и Д. А. Корицкий, обмерявшие собор накануне его «возобновления» в 1858–1868 гг. (они же и перестраивали его), еще более уточняют это «темное» место мощей на основании той же Вкладной книги: «вероятно, в юго-западном углу под хорами» (Артлебен, Корицкий, 1962. С. 478) (рис. 3).

В 1697 г. (1 июля 7205), как известно из Вкладной книги, мощи были переложены в «новопостроенную сребропозлащенную раку... на новоуготованном месте светлом, близ южных дверей, на третьем степені... и перенесены преосвященным Иларионом митрополитом Суздальским и епископом Леонтием Тонбовским... идеже ныне всеми приходящими в церковь святую зрими... Она же святая ракъка соделася в царствующем великом граде Москве великого государя золотыя палаты серебряниками Никифором Макарьевым сыном Пшеничным с товарищи...» (Вкладная книга..., 1864. С. 34–35).

Остановимся на терминологии: гроб, гробница, рака. В XIII–XV вв., как видно из приводимых текстов, эти слова равнозначны и взаимозаменяемы. Неизвестно, какова была «рака» 1263 г. – деревянная или каменная, но, судя по другим княжеским погребениям Владимиро-Суздальской Руси, скорее всего, белокаменная. «Гроб», где лежали мощи «на вскрытии» после 1380 г., видимо, также был каменный. «Словарь Древнерусского языка» Срезневского толкует слово «рака» в широком смысле: ларец, ковчег. Среди приводимых летописных примеров есть рака, которую «человек некий, копая, обрете»; «рака мраморяна»; рака «древяна», из которой мощи «вложиша в раку камену»; есть и такая: «взят же епископ на главу свою святую ту раку, в ней же бе положено святое то сокровище, и тако возвратишася в град» (Срезневский, 1989).

Однако в XVII в. употребление этих слов меняется. Вкладная книга называет гробницу Александра Невского до 1697 г. однозначно: «гроб». «Лета 7167 (1659)... зделан покров на чудотворцов гроб» (с. 20), «197 (1689)... Симеон дал во святую церковь на гроб чудотворца Александра покров» (с. 22), «194 (1687) позолочен киот резной над гробом чудотворца Александра» (с. 22), «201 году (1697) он же ризницей Боголеп дал во святую церковь на гроб чудотворца Александра покров» (с. 23) и т.д. После переложения мощей в «сребропозлащенную» раку и перестановки на светлое место Вкладная книга употребляет только термин «рака»: «Лета

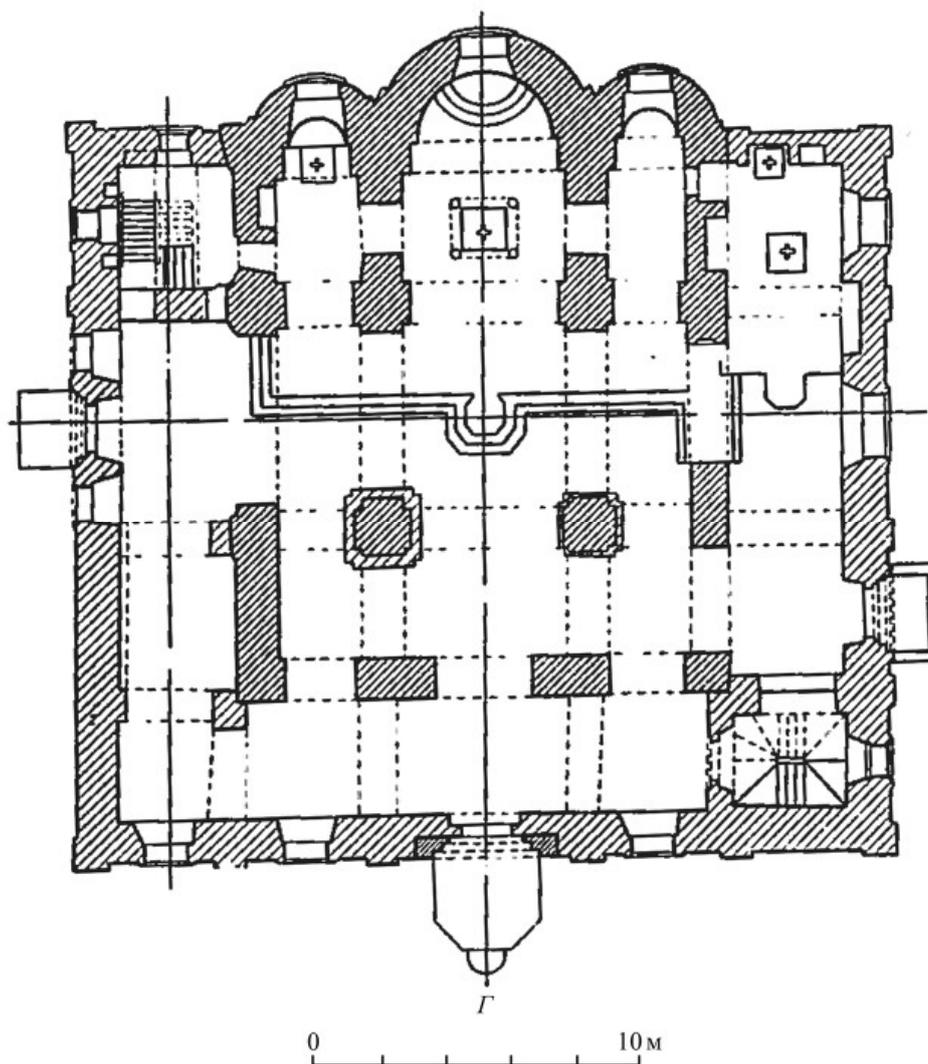

Рис. 3. План Рождественского собора XII в. Обмер Н. А. Артлебена. 1858 г.

7205 дому его святейшества патриарха ризохранитель иеродиакон Боголеп содела сребропозлащенную ракъку... в тое ракъку... пожаловали бархата золотного» (с. 32), «в 1717 г. дал во святую церковь Предтечев местной образ, который ныне стоит перед ракою чудотворца Александра...» (с. 29). Вероятно, раки делались в это время деревянными, с металлической обкладкой, и назывались так в отличие от старых каменных гробниц – «гробов».

Новая рака с мощами Александра была поставлена не просто на третьей ступени у южных дверей, как сказано во Вкладной книге. По мнению краеведа XIX в. К. Н. Тихонравова, «дабы придать этому месту более света, южная снизу дверь, вероятно, закладена была до полу, а в другую верхнюю ее половину вставлено было окно»; в начале XVIII в., около 1711 г., как он считает, храм Александра Невского был переведен со Святых ворот в южную пристройку Рождественского собора – «палатку», и «на место южной двери (собора. – Т. Т.) пробита была в капитальной стене арка и в ней поставлена гробница святого Александра Невского»

(Тихонравов, 1869. С. 22, 23). Правда, Тихонравов ошибался, считая, что Александр-Невскую церковь в 1711 г. со святых врат перевели в собор, устроив в южной пристройке придел. В 1763 и в 1785 гг. церковь еще существует на святых вратах (Добронравов, 1899. С. 636; ГАВО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 984. Л. 1), а в 1797 г. упоминается как упраздненная – очевидно, после 1788 г., когда архиерей был переведен в Суздаль до 1799 г. (ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 30. Л. 4).

Так же, как Тихонравов, понимали ситуацию Артлебен и Корицкий: «Мощи св. князя Александра Невского в 1697 г. поставлены были в расширенной в большую арку южной двери, так что молящимся возможен был доступ к ним из церкви и из придела... Против же арки, в которой стояли мощи, было сделано широкое окно с целью, вероятно, не делать наружный вход придела прямо против мощей» (Артлебен, Корицкий, 1962. С. 478). Эта арка существовала накануне возобновления собора, независимо от времени ее появления, и как Тихонравов, так и Артлебен с Корицким могли ее видеть. Действительно, на чертежах собора, снятых перед возобновлением, показан арочный проем между собором и южным приделом-галереей и ниша, т. е. бывший вход, напротив в южной стене галереи (Воронин, 1961. С. 381–383). В таком положении мощи в гробнице-раке 1697 г. находились до перенесения их в Санкт-Петербург в 1723 г. В феврале 1722 г. они были освидетельствованы архиепископом Феодосием и архимандритом Рождественского монастыря Сергием (Александр-Невская лавра..., 1913. С. 255). Для перенесения мощей изготовлен был деревянный ковчег в медном золоченом окладе, с возглавием и четырьмя тумбами, с «носилом» и балдахинном. Все вместе представляло собой весьма громоздкое сооружение, не проходившее ни в одни ворота. Как можно понять из описания этого события – перекладки мощей 11 августа 1723 г. – рака 1697 г. с мощами была вынесена в южные двери и вложена в приготовленный ковчег (Александр-Невская лавра..., 1913. С. 261).

Естественно предположить, что на месте пребывания мощей поставили что-либо в напоминание – например, прежнюю белокаменную гробницу, в которой мощи лежали до 1697 г., – если бы таковая сохранилась до сего времени. Выше показано, что место, где стояла гробница с мощами с 1381 по 1697 г., в XIX в. ничем обозначено не было, и о нем судили так же, как теперь: по письменному источнику – Вкладной книге. О том же, как выглядело место мощей после их переноса в 1723 г., можно составить представление из описей собора. Самая ранняя из них, где содержится такое описание, датирована 1805 г.: «За южную дверь (вероятно, храма. – Т. Т.) по правую сторону, где находились мощи святого благоверного князя Александра Невского, на том месте поставлена железная крашенная решетка, в коей вложены пальцы, обтянутые холстом и расписанные красками на вид парчи, на оный положен образ Александра Невского, писанный по зеленому разными красками... Перед оным на стене в киоте деревянном позолоченном образ Знамения Пресвятой Богородицы» (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 427. Л. 3 об.). Следующая опись относится к 1815 г. (с более поздними добавлениями): «За южной дверь в правой стороне, где прежде находились мощи..., на этом месте поставлена на вид гроба железная крашенная решетка, в коей деревянная рама, обтянутая холстом и расписанная красками на вид парчи, на оной положен образ святого Александра Невского, писанный по атласу зеленому, обложен кругом полосатую шелковую

материею... Над оным местом зделан балдахин деревянный на четырех колонках с резными капителями, вазиками и убраны, как карниз, так и прочие принадлежности, резьбою, которая по приличности вызолочена, а гладь прикрыта лазоревою краскою» (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426. Л. 51 об.). Точно так же описана эта часть храма в 1850 г. (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 422. Л. 4 об.). Из этих описаний понятно, что на месте раки с мощами поставлена была в качестве надгробия железная решетка «на вид гроба», т. е. по форме его.

Однако в описи 1815 г., в описании придела А. Невского дважды упоминается некая гробница: «В правой стороне придел во имя святого благоверного князя Александра Невского отделен деревянною раскрашенною с резьбою решеткою... Северная дверь (иконостаса. – *Т. Т.*)... Подле оной двери против гробницы образ святых благоверных князей Бориса и Глеба... По левую сторону на столбах близ гробницы на холсте изображено погребение Александра Невского, приемлющего разрешительную молитву от митрополита Кирилла» (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426. Л. 53). Что это за гробница? Может быть, в напоминание о мощах А. Невского специально в приделе его имени была поставлена в какое-то время (между 1805 и 1815 гг.) деревянная гробница?

После возобновления собора в 1869 г. в нем также стояла «рака Александра Невского, знаменующая место пребывания здесь мощей сего угодника» (Владимирские губернские ведомости. 1869. № 32. С. 1). О ней писали в 1877 г.: «Храм из белого камня... Внутри просто; замечательна рака от мощей Александра Невского и икона Знамения, бывшая у последнего в его походах...» (*Субботин*, 1879. С. 4). Перестроенный на старом основании собор не имел уже никаких пристроек-галерей, и придел Александра Невского помещался в правой стороне алтаря (*Артлебен, Корицкий*, 1962. С. 480). В 1867 г. Артлебен в рапорте, направленном в Строительный комитет, перечислял предметы и утварь, необходимые «для окончания внутреннего убранства» церкви, в числе которых назван «аналой на резной вызолоченной тумбе для древнего образа Знамения Пресвятой Богородицы при раке святого великого князя Александра Невского». В 1869 г. казначей Архиерейского дома иеромонах Пимен заплатил в магазин Сапожникова 81 р. 77 к. «за парчу и галун для гробницы святого великого князя Александра Невского». 31 марта 1882 г. было «выдано семейным покойного архитектора Артлебена за его труды по составлению рисунка на гробницу св. князя Александра Невского 10 р.» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 2228. Л. 130 об.; Д. 1469. Л. 71; Ф. 565. Оп. 1. Д. 289. Л. 23 об.) Неизвестно, был ли приведен в исполнение этот «рисунок», выполненный Артлебеном незадолго до смерти.

В первые советские годы, когда монастырь был закрыт и занят ЧК (*Тимофеева*, 1997. С. 333, 334; 1999. С. 24, 25), но собор еще сохранял интерьер, несколько раз составлялись описи его имущества. Для нас здесь особенно интересна «Опись № 2 имуществу, принадлежащему Рождественскому монастырю и хранящемуся в церкви, находящейся во дворе указанного монастыря», составленная 16 августа 1922 г. В ней значится «деревянное надгробие, стоящее на месте, где был похоронен Александр Невский (в виде ящика)» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 14. Л. 49). По-видимому, имеется в виду – где были мощи, так как место «где был похоронен», не отмечалось. В 1922 г. церковь Христорождественскую – Крестовую – уже занимала ЧК, интерьер ее был разобран. А именно здесь в последние досовет-

ские годы стояла памятная рака; ее видел в этой церкви старожил г. Владимира Б. Д. Гиляревский 1903 г. р., и запомнилась она ему так: темная, похожая на деревянную, очень простая, с частицей мощей и с изображением А. Невского на крышке. Не могла ли эта гробница быть поставлена обратно, в Рождественский собор после закрытия Крестовой церкви в 1918 г.? Ведь монастырь еще существовал до конца 1920 г. Но в 1921 г. эта «рака с частицей мощей» вместе с другим имуществом была перевезена в Троицкую церковь, куда перешел и последний настоятель монастыря архимандрит Афанасий Сахаров (Тимофеева, 1999. С. 24–27).

Приведем фрагмент переписки церковного совета Троицкой церкви с Владимирским епархиальным управлением (обновленческим) 1924 г.: «Вслед за ликвидацией Рождественского монастыря епископ Афанасий с иеромонахом Германом были приглашены в Троицкую церковь для служения... С собою вместе епископ Афанасий и переправил некоторое имущество Рождественского монастыря...», далее упоминается «рака св. мощей св. бл. в. князя А. Невского» (ГАВО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 118. Л. 111; Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 20. Л. 115). В другом письме 1924 г. важен такой фрагмент: «При приеме имущества некоторые предметы, как-то: рака с частицей мощей А. Невского...». Отсюда ясно, что «рака с частицей мощей», в 1921 г. попавшая в Троицкую церковь, и «деревянное надгробие в виде ящика» из описи собора 1922 г. – это разные вещи; и «рака с частицей мощей» 2 октября 1923 г. была перенесена в Успенский собор (ГАВО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 118. Л. 107), принадлежавший с июля 1923 г. до апреля 1927 г. обновленцам (Тимофеева, 1999. С. 18).

Подведем некоторые итоги. Итак, начиная с 1263 г. во Владимире существовали следующие гробницы Александра Невского: 1) гроб первоначального погребения, вероятно, белокаменный, в месте, которое не было точно известно в XIX в. даже до возобновления собора; 2) белокаменный гроб 1381 г. (если мощи переложили в новый гроб) в месте, которого тоже точно не знали в XIX в.; 3) рака 1697 г., перенесенная вместе с мощами в С.-Петербург в 1723 г.; 4) «гробница» описи 1815 г. в приделе Александра Невского; 5) «рака» 1869 г.; 6) «деревянное надгробие в виде ящика» описи 1922 г. и, наконец, 7) «рака с частицей мощей».

Раку 1697 г. исключаем; «рака с частицей мощей» (деревянная) оказалась в 1923 г. в Успенском соборе. «Гробница» описи 1815 г. – это, скорее всего, и есть «рака» 1869 г., она же «надгробие в виде ящика», которое, вероятно, пропало. Остаются две возможные гробницы: первоначальная и 1381 г. Если какая-либо из них уцелела до XIX в., то не могла ли она оказаться в приделе и не она ли значится в описи 1815 г.? Но если так, то почему же белокаменная гробница Александра Невского ни разу не упоминается ни в одной краеведческой публикации, статье или заметке XIX – начала XX в.? (Масанов, 1905). Это очень странно при высоком уровне владимирского краеведения. Такая древняя реликвия, столь тесно связанная с «державной персоной» святого, не могла совсем выпасть из поля зрения научной общественности. Если бы она существовала, о ней было бы известно, как известно о гробницах Успенского собора, даже пустых, как известно о других реликвиях Александра Невского – иконе Знамения, иконах с частицами его мощей. О пустой белокаменной гробнице Андрея Боголюбского, например, высказывалось даже такое пожелание в XIX в.: «Между тем в Боголюбовом монастыре не осталось никакого памятника пребывания там великого князя, там и убиенного.

Не более ли уместно было бы устроить туда каменный гроб, в коем принесено во Владимир тело Боголюбского, для хранения на месте страдальческой кончины его, в храме Рождества Пресвятой Богородицы, где совершилось отпевание тела его» (Владимирские губернские ведомости. 1871. № 20. С. 2). Ничего подобного нет в отношении гробницы Александра Невского.

«Гробница Александра Невского» удостоилась письменного упоминания единственный раз, в путеводителе по историческому музею 1956 г.: «У стенда на подставке – белокаменная гробница Александра Ярославича Невского, в которой он был погребен на территории Рождественского монастыря во Владимире» (Владимирский областной краеведческий музей..., 1956. С. 44). Ценность этого текста лишь в том, что он удостоверяет наличие гробницы в музее в 1956 г. Когда появилась она в музее, откуда? При попытке опереться на какую-либо учетную документацию оказалось, что никаких записей об этой гробнице в музее нет – ни в старых актах, списках и книгах отдела фондов, ни в научном архиве ГВСМЗ. По устному свидетельству Г. Б. Шлионского, поступившего в музей в 1947 г., гробницу принесли в первый же год его работы из Успенского собора в здание Исторического музея, причем уже расколотой. С 1927 по 1944 г. в соборе размещался антирелигиозный отдел музея.

К 1945 г. собор уже был действующим; в июле 1944 г. «по распоряжению уполномоченного горисполкома Вершининой подобрана одежда для Успенского собора в количестве 68 штук» (Научный архив ГВСМЗ. Отчет музея за 1944 г.) Гробница же продолжала стоять здесь до 1947 г., рядом со второй от входа гробницей северной галереи (со слов Г. Б. Шлионского), поскольку других помещений музей не имел. В это время началась подготовка новой экспозиции, для чего гробницу и перенесли в Исторический музей. Однако в «Списке экспонатов, переданных из фондов музея в экспозицию Красного здания музея, I этаж» (приложение к акту от 6 ноября 1949 г.) гробница не числится (Научный архив ГВСМЗ). Нет ее и в списках экспонатов этой экспозиции начала 1950-х гг., хотя белокаменные блоки от Успенского собора и гипсовые слепки с рельефов указаны, пусть и без инвентарных номеров (Научный архив ГВСМЗ. Д. 172. Л. 16; Д. 172 а. Л. 6 об.; Д. 173. Л. 12). Особенность старой музейной документации в том, что белый камень и слепки, поступившие из Успенского собора и древлехрамнища Братства Александра Невского, не были попредметно внесены ни в какие списки, перечни или прочие учетные документы и не имели шифра или номеров, по крайней мере, до конца 1950-х гг. Объясняется это, вероятно, тем, что заботились прежде всего о сохранности ценных вещей, а громоздкие и не имеющие материальной ценности экспонаты не могли быть украдены. Эта особенность распространялась, видимо, и на гробницу. Итак, музейные документы ничем не помогли в поисках источника и времени поступления гробницы.

Если эта гробница из Рождественского собора, то попасть в музей она могла либо в 1922–1923 гг., когда церковные предметы передавались в музей в особенно большом количестве, либо в 1930 г., когда ломали собор. В описях вещей 1923 г., переданных в музей из монастыря, гробница не числится (ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 4. Л. 73). После сломки собора в музее оказалось восемь резных камней от порталов; определить их удалось по фотографиям собора. Но никаких записей за 1930 г. или

за какой-либо другой год о поступлении их в музей нет. На два из них были составлены задним числом на рубеже 50-х и 60-х гг. карточки с указанием Рождественского собора (без уточнения, что от портала). Остается предположить, что гробница попала в музей вместе с этими блоками в 1930 г. Возможность существования белокаменной гробницы, доступной взору, мы исключили. Значит, эта неизвестная прежде гробница явилась на свет в процессе уничтожения собора, в прямом смысле из-под земли; либо она не из собора, а из другого места в монастыре, что также не исключено. Очевидцы (Б. Д. Гиляревский) помнят монастырское кладбище. Погребения были и в храмах. Так, во Вкладной книге под 7203 (1695 г.) упоминается некто Иван Евстигнеев, который «построил в Рождественском монастыре церковь каменную во имя св. Иоанна Предтечи, что у больничной братии, и преставился... и погребен под алтарем той новья церкви» (Вкладная книга..., 1864. С. 31).

Рассмотрим версию об «археологическом» происхождении гробницы. Вспомним текст от обретения мощей А. Невского в рукописи 1853 г.: «Раскопавше место, идеше... мощи святого положены быша» и в Степенной книге: «...вземше и положиша их честно в раце верху земли». Значение слова «раскопати» не изменилось: раскрыть, раскопать (*Срезневский*, 1989). Отсюда следует, что первоначальный гроб с телом был положен в землю, а не поверх пола. Из текстов неясно: вынут ли был старый гроб при обретении мощей, или остался на месте, а мощи положили в новый. Если случилось второе, то первоначальный гроб действительно должен был остаться в земле, а вторичный после переложения мощей в 1697 г. находился бы на прежнем месте. Но если бы сохранился этот гроб, пусть вторичный, то, как уже говорилось, краеведы не умолчали бы о нем так дружно. Стало быть, при обретении мощей в 1381 г. был вынут первоначальный гроб и до 1697 г. он и стоял с мощами «на вскрытии». Однако впоследствии, во всяком случае в XIX в., в соборе поверх земли его уже не было.

В Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. Щусева в 1985 г. автор статьи видел в так называемом безнегативном фонде фотографию

Рис. 4. Белокаменная гробница с человеческими останками, обнаруженная при разборке фундамента Рождественского собора. Фотография 1930 г. (ГВСМЗ. Инв. № В-11426)

Рис. 5. Белокаменная гробница (ГВСМЗ. Инв. № В-32843). Фотография 2013 г.

но. Однако в музее все же хранится фотография с изображением гробницы из Рождественского собора с останками человека (современный инв. № В-11426). Именно в ней можно подозревать нашу мнимую гробницу Александра Невского – по характерной трещине, рассекающей ее на две неравные части и вроде бы заметную на фотографии (рис. 4).

В июле 1930 г. при ломке собора действительно были найдены белокаменные гробницы. 16 июля 1930 г. музей сообщал в Москву, в Главнауку, и в Ленинград, в Академию истории материальной культуры: «...при разборке здания Рождественского монастыря (собора) под фундаментом обнаружены 4 гробницы хорошей сохранности, из белого камня (древних погребений XII–XIII вв.). В случае Вашей заинтересованности часть этих гробниц может быть выкопана за Ваш счет и передана Вам...» А 2 августа 1930 г. заведующий музеем писал в сектор науки Наркомпроса: «...разборка фундамента бывшего собора Рождественского монастыря временно приостановлена, при осмотре обнаружены под слоем кирпича нового фундамента на глубине приблизительно около 3 метров древние белокаменные гробницы (фотография прилагается). Ниже обнаружены остатки белокаменной кладки древнего фундамента, сфотографировать в данный момент не удалось из-за плохой погоды» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 207. Л. 55, 56). Остается думать, что в этой переписке речь идет именно о нашей гробнице, и она же запечатлена на фото В-11426. Но даже если гробница была найдена в соборе, то все же неизвестно, чья она; к тому же на фото в ней виден скелет.

В «Описании древних гробниц г. Владимира», составленном ранее середины XVII в., в «Росписи великим князем, которые опочивают во граде Владимире в соборной и апостольской церкви Пречистыя Богородицы», содержится текст: «Да в Рождественном монастыре в церкви Рождества Пречистыя Богородицы князь великий Александр Ярославич Невский во иноцех Алексей. Да в стене Г гробницы, а памятухов им нет и писма хто в них опочивает» (Сиренов, 2011. С. 168). Вероятно, стена, в которой находились в древности эти гробницы, принадлежала не галереям, а самому храму. На плане нижнего яруса древнего собора, снятом Артлебенем, в галереях, т. е. во внешних стенах, ниша (аркосолий) показана только

с раскопкой гробницы в Рождественском соборе в 1930 г. (ГНИМА им. Щусева. Фонд уникальных фотографий). А в одном из старых музейных документов – «Списке переданных экспонатов» 1958 г. – числится фото под № 7060 «Вскрытая белокаменная гробница в Рождественском монастыре» (Научный архив ГВСМЗ. Д. 208. Л. 25). Одна и та же или разные гробницы на этих фотографиях, решить невозможно.

в одном месте – в восточной части южной галереи (рис. 3) (Воронин, 1961. С. 381. Рис. 175а). Южная стена юго-западной ячейки под хорами в самом храме, судя по этому плану, была уже разобрана и превращена в арку; никаких гробниц ни в соборе, ни в пристройках не было, что следует и из приведенных выше описей собора. Вероятно, гробницы – три, стоявшие в этой разобранной «стене», и четвертую, опустевшую после переноса в 1697 г. мощей А. Невского на «светлое» место и устройства на месте аркосолия сквозной арки, – спустили под пол тут же, в юго-западной ячейке самого собора (не галерей) под хорами. Там они и обнаружались в июле 1930 г. при сносе перестроенного в XIX в. здания.

Итак, анализ источников и обстоятельств погребения князя и находки гробницы не дал решительно никаких аргументов принадлежности гробницы Александру Невскому, кроме происхождения из Рождественского собора. Археологические же исследования 1997–1999 гг. на месте снесенного Рождественского собора и его галерей обнаружили целый некрополь с десятками белокаменных гробниц и надгробных плит XII–XVII вв. (Глазов и др., 1999. С. 80–82). Поэтому даже действительное происхождение гробницы из Рождественского собора ничего не доказывает, и единственным аргументом по-прежнему остается устная музейная традиция.

В ноябре 1993 г. гробница была передана в недавно открывшийся Рождественский монастырь и как священная реликвия поставлена в Христорождественской церкви монастыря. Летом 2007 г. ее перенесли в церковь под вновь построенной колокольной, а в сентябре того же года гробница неожиданно оказалась на объекте у реставраторов – в здании бывшей Городской думы, поскольку епархия решила вернуть экспонат музею. Затем реставраторы переправили гробницу в одно из музейных помещений.

В 2013 г. при перенесении гробницы в другое помещение выяснилось, что она не вытесана из монолита, как представлялось ранее, а состоит из отдельных плит, которые были тщательно скреплены гипсом, маскировавшим швы, и металлическими пиронами. Эти швы и разошлись. Все поверхности покрыты прочным слоем давней обмазки, по фактуре и цвету практически не отличимой от известняка (рис. 5). Каменные саркофаги, составленные из больших плит, – обычное явление в погребальном обряде Древней Руси, и это обстоятельство не умаляет ценности гробницы как памятника древнерусского времени (Панова, 2004. С. 78–82).

Скорее всего, наша гробница принадлежит к тем четырем, три из которых находились в XVII в. в аркосолии – «в стене... а памятухов им нет и писма хто в них опочивает». Четвертая гробница, Александра Невского, действительно могла сохраниться после переложения мощей в раку и переноса их ближе к алтарю в 1697 г. Находились эти три гробницы, вероятно, там же, где и гроб с мощами святого, стоявший после 1380 г. поверх пола, «на вскрытии» в юго-западной ячейке под хорами самого храма (не в галерее). Позже – возможно, после переноса мощей А. Невского ближе к алтарю – эта стена с аркосолием была превращена в арку, а пустой гроб святого и три гробницы с останками неизвестных лиц спущены под пол тут же, под хорами. Именно эти гробницы и были обнаружены в июле 1930 г. под фундаментом перестроенного собора на глубине около 3 м, и одна из них принята в музей. При этом остается неизвестным, была ли она первоначально пуста или в ней лежал скелет, как на фотографии В-11426.

Литература

- Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913.
- Артлебен Н. А., Корицкий Д. А.*, 1962. Пояснительная записка к проекту возобновления в древнем виде церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Владимирском Архиерейском доме // Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. II. М.
- Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.
- Бегунов Ю. К.*, 1965. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.
- Владимирские губернские ведомости. 1869. № 32. Часть неофициальная.
- Владимирские губернские ведомости. 1871. № 20. Часть неофициальная.
- Владимирский областной краеведческий музей: путеводитель / Сост. А. С. Королева. Владимир, 1956.
- Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря, 1864 // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. III. Владимир.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М.
- ГАВО. Ф.15. Оп. 8. Д. 984.
- ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 30.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1469.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 2228.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 289.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 422.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 427.
- ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 4.
- ГАВО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 118.
- ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 14.
- ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 20.
- ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 207.
- ГВСМЗ. Инв. № В-30564. Житие благоверного князя Александра Невского. Рукопись первой половины XIX в.
- Глазов В. П., Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Повелихин А. В.*, 1999. Раскопки собора Рождественского монастыря во Владимире // Археологические открытия 1997 года. М.
- Добронравов В. Г.*, 1899. Владимирский Рождественский монастырь в 1763 г. // Владимирские епархиальные ведомости. № 19. Часть неофициальная.
- Дубынин А. Ф.*, 1945. Археологические исследования Суздаля (1936–1940 гг.) // КСИИМК. XI. М.; Л.
- Масанов И. Ф.*, 1905. Библиография Владимирской губернии. Т. I. Владимир.
- НА ГВСМЗ. Д. 172.
- НА ГВСМЗ. Д. 172 а.
- НА ГВСМЗ. Д. 173.
- НА ГВСМЗ. Д. 208.
- НА ГВСМЗ. Д. 247 а.
- НА ГВСМЗ. Отчет музея за 1944 г. Б/н.
- НА ГВСМЗ. Б/н.
- Новаковская С. М.*, 1986. Камнетесное дело во Владимиро-Суздальской Руси в XII–XIII вв. // СА. № 3.
- Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

- Панова Т. Д.*, 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
- ПСРЛ. Т. 8: Воскресенская летопись. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева. Фонд уникальных фотографий.
- Сиренов А. В.*, 2011. Древнерусский некрополь г. Владимира в XVI–XVII вв. по материалам описей древних гробниц // АВСЗ: материалы научного семинара. Вып. 3. М.; СПб.
- Срезневский И. И.*, 1989. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. М.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. I. М., 2007.
- Субботин А. П.*, 1879. Губернский город Владимир в 1877 г. // Владимирские губернские ведомости. № 5. Часть неофициальная.
- Тимофеева Т. П.*, 1997. «Слово о погибели» Рождественского собора во Владимире // Памятники культуры. Новые открытия. 1991 г. М.
- Тимофеева Т. П.*, 1999. «Лежит в развалинах Твой храм...». Владимир.
- Тихонравов К. Н.*, 1869. Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи в. к. Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир.
- Sirenov A. V.*, 2016. The legitimation of the image of the saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1.

Сведения об авторе

Тимофеева Татьяна Петровна, e-mail: tata2010vl@mail.ru

T. P. Timofeeva

**THE TOMB OF THE NATIVITY MONASTERY
IN THE COLLECTION OF GSMZ**

Summary. The article reveals the origin of the white stone tomb from the Vladimir-Suzdal Museum-reserve, which was attributed to the Holy Prince Alexander Nevsky. It could only fit a man whose height did not exceed 156 cm Prince, according to the Life, compiled 20 years after his death, was of high growth. His initial burial was in the Cathedral of the Nativity monastery of Vladimir. In the “Description of ancient tombs” the first half of the XVII century in the Cathedral are mentioned, in addition to Alexander Nevsky, the three burials of unknown persons. According to descriptions of the nineteenth century, after the transfer of the relics of the Saint in 1723 in Petersburg, they resembled only a lattice in the shape of a coffin. In 1930, during the demolition of the Cathedral, rebuilt in the XIX century, 4 white-stone tombs were found under its Foundation. One of them was in the Vladimir Museum. The photo, stored in the Museum, shows the tomb of the Nativity Cathedral with the remains of a man. It is possible to assume the imaginary tomb of Alexander Nevsky in it.

Keyword: Tomb, Alexander Nevsky, the Life of Alexander Nevsky, Christmas Cathedral, inventory, photography, Vladimir Museum.

Вал. В. Бейлекчи, О. В. Данилов

РЕДКИЕ ИЗДЕЛИЯ С ЭМАЛЬЮ ИЗ МУРОМА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017–2018 гг.)

Резюме. В статье рассмотрены три изделия, обнаруженные при археологических работах в 2017–2018 гг. в г. Муроме. Изделия представлены двумя пришивными накладками, выполненными в технике выемчатой эмали, и квадрифолийной позолоченной подвеской, выполненной в технике перегородчатой эмали. Орнаментальные мотивы, использованные при создании пришивных накладок, были широко распространены в XII–XIII вв. на территории Древней Руси, однако аналогичные по форме изделия встречены впервые при научных работах. Квадрифолийная подвеска имеет единичные аналогии из раскопок, по уровню исполнения она относится к статусным предметам домонгольского периода.

Ключевые слова: археологические раскопки, Муром, накладка, подвеска, перегородчатая эмаль, выемчатая эмаль, крест.

В 2017 г. в ходе археологических исследований в г. Муроме на территории «Богатыревой горы» были найдены две пришивные накладки из цветного металла с остатками белой эмали (рис. 1)¹. Вероятно, предметы были изготовлены в одной матрице. Щиток двускатный, миндалевидной формы. На лицевой поверхности щитка в технике выемчатой эмали изображен криновидный крест. По ободку щитка расположены небольшие выемки овальной формы, заполненные белой эмалью. Изображение креста на щитке занимает центральную часть и обрамлено симметрично изгибающимися ветвями, заканчивающимися крином. Размеры щитка: длина – 28,9 мм, максимальная ширина – 18,9 мм, толщина – 1 мм. Угол между боковыми сторонами – 120°. Размеры крепления (ушка): длина – около 10 мм (отогнуто), ширина у щитка – 6 мм, ширина свободного конца – 4,7 мм, толщина – 1 мм. Диаметр отверстия в креплении – 2,5 мм.

¹ Работы проводились ООО НИАБ «Артефакт» под руководством О. В. Данилова по адресу: г. Муром, Комсомольский переулок, 12 (ОЛ № 1394, выдан 31.07.2017). Место нахождения предметов подробнее рассмотрено в статье О. В. Данилова настоящего сборника.

Рис. 1. Исследования 2017 г. на Богатыревой горе г. Муром по адресу: Комсомольский переулок, 12. Пришивные накладки миндалевидной формы из цветного металла с остатками белой эмали

Подобные изображения криновидного креста встречаются на древнерусских ювелирных изделиях, найденных в Старой Рязани, Владимире и других древнерусских городах, а также на сфрагистическом материале (Даркевич, 1978; Очеретин, Родина, 2011. С. 85–95; Макарова, 1986. С. 100–111; Янин, 1970. С. 277. Табл. 29). Форма щитка изделия напоминает древнерусский миндалевидный щит, распространенный на Руси в XII–XIII вв. (Кирпичников, 1971. С. 34–41). Щит такой формы держит в руке св. Георгий на рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (XIII в.).

Изделий данной формы в научной литературе не встречено. На сайтах «черных копателей» присутствуют аналогичные предметы, которые найдены на территории современной Украины. Схожие по функциональному назначению предметы

Рис. 2. Исследования 2018 г. на территории Муромского историко-художественного музея по адресу: ул. Первомайская, 6. Квадрифолийная овальноконечная односторонняя позолоченная подвеска из цветного металла, украшенная перегородчатыми эмалями

были найдены в Старой Рязани, Смоленске и Суздальском Ополье (*Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 37; Пронин и др., 2011. Илл. 117: 21; Федорина, 2017. Рис. 5: 23; Шполянский, 2017. Рис. 4: 15*). Эти предметы имели округлую форму в виде восьмилепестковой розетки, были изготовлены из бронзы и декорированы выемчатой эмалью. По мнению В. П. Даркевича, они являются пуговицами. Все предметы датируются XII – началом XIII в.

По-видимому, данные изделия являлись украшениями парадной одежды или церковного облачения, а также можно предположить их использование в качестве декоративного элемента на доспехах. В пользу последней гипотезы указывает наличие миндалевидных накладок на юшмане XVII в., принадлежавшем царю Алексею Михайловичу (*Гордеев, 1954. С. 102. Рис. 26. № 4562*). Вполне вероятно, что и в древнерусское время таким образом могли использоваться накладки из Мурома.

В июле-августе 2018 г. в г. Муроме на территории Муромского историко-художественного музея проводились археологические раскопки по внутреннему и наружному периметру здания гаража и фондохранилища, предваряющие ремонтные работы по укреплению фундамента². Археологические исследования, по предварительным данным, выявили части пяти закрытых комплексов – прямоугольных в плане подклетей XII–XIII вв., части двух наземных построек XVIII в., одна из которых сгорела в пожаре. Также была выявлена яма с остатками открытого очага на дне, в которой найдены фрагменты лепной посуды с насечками по торцу вен-

²Работы проводились ООО НИАБ «Артефакт» под руководством Вал. В. Бейлекчи по адресу: г. Муром, ул. Первомайская, 6 (ОЛ № 682, выдан 31.05.2018).

чика, маркирующие этот объект как самый ранний на участке исследований. Культурный слой содержал локальные участки сохранившихся горизонтов домонгольского периода и Нового времени, а также переотложенные материалы XII–XIX вв. Восточную и юго-восточную части участка исследований занимала засыпка отрога Музейного (Поповского) оврага. В настоящий момент камеральная и аналитическая работа указанных исследований не закончена, и эти данные приведены для уточнения контекста места обнаружения рассматриваемой находки.

Находка, о которой идет речь, обнаружена в интерьере фондохранилища, в траншее вдоль юго-западной стены, в контактной зоне смешанного слоя, содержащего массовый материал XII–XIX вв. и слоя домонгольского периода XII–XIII вв., залегавшего ниже (квадрат 108). Рассматриваемое изделие – квадрифолийная³ овально-конечная односторонняя позолоченная подвеска из цветного металла, украшенная перегородчатыми эмалью, предположительно, желтого и зеленого цветов (рис. 2). Основа подвески изготовлена методом литья, волнистые перегородки присоединены к основе пайкой. Центральную часть занимает круг, внутри которого с помощью перегородок оформлен X-овидный крест. Эмаль и позолота частично утрачены. Оглавие в виде плоского ушка, обратная сторона гладкая. Общий размер: $3,55 \times 2,4 \times 0,2$ см. Ушко: $0,6 \times 0,5 \times 0,4-0,2$ см. Диаметр отверстия – 0,2 см. Вес: 4,72 г.

Аналогичные по форме подвески, происходящие из археологических раскопок, насколько нам известно, встречены только дважды. Одна из них, очень близкая морфологически, происходит из столбовой ямы раскопа 2009 г. на территории Музея деревянного зодчества в г. Суздале⁴ (Сазонов, 2011. С. 50. Рис. 1: б). В отличие от подвески из Муром, отливка у суздальского образца менее качественна, у выступающих деталей оплывшие края, перегородки имитированы литьем, отсутствуют эмаль и позолота. Судя по этим параметрам, подвеска из Суздаля является подражанием оригиналам с перегородчатой эмалью. Вторая аналогичная находка, на данный момент неопубликованная, происходит из раскопок селища Михали 4 под Суздалем⁵.

Основной спектр аналогий представлен на сайтах кладоискателей и торговых площадках коллекционеров, к сожалению, не имеющих информации о месте их обнаружения. Эмалевые композиции этих подвесок индивидуальны. Среди них есть позолоченные образцы, аналогичные по композиции муромской подвеске.

Мотив «четырёхлистника» встречается на предметах другого назначения – бляшках рясен. К примеру, две парные рясны из 10 полых квадрифолийных бляшек на шарнирах найдены в 1900 г. в составе клада на городище Девичья гора близ с. Сахновка Каневского уезда Киевской губ. Клад был сокрыт в двух керамических сосудах, датирован XII в. по сопутствующей золотой монете Мануила Комнина (1143–1180 гг.). На внешней стороне ряда бляшек в технике перегородчатой эмали изображены птицы, другие украшены орнаментальными элементами (Макарова,

³ «Квадрифолий» от лат. *quadrifolium* – «четырёхлистник».

⁴ Раскопки проведены под руководством С. В. Сазонова. Выражаем благодарность руководителю раскопок за предоставленный материал.

⁵ Благодарим С. В. Шполянского за предоставленную информацию о находке квадрифолийной подвески.

1975. Табл. 10: 3). Известен еще один клад с городища Девичья гора с подобными бляшками от рясен (Там же. Табл. 9). Такие же бляшки находились на цепи от двух рясен в составе киевского клада 1827 г. из усадьбы Августиновича на Киевской улице (пропал во время ВОВ) (Там же. Табл. 10: 2). В Оружейной палате Московского Кремля хранится квадрифолийная бляшка, возможно, также являвшаяся звеном рясны, место находки которой неизвестно (Там же. Табл. 10: 1).

Квадрифолийный мотив использовался в металлопластике Руси и позднее. С XIV в. эта форма широко применялась при изготовлении крестов и энколпионов. Встречается рассматриваемый стиль и на предметах другого назначения, например, на изделии с крючком (возможно, булавки) из слоя XIV в. в Новгороде, украшенном рельефным изображением двуглавой птицы с распростертыми крыльями (Седова, 1981. Рис. 7: 10).

Производство изделий с эмалью для Древней Руси достаточно документировано, как например, в раскопе 1993 г. на Подоле в Киеве. Однако там были обнаружены заготовки трехлопастноконечных и округлоконечных крестов под выемчатую эмаль, повсеместно распространенных наряду с округло- и прямоугольноконечными в XI–XIII вв. на Руси (Сагайдак и др., 1997. С. 35, 36. Рис. 2: 8–9; Мальм, 1968. С. 113–117). О производстве перегородчатой эмали на Руси свидетельствуют очень неполные данные раскопок первой половины XX в. в Киеве на усадьбе Петровского, где упоминаются три ювелирные мастерские (Каргер, 1958. С. 398–402).

Технология изготовления предметов с выемчатой эмалью не столь трудоемка, как работа с перегородчатой эмалью, в ней отсутствует процесс пайки перегородок. Вероятно, это определяло доминирование близких по уровню исполнения, но более простых и дешевых украшений на Руси.

Место производства подвески из Мурома пока неясно, возможно, ответ будет получен по результатам спектрального анализа эмалей.

Квадрифолийная подвеска с перегородчатой эмалью и позолотой из Мурома, судя по уровню исполнения, относится к кругу статусных предметов (например, как колты или рясна). Ею мог владеть человек из привилегированного сословия, живший в XII или XIII столетии.

Литература

- Гордеев Н. В., 1954. Русский оборонительный доспех // Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М. С. 63–114.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица рязанской земли. М.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.
- Кирпичников А. Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств XI–XIII вв. Л. (САИ; Е1-36).
- Макарова Т. И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.
- Макарова Т. И., 1986. Черное дело Древней Руси. М.
- Мальм В. А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М. С. 113–116.
- Очеретин И. А., Родина М. Е., 2011. Клад украшений из раскопок 2008 г. во Владимире // АВСЗ: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 85–96.

- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г.*, 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.
- Сагайдак М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С.*, 1997. Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // *Древности* – 1996. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков. С. 31–37.
- Сазонов С. В.*, 2011. Средневековая усадьба на южной окраине Суздаля: Предварительные итоги охранных раскопок на территории Музея деревянного зодчества // *АВСЗ: материалы научного семинара*. Вып. 3. М. С. 49–53.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Федорина А. Н.*, 2017. Группа памятников Кибол 2-3-4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг. // *АВСЗ: материалы научного семинара*. Вып. 7. М. С. 68–80.
- Шполянский С. В.*, 2017. На границе княжеств: Новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское // *АВСЗ: материалы научного семинара*. Вып. 7. М. С. 81–92.
- Янин В. Л.*, 1970. Актовые печати Древней Руси XII–XV вв.: в 2 т. М.

Сведения об авторах

Бейлекчи Валентин Владимирович, ООО НИАБ «Артефакт»,
e-mail: benny1987@yandex.ru;

Данилов Олег Владимирович, ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия», e-mail: olegpervui@yandex.ru

Val. V. Beilekchi, O. V. Danilov

**RARE WARES WITH ENAMEL FROM MUROM
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF EXCAVATIONS 2017–2018)**

Summary. The article reviewed three objects which were found in archaeological excavations in 2017–2018 in Murom. The products represented by two sewn linings made in the pitted enamel technique and quadrifoglio gilded cloisonné enamel plated pendant. The ornamental motifs used to create sewn linings were widespread in the XII–XIII centuries on the territory of Ancient Russia but for the first time products of a similar form met in scientific papers. The quadrifoglio pendant has the single analogies from the excavations and by performance level it refers to the status objects of the pre-Mongol period.

Keywords: archaeological excavations, Murom, a plate, a pendant, plique-a-jour *enamel*, notched enamel, a body cross.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. Москва
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Москва
АКР	– Археологическая карта России
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГВСМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
КСИА	– Краткие сообщения ИА РАН
НА	– Научный архив
НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РО НА	– Рукописный отдел Научного архива
РА	– Российская археология. Москва
РАН	– Российская академия наук
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников

На обложке: свинцовая печать с изображением
св. Козьмы и Дамиана. Лицевая и обратная стороны.
Селище Вышеславское 3 (к статье Н. А. Макарова и др.)

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 9

Редактор: *Н. В. Бельченко*
Оформление обложки: *В. А. Кулишов*
Обработка графики: *А. В. Любавина*
Верстка: *Т. Н. Бруссель*

Подписано к печати 25.12.2019. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 300 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

